

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 4 (15) 2023

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Главный редактор:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Заместитель главного редактора:

Лунарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Ответственный секретарь:

Чуева Арина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Члены редакционного совета:

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Бочкарева Екатерина Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой административного и финансового права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Буэно Жозе Геральдо Романелло, профессор гражданского права, Просветерианский университет Маккензи, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия

Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Гусев Алексей Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Добробаба Марина Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий, Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Киреева Елена Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующая кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Нудненко Лидия Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Попова Юлия Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и административного судопроизводства, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Прохоров Леонид Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Салимгерей Арон Аманжолович, кандидат юридических наук, доцент, директор, Институт государства и права Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Семенов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Слесарев Владимир Львович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Срето Ного, доктор права, профессор, Ассоциация международного уголовного права Республики Сербия, г. Белград, Республика Сербия

Старилов Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права юридического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Шарифзода Файзали Рахмонали, доктор юридических наук, профессор, начальник Академии МВД Республики Таджикистан, генерал-майор милиции, Академия МВД Республики Таджикистан, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Условия использования материалов журнала: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Префикс DOI: 10.31429/20785836

Индексирование: журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область: в журнал принимаются к опубликованию рукописи начинающих и опытных авторов, содержащие актуальные, новые и оригинальные результаты научных и прикладных исследований в различных сферах юридической науки, с целью их дальнейшего развития, решения актуальных проблем, взаимодействия ученых в России и других странах мира.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по области науки – Социальные и гуманитарные науки (группа научных специальностей – 5.1. Право; научные специальности: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. – Уголовно-правовые науки).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Сайт журнала: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Адрес редакции: Рашилевская ул., д. 43, г. Краснодар, Россия, 350000, тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040.

Подписано в печать: 23.10.2023. Дата выхода в свет: 30.10.2023.

Усл. печ. л. 13,8. Тираж 100 экз. Заказ №

История издания журнала: издается с 2009 г.

Периодичность: выходит 4 раза в год.

Цена: свободная.

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет.

На обложке журнала использовано изображение с ресурса <https://crello.com>

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2023.

Legal Bulletin of the Kuban State University № 4 (15) 2023

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Editor-in-Chief:

Sergey V. Potapenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and International Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Deputy Editor-in-Chief:

Evgeniy B. Luparev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the EAAN, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Executive Secretary:

Arina S. Chueva, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Members of the Editorial Board:

Gyulnaz E. Adygezalova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey P. Anisimov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Ekaterina A. Bochkareva, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Jose G.R. Bueno, Professor of Civil Law, McKenzie Valerian University, Belo Horizonte, Federal Republic of Brazil

Olga V. Gladysheva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey V. Gusev, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Marina B. Dobrobaba, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies, O.E. Kutafin Moscow State Law Academy, Moscow, Russia

Alexey N. Zherebtsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Sergei A. Zhinkin, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir P. Kamyschansky, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

Elena Y. Kireeva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Personnel Management and Public Administration, Head of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Vladimir P. Konyakhin, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Roman V. Kostenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Denis N. Lozovskiy, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Lidiya A. Nudnenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Alexey N. Pozdnyshov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Rostov University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Leonid A. Prokhorov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Marina L. Prokhorova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Yulia A. Popova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Proceedings, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Alexander V. Rudenko, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Anatoliy Y. Ryzhenkov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kalmyk State University, Elista, Russia

Aron A. Salimgerei, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Director, Institute of State and Law of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir L. Slesarev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Chief Researcher, S.S. Alekseev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Nogo Sreto, Doctor of Law, Professor, Association of International Criminal Law of the Republic of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia

Yuri N. Starilov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law of the Faculty of Law, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Fayzali R. Sharifzoda, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Major General of Militia, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Larisa V. Shchennikova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

The editorial board is not responsible for the information published in advertisements.

The editorial board does not always share the point of view of the authors of the published materials.

When using the materials, references to the journal **"Legal Bulletin of the Kuban State University"** are mandatory.

Terms of use for journal materials: Content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications on 20.04.2012.

Certificate of Registration: PI №FS 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Prefix DOI: 10.31429/20785836.

Indexing: the journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published from December 2, 2019.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

Objectives and scope: the journal accepts for publication the manuscripts of novice and experienced authors containing relevant, new and original results of scientific and applied research in various fields of legal science, with the aim of their further development, solving topical problems, interaction of scientists in Russia and other countries of the world.

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science – Social Sciences and Humanities (group of scientific specialties – 5.1. Law; scientific specialties: 5.1.1. – Theoretical-historical legal sciences; 5.1.2. – Public law (state law) sciences; 5.1.3. – Private law (civil law) sciences; 5.1.4. – Criminal law sciences).

The editorial board does not charge the authors for the preparation, placement and printing of materials.

Journal website: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Editorial office address: Rashpilevskaya str., 43, Krasnodar, Russia, 350000, tel.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Printed at the publishing and printing center of KubGU: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040.

Signed to the press: 23.10.2023. Release date: 30.10.2023.

Usl. pech. l. 13,8. Edition of 100 copies. Order No

Publishing history of the journal: published since 2009.

Frequency: published 4 times a year.

Price: free.

Age limit: for persons over 16 years of age.

An image from the resource is used on the cover of the magazine <https://crello.com>

© "Legal Bulletin of the Kuban State University", 2023.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Антонченко В.В.</i> Прикладное значение философского дискурса права.....	7
<i>Зарицкий М.В.</i> Законодательный идеализм и правовой нигилизм как факторы и условия развития градостроительного законодательства (на примере градостроительного законодательства Петра I).....	16
<i>Симонян К.Р.</i> Правовое воздействие на личность: сущность и механизм реализации.....	21

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Авакян А.М.</i> Юридическая природа обязательного страхования: соотношение публично-правовых и цивилистических аспектов.....	29
<i>Епифанова Е.В.</i> Проблемы публично-правового регулирования муниципальной медицины в Российской Федерации.....	38
<i>Жеребцов А.Н., Арутюнян А.Д.</i> Понятие и виды незаконных мигрантов в рамках реализации концепции государственной миграционной политики Российской Федерации.....	45
<i>Лупарев Е.Б., Третьяков В.И.</i> К вопросу о структуре и содержательной характеристике муниципальных правоотношений.....	54
<i>Неижкаша И.С.</i> Территории с особым публично-правовым статусом в Российской Федерации: эволюция видового многообразия и критерии классификации.....	60
<i>Перепелица М.А.</i> Международно-правовые доктрины необоснованной налоговой выгоды в российском правопорядке.....	72
<i>Першина Е.А.</i> Институт референдума в отечественном конституционном праве: история и современность.....	82
<i>Татьянина Л.Г., Решетнева Т.В., Решетникова Г.А.</i> Принципы правосудия как правовые барьеры ограничения деятельности систем искусственного интеллекта.....	90

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Попова Ю.А., Мазуренко М.А.</i> Аналогия закона как способ унификации процессуального законодательства.....	102
--	-----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Князькина А.К.</i> Проблемы отграничения кражи денежных средств с банковского счета и электронных денежных средств от мошенничества с аналогичным предметом.....	111
<i>Чирков Ф.В.</i> Содержание и назначение традиционных российских духовно-нравственных ценностей.....	120
<i>Шевелева С.В., Сорокина О.С.</i> Уголовная ответственность за незаконный оборот метанола под видом алкогольной продукции.....	130

CONTENTS

THEORETICAL-HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Vadim V. Antonchenko</i> Practical significance of the philosophical discourse of law.....	7
<i>Mikhail V. Zaritsky</i> Legislative idealism and legal nihilism as factors and conditions for the development of town planning legislation (based on the example of the town planning legislation of Peter I).....	16
<i>Kristina R. Simonyan</i> Legal impact on a person: essence and mechanism of implementation.....	21

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Alesya M. Avakyan</i> The legal nature of compulsory insurance: the ratio of public law and civil aspects.....	29
<i>Elena V. Epifanova</i> Problems of public legal regulation of municipal medicine in the Russian Federation..	38
<i>Alexey N. Zhrebtssov, Alina J. Arutyanyan</i> The concept and types of illegal migrants in the framework of the implementation of the concept of the State migration policy of the Russian Federation.....	45
<i>Evgeniy B. Luparev, Vladimir I. Tretyakov</i> On the question of the structure and content of municipal legal relations.....	54
<i>Ivan S. Neizhkasha</i> Territories with a special public-legal status in the Russian Federation: the evolution of species diversity and classification criteria.....	60
<i>Maria A. Perepelitsa</i> International legal doctrines of unjustified tax benefits in the Russian legal order.....	72
<i>Elena A. Pershina</i> The institution of referendum in domestic constitutional law: history and modernity....	82
<i>Larisa G. Tatyana, Tatyana V. Reshetneva, Gulnara A. Reshetnikova</i> Principles of justice as legal barriers to limit the activities of artificial intelligence systems.....	90

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

<i>Yulia A. Popova, Maksim A. Mazurenko</i> Law analogy to unify procedural legislation.....	102
--	-----

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Anastasiya K. Knyazkina</i> The problems of differentiation of the theft of funds from a bank account and electronic money from the fraud with a similar subject.....	111
<i>Philip V. Chirkov</i> Content and purpose of traditional Russian spiritual and moral values.....	120
<i>Svetlana V. Sheveleva, Olga S. Sorokina</i> Criminal liability for illegal trafficking of methanol under the guise of alcoholic beverages.....	130

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРАВОВЫЕ НАУКИ**

**THEORETICAL-HISTORICAL
LEGAL SCIENCES**

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-7-15>

ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА ПРАВА

Антонченко В.В.

Дальневосточная пожарно-спасательная академия
(филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России)
(о. Русский остров, п. Аякс, 27, г. Владивосток, Россия, 690922)

Ссылка для цитирования: Антонченко В.В. Прикладное значение философского дискурса права. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(4):7–15.
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-7-15>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Антонченко Вадим Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточной пожарно-спасательной академии филиала ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России»

Адрес: о. Русский остров, п. Аякс, 27, г. Владивосток, Россия, 690922

Тел.: +7 (924) 250-07-33

E-mail: antovadim@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 01.09.2023

Статья принята к печати: 02.10.2023

Дата публикации: 23.10.2023

Аннотация: Цель работы состоит в выявлении значения теоретико-философских начал права для практической деятельности профессионального юриста. Задачей автора является актуализация философского и социогуманитарного знания для формирования профессиональных компетенций в рамках интегративной доктрины правопонимания, кладущей в основу юридических мировоззрения концепцию естественных прав. Для достижения поставленных целей автор применяет частно-научные методы: исторический культурологический, социологический, аксиологический, а также специальный метод юридической герменевтики, выявляющей дискурс правовой реальности в целом.

Результаты: Анализ причинно-следственных связей социально-правовой реальности требует интегративного усилия юриспруденции, философии, социологии, психологии и других социогуманитарных дисциплин. Теория права, социология права, философия права как научные области и учебные дисциплины лежат в основе познания сущности правовой реальности. Онтология права, изучающая фундаментальные принципы бытия права, и правовая аксиология, связанная с ценностным наполнением права, по мере усложнения права и социальной жизни в целом перестают быть достоянием лишь узкого круга специалистов, обсуждающих проблемы социальной философии, связанные с существованием права в прошлом и в современном обществе.

Выводы: В условиях непрестанно усложняющейся политико-правовой реальности практическое решение задач в области юриспруденции законодателем и правоприменителем требует знания правоведом философских основ правобытия человека, общества и государства. Это наделяет научное социогуманитарное знание новым актуальным звучанием. Философский дискурс права и теоретико-мировоззренческие постулаты социогуманитарных наук, обеспечивающие диалектическое единство правовых целей и правовых средств их достижения, должны составлять фундамент не только юридического знания, но и основу практической деятельности профессионального юриста.

Ключевые слова: право, теория права, философия права, правопонимание, позитивизм, нормативизм, естественное право, справедливость.

PRACTICAL SIGNIFICANCE OF THE PHILOSOPHICAL DISCOURSE OF LAW

Vadim V. Antonchenko

Far Eastern Fire and Rescue Academy
(Branch of the St. Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia)
(Russian Island, Ajax, 27, Vladivostok, Russia, 690922)

Link for citation: Antonchenko V.V. Practical significance of the philosophical discourse of law. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(4):7–15. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-7-15>

CONTACT INFORMATION:

Vadim V. Antonchenko, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Far Eastern Fire and Rescue Academy, branch of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Address: Russian Island, Ajax, 27, Vladivostok, Russia, 690922

Tel.: +7 (924) 250-07-33

E-mail: antovadim@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 01.09.2023

The article has been accepted for publication: 02.10.2023

Date of publication: 23.10.2023

Annotation: The purpose of the work is to identify the significance of the theoretical and philosophical principles of law for the practical activity of a professional lawyer. The author's task is to actualize philosophical and socio-humanitarian knowledge for the formation of professional competencies within the framework of the integrative doctrine of legal understanding, which forms the basis of the legal worldview of the concept of natural rights. To achieve these goals, the author uses private scientific methods: historical culturological, sociological, axiological, as well as a special method of legal hermeneutics, revealing the discourse of legal reality in general. Results: The analysis of cause-and-effect relationships of socio-legal reality requires an integrative effort of jurisprudence, philosophy, sociology, psychology and other socio-humanitarian disciplines. The theory of law, the sociology of law, the philosophy of law as scientific fields and academic disciplines underlie the knowledge of the essence of legal reality. The ontology of law, which studies the fundamental principles of the existence of law, and the legal axiology associated with the value content of law, as law and social life in general become more complex, cease to be the property of only a narrow circle of specialists discussing the problems of social philosophy related to the existence of law in the past and in modern society. Conclusions: In the conditions of an incessantly complicated political and legal reality, the practical solution of problems in the field of jurisprudence by a legislator and a law enforcement officer requires a lawyer to know the philosophical foundations of the legal existence of a person, society and the state. This gives scientific socio-humanitarian knowledge a new relevant sound. The philosophical discourse of law and the theoretical and ideological postulates of the socio-humanitarian sciences, which ensure the dialectical unity of legal goals and legal means to achieve them, should form the foundation not only of legal knowledge, but also the basis of the practical activity of a professional lawyer.

Keywords: law, theory of law, philosophy of law, legal understanding, positivism, normativism, natural law, justice.

Введение

Право, как основной регулятор общественных отношений представляет собой систему общеобязательных формально определенных правил поведения, которые в определенном порядке принимаются властными субъектами от имени государства. Данное определение права дается юристами, придерживающимися позитивистской (или нормативистской) концепции

правопонимания. Этот подход, тотально доминируя в подавляющем большинстве государств с разными правовыми системами, определяет основы правовой политики и идеологии в самых разных сферах социального бытия.

Вместе с тем существует и иное представление о праве, которое отделяет это понятие от государства и публичной власти. Уже в эпоху античности философы говорили о неких божественных и природных законах, с которыми должны соотноситься законы государства, о свободе (Сократ) и о человеке как «мере всех вещей» (Протагор) [5].

Католический теолог позднего Средневековья Фома Аквинский (ок. 1225–1274 гг.), борясь за господство церкви над светской властью, доказывал верховенство божественных законов над государственными. Эта система взглядов заложила фундамент концепции естественных прав, не зависящих от государственной воли, если последняя противоречит божественным законам, создаваемым и интерпретируемым клириками¹.

Эпоха европейского Просвещения, получив новое знание о человеке и обществе, сформировала и новую идеологию – юридическое мировоззрение, в рамках которого развивается неизвестная человечеству ранее концепция равенства людей и независимых от государства прав на жизнь, собственность, безопасность и личное достоинство².

Юристы прошлого говорили о несостоятельности самих предположения о существовании, кроме положительного, еще какого-то естественного права. При этом задачу объяснения позитивного права они возлагали на его философское изучение³. Согласиться с тем, что естественное право является плодом воображения академического ума, не существующим в действительности, вряд ли возможно. Действительно, доктрина естественных прав существует в теории, однако эта теория оказала мощное влияние на развитие европейской философско-правовой мысли и позитивного права передовых государств мира. Она была использована в первой в мире конституции (США, 1787 г.) и в основных законах большинства современных стран. Идеи европейских просветителей – гуманистов о том, что человек имеет неотъемлемые права, а государство должно их признавать и защищать, стали фундаментом для Всеобщей декларации прав человека и Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴. Более того, безусловный приоритет естественного права над позитивным был юридически закреплен судебными постановлениями Международного военного трибунала (Нюрнберг, 1945 г.), Международного военного трибунала для Дальнего Востока (Токио, 1946–1948 гг.), Хабаровского судебного процесса над японскими военными преступниками (Хабаровск, 1949 г.) и многими другими, доказавшими, что нормы позитивного права могут быть неправовыми, а деяния, совершенные в соответствии с ними – особо тяжкими преступлениями [1, с. 123–131].

Позитивистский и естественно-правовой типы понимания права являются основными, однако существуют и иные взгляды на право и понимание его сущности: психологическая теория (Л.И. Петражицкий, З. Фрейд), социологическая теория (С.А. Муромцев, Р. Иеринг), нормативизм (Г. Кельзен, П.И. Новгородцев), либертарная теория (В.С. Нерсисянц) и другие. Плюрализм, выражающийся в многообразии подходов к пониманию права, не умаляет, а обогащает его ценность, позволяет полнее осмыслить его значение, роль и функции. Несмотря на отличия в подходах, определения разных школ так или иначе интегрируют в понятие права феномены власти, справедливости и насилия. Правовая наука и практика очень близко соприкасается с этими явлениями и, поэтому, они не могут быть свободны от влияния государства на политико-правовую реальность. В этой реальности конкретные решения и действия всех субъектов правоприменительной деятельности, связанные с деятельностью правотворческих, правоприменительных и особенно правоохранительных органов, с принуждением и легитимным насилием, напрямую зависят от способа мышления юриста, мировоззренческой и правовой идеологии.

¹ Гайденко В.П. Об исходных понятиях доктрины Фомы Аквинского / Фома Аквинский. Онтология и теория познания (фрагменты сочинений). М.: ИФРАН; 2001.

² Мир Просвещения. Исторический словарь / Гвидо Аббатиста и др.; под ред. Винченцо Ферроне и Даниела Роша; пер. с итал. Н.Ю. Плавинской под ред. С.Я. Карпа; Москва: Памятники ист. Мысли; 2003.

³ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 43.

⁴ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Методы исследования

Подавляющее большинство граждан и, видимо, значительная часть юристов-практиков, сталкивающихся с реально функционирующим правом, являются догматиками, не представляющими истинной ценности теории права, ее прикладного характера и практической направленности. Вместе с тем отношение правоприменителя к фундаментальным постулатам и стержневым идеям является ядром юридической науки и в огромной степени влияет на повседневную жизнь человека и окружающую социальную действительность.

Философия права, объединяющая те или иные начала как минимум двух дисциплин – юридической науки и философии¹, использует в процессе познания правовой материи средства и методологию данных дисциплин. Обращение к теоретическим основам права необходимо профессиональным юристам не только для постижения своей роли и места в обществе, но и для понимания смысла своей профессии, ее социального назначения, обоснования и полезности².

Прикладные задачи правовой деятельности, например, та или иная позиция суда по применению закона, зачастую требует определения позиции по исходным, касающимся вопросов социального назначения права, его роли в обеспечении благополучия и безопасности граждан, вопросам. Являя исходные пункты в видении места человека в обществе и государстве, в определении ценностей, которые право должно отстаивать, апелляция к исходным теоретико-философским началам права может дать опорные точки для решения практических задач повседневной деятельности³.

Сутью права является не только регулирование общественных отношений, но и поиск наиболее приемлемых в общечеловеческом смысле методов такого регулирования. Философский подход, определяющий право, как идеологию свободы, равенства и справедливости, имеет в своем основании теорию естественного права. Социологический подход исходит из фактический правоотношений, которые право должно закреплять; право здесь – это реализация прав. В соответствии с более узкой позитивистской (нормативной) концепцией, право – это законодательство, создаваемое государством.

Философский и социологический подходы образуют широкое понимание права не только как нормы, но и как метода регуляции общественных отношений для достижения социального согласия и общественного компромисса, исключая необоснованное насилие. Нормативный подход не озадачивается вопросами справедливости и обоснованности; главное здесь – легальная норма. Степень соответствия этой норме общесоциальным интересам зависит от самых разных причин, в ряду которых субъективизм законодателя может иметь решающее значение. Очевидно, что это соответствие пропорционально демократизации общества: чем дальше правовая реальность отстоит от идеалов народовластия, где народ признается источником власти, тем меньше право соответствует интересам народа. Идеология властных элит всегда внедряется в государственно-правовую сферу и находит отражение и в форме, и в содержании позитивного права, его назначении, содержании и функциональной роли. Политика и идеология, господствующая в обществе в тот или иной период, может разительно отличаться от представлений о социальном прогрессе, универсальных ценностях и благополучии, носящих наднациональный характер.

В основе позитивного права лежит насилие, называемое легитимным. Однако, его легитимность определяется действующим законодательством и провозглашается существующими в то или иное время властными элитами в своих интересах. При отсутствии в государстве и обществе достаточных культурных и правовых традиций, позитивное право легко становится орудием тирании.

Право в любом государстве находится под активным воздействием политики и идеологии. Ограничить это, как правило, негативное воздействие можно лишь в условиях высокого уровня гражданской и правовой культуры, свободно формирующегося общественного мнения, высокой гражданской активности населения, реального обеспечения прав и свобод человека, многоукладной экономики и большого удельного веса в обществе среднего класса. Однако даже такие, пока недостижимые для большинства государств, условия не являются гарантией от властных злоупотреблений, направленных на обеспечение интересов (в том числе и ложных, возникающих вследствие идеологических, конспирологических и иных подобных заблуждений) властных групп, слоев и классов.

¹ Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997. С. 11–12.

² Там же. С. 227.

³ Бергель И.-Л. Общая теория права. М., 2000. С. 19.

Позитивное право изменчиво и непостоянно, законы принимаются, изменяются и отменяются волей законодателя. Далеко не всегда эта воля служит общему благу. В любой ситуации, а в условиях разобщенности интересов социальных групп, грозящей опасными социальными конфликтами особенно в переходные периоды государственного строительства и переломные моменты исторического развития государства, обществу необходима основа, фундамент, на который могло бы опереться изменчивое позитивное право. Такой основой является неформализованное, многими юристами вовсе отрицаемое, но, тем не менее, реально существующее естественное право с его вечными ценностями справедливости, равенства и неотъемлемых прав человека, не зависящих от норм, установленных государством. Объективность существования естественного права (и естественных прав) следует из реальности бытия самого человека и человечества. У Андроника Родосского читаем: «У людей, одаренных правым и здравым умом, соблюдается неизменно так называемое естественное право. Тем же, чей дух болезнен и расстроен, все кажется иначе, и у них ничто не согласуется с предметом. Поэтому не ошибается тот, кто находит, что мед сладок, тогда как больному кажется иначе»¹. Любой психически нормальный индивид хочет жить, а не умереть; быть здоровым, а не больным; не подвергаться насилию; иметь достаточный доступ к обеспечению естественных потребностей в пище, жилище, одежде, отдыхе, безопасности и т.д. Следовательно, мы можем говорить о существовании универсальных ценностей, а, значит, право в любом его понимании имеет точку опоры, которую оно способно положить в основу научного поиска, теории и практики правового регулирования социальных процессов.

Результаты исследования

Юридическая практика без юридической науки слепа, однако настоящая юридическая наука не является набором догм, а интегрирует в себе научное знание из области различных юридических и неюридических дисциплин всей социогуманитарной сферы. Современные условия существования права позволяют использовать в юридической деятельности всю совокупность достижений философско-правовой мысли, выработанных человечеством за предыдущие столетия. Юрист, действуя в определенных условиях правовой действительности, одновременно способен формировать, а, при необходимости, и трансформировать ее. Правоприменитель, в первую очередь, судья, не менее, чем знанием закона, должен обладать целостным представлением о сути и смысле своей работы, предполагающих служение гуманистическим идеалам человечества, которые не только не потеряли своей актуальности в XXI веке, а, наоборот, приобрели новую остроту и значение.

Ценность такого понимания юридической науки состоит в том, что она, не отрицая обобщение эмпирического материала, опирается на научное обоснование ценностей, создает эти ценности и придает им статус универсальных. Внедряя идеологические идеалы в правовую практику, юридическая наука в таком широком понимании формирует правовую идеологию, в которой под правом понимается воля не господствующего класса, а всего народа; под государством – не «орган классового господства» и «государственного насилия», а политико-территориальная организация общества, которая характеризуется публичной властью, призванной обеспечивать благополучие и безопасность народа.

Уровень развития современных информационных технологий и достижения в сфере искусственного интеллекта способны обеспечить автоматизированную обработку информации такого качества, что машинный способ «мышления» способен уже сегодня заменить юриста – догматика, основывающего свою профессиональную деятельность на нормативистском подходе к праву. Например, несложная компьютерная программа была бы способна на основании исходных данных о преступлении установить соответствие между признаками совершенного общественно опасного деяния и признаками, предусмотренными в нормах уголовного закона, и без участия суда вынести приговор по уголовному делу. Такой сценарий развития уголовного судопроизводства, возможно, и вероятен в будущем, однако сегодня он представляется утопией. Точное использование правовой нормы требует его соответствия не только букве закона, но и его духу, о котором в трактате «О духе законов» (фр. *De l'esprit des loix*) говорил еще писатель, правовед и философ Шарль Луи де Монтескье в 1748 г. [6]. Данная работа мыслителя, ставшая одним из программных текстов эпохи Просвещения, содержала, в частности, идеи об отмене рабства и разделении властей, положенные в основу идеологии либерализма.

¹ Гроций Г. О праве войны и мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Groziy.Kn1.pdf> (дата обращения: 15.08.2023).

Никакой искусственный интеллект не в состоянии подменить функцию суда, поскольку в основе его деятельности, например, в уголовном процессе, лежит (или должна лежать) не просто функция соотнесения признаков деяния с нормой устанавливающей ответственность за него, а более глубокие побуждения, основанные на человеколюбии, уважении к человеческой личности, представления о справедливости, нравственности и защищаемых законом ценностях. Эти свойства человеческого интеллекта не наличествуют изначально. Они могут быть приобретены лишь в результате долгой и непростой работы по освоению всей совокупности достижений философско-правовой мысли, целостных знаний и принципов социогуманитарных дисциплин, получивших апробацию на высоком научном уровне. Другими словами, для того, чтобы соответствовать высокому званию юриста, правоприменитель (а еще раньше и законодатель) должен обладать устойчивыми компетенциями не только в отраслевой юридической специальности, и не только в теории права, но и в философии права, социологии права, а также иных смежных гуманитарных и социальных науках, способных помочь ему достичь сути общественных явлений и процессов¹.

Научная дискуссия

Право является полем столкновения идей и интересов. Антиномичность теоретических постулатов неизбежно отражается на практической правоприменительной деятельности. Право, регулируя отношения общественной жизни, конфликтно по своей сути, оно устанавливается государством, а обеспечивается и защищается насилием. Разнородность ценностей и интересов общественных групп, слоев и классов проявляется в противоборстве идей и концепций. Б.А. Кистяковский писал о том, что «ни в какой другой науке нет столько противоречащих друг другу теорий, как в науке о праве. При первом знакомстве с нею получается даже такое впечатление, как будто она только и состоит из теорий, взаимно исключаящих друг друга»². Однако данный взгляд на право представляется ошибочным. Позитивизм и естественно-правовая доктрина лишь на первый взгляд антагонистичны. В социальном правовом государстве обе эти стороны образуют единство, в котором естественное право является первичным элементом, ядром, оболочкой которого, вторичным элементом является правовая норма. Именно ядро права как цивилизационной ценности и социального феномена должен видеть законодатель в правотворческой процедуре. Правоприменитель же при реализации правовой нормы обязан использовать это ядро, опираться на фундамент права.

Любое юридическое действие основано на выборе возможных вариантов, связанном с определенной системой ценностей актора: должностного лица, судьи, властного органа или самого государства.

Невозможно согласиться с кельзеновской теорией права, свободной от ценностей (wertfreie Theorie), поскольку именно ценности являются его движущей силой. Даже сама «чистота права», провозглашенная Г. Кельзеном в своих многочисленных работах является определенным ценностным подходом к праву³. Кельзен пытался оградить право от политики, идеологии и субъективизма, однако при этом понимал, что представления общества, но, более того, властных элит, о ценностях и идеалах влияют на состояние и развитие права. Г.Ф. Шершеневич писал, что «Человек только тогда может служить праву, когда у него есть убеждение в том, что само право служит правде»⁴.

Представляется, что центральным вопросом правогенеза является не проблема влияния ценностей на право и, даже, не противостояние разных подходов к правопониманию, а существо самих ценностей. Право не объективно, его субъективность следует этическому выбору. Чем более государство демократично и социально, чем более «открыто» (по А. Бергсону и К. Попперу) общество⁵, тем более правовые ценности близки к универсальным человеческим потребностям в благополучии и безопасности.

Наделяя юридическое мировоззрение определенными, присущими ему, свойствами и качествами, мы отличаем его от мировоззрения вообще. На этом основании не лишена

¹ Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 60–61.

² Кистяковский Б.А. Реальность объективного права. Философия и социология права. СПб., 1998.

³ Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Сборник переводов. Вып. 2 / Отв. ред.: Кудрявцев В.Н., Разумович Н.Н.; Пер.: Лезов С.В. М.: Изд-во ИНИОН РАН; 1988.

⁴ Шершеневич Г.Ф. История философии права. СПб., 2001.

⁵ Бергсон А. Два источника морали и религии / Пер. с фр.; примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон; 1994; Поппер К. Открытое общество и его враги (в 2 т.) / Пер. с англ. под общ. ред. В.Н. Садовского. М., 1992.

обоснованности позиция Ф.М. Раянова, который, понимая под правом правило поведения, требует отличать юридическое право от права вообще¹.

Следует согласиться с В.М. Шафировым, который, обобщая и укрупняя типы правопонимания, приходит к двум «идеальным» типам: человекоцентристскому, где юридическое (естественное) право в значительной степени совпадает с законом и содержит в своем центре права человека, и государствоцентристскому, ставящему на первое место интересы государства и, таким образом, в большей степени противопоставляющим юридическое право и закон. Во втором случае неизбежно допускается, что право может быть несправедливым, а закон – неправовым. История, к сожалению, богата на подобные примеры. Так, все известные истории геноциды, в результате которых физически уничтожались миллионы людей, были организованы властными элитами, представлявшими государство, и с точки зрения позитивного права были законны и оправданы. Без участия государства, его властей и действующего законодательства, подчиненного соответствующей идеологии, ни один геноцид как форма массового насилия, с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу путем, преимущественно, убийства ее членов, был бы невозможен.

Этатизм, рассматривающий государство как высший результат и цель общественного развития, к сожалению, не ушел в прошлое. В современных политико-правовых режимах он представлен широким спектром государств: от мягких автократий до тоталитаризма разной природы, где закон рассматривается как система жестких наказаний, поддерживающих порядок в обществе² [4; 7]. Подобные режимы, скомпрометировавшие себя отрицанием прав и свобод человека, обоснованно связываются с легистским (нормативным) подходом к праву. Закон здесь – все, свобода – ничто. Подчинение индивида власти в таком государстве представляет для индивида угрозы разного характера вплоть до его физического уничтожения [2, с. 20–27].

Мировоззрение гуманистической природы должно использовать не просто правовые, а этически обоснованные средства регуляции общественных отношений. Вернее, правовые средства должны подчиняться общечеловеческой нравственности и морали. Гуманистическая интенция профессионального юриста, воплощенная в антропоцентрическом идеале права и морали, не допускающая догматического, утилитарно-прагматического понимания юридических средств социального регулирования, способна разрешать не только сложные теоретические проблемы экзистенциально выбора, но и решать практические задачи правоприменительной деятельности.

Профессиональный юрист не может делать выбор между правом и моралью, но он должен правовые средства наделять моральными свойствами, пусть и не обеспечивающими достижение идеала социального благополучия, но стремящимися к этой цели. Профессиональный юрист не имеет права быть догматиком и не может участвовать в легализации юридических догм, противоречащих интегративной сути права, сформированной лучшими умами человечества за прошедшие века. Проникая в суть социальных процессов, юристы, законодатель и правоприменитель должны вскрывать фактическую природу правовой нормы, выявляя ее ценностный смысл и не уклоняясь от решения вопроса, ставившегося еще Сократом: что есть благо? [1]. Отношение к базовым постулатам права, к его истории, определяет уровень научно-теоретических знаний юриста, которые, в сочетании с его жизненным опытом, не только отражают правовую действительность, но и, воздействуя на правовое сознание всех субъектов права, могут участвовать в ее формировании.

Как врач не может ограничить свои компетенции знанием одного органа или одного физиологического явления, так юрист, законодатель и квалифицированный правоприменитель, прежде всего, судья, не может просто «выполнять работу», своей деятельностью он должен участвовать в формировании отношения индивида и общества к правовой действительности, быть и философом, и социологом права. Обогадив себя пониманием существа всего спектра представлений о праве, он должен опираться на его теорию и в повседневной деятельности. Некомпетентность врача может обернуться осложнением здоровья, вплоть до гибели, больного; односторонность и догматика в политико-правовой области чревата серьезными социальными болезнями, нередко приводившими государства к гибели.

¹ Проблемы теории государства и права (юриспруденции): Учеб. курс для юрид. вузов / Ф.М. Раянов; Под ред. А.И. Бобылева. Москва: Право и государство, 2003.

² Хайек Ф.А. Дорога к рабству / Пер. с англ. М. Гнедовского. Москва: Астрель: Полиграфиздат, 2012.

Выводы

Потребность человека в глубоком познании и постоянном преобразовании окружающего его мира, находит выражение в научном поиске в отношении себя, своего сознания, природы и общества. Фундаментальные знания философии и теории социогуманитарных дисциплин формируют гуманистическую онтологию мировоззрения правоведа. Этот процесс, получая начало в образовательном учреждении, важен не только для начинающего юриста и преподавателя ВУЗа, но и для практического работника, прежде всего, в правоохранительной сфере и, в первую очередь, судьи.

Догматика в праве не препятствует подмене конституционной законности политической, идеологической или любой иной целесообразностью, а, наоборот, обеспечивает ее. Догматический и нормативистский подход к праву, не наполненный гуманистическим содержанием, порождает равнодушное отношение к закону. Правовой нигилизм, являющийся тяжелейшей проблемой общества и самих органов власти, разрушает социально-правовую среду. Процесс преодоления правового нигилизма является длительным и связан с фундаментальными изменениями в индивидуальном и общественном правосознании, утверждения в них веры в право и убежденности в его социальной полезности и необходимости¹. Этот процесс будет возможен только в том случае, если все виды правовой деятельности будут основаны на принципе справедливости. Особое значение данный принцип имеет в правоприменительной деятельности, поскольку именно отражает эффективность действующего законодательства [3, с. 19–26]. Справедливость, понимаемая как честность (justice as fairness) [8], является основополагающим принципом морального равенства. Отраженный правом в законодательстве, этот принцип должен раскрываться в деятельности всех общественных институтов благодаря ежедневной практической работе правоведов.

Список использованной литературы:

1. Антонченко В.В. Право и закон. *Актуальные проблемы государства и права*. 2022;6(2(22)):123–131. DOI: 10.20310/2587-9340-2022-6-2-123-131.
2. Антонченко В.В. Тоталитаризм и либерализм в парадигмах правопонимания. *Российское право: образование, практика, наука*. 2022;(4):20–27. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_4_20.
3. Иванова С.А. Принцип социальной справедливости в правоприменительной деятельности (теоретические аспекты реализации). *Государство и право*. 2006;(1):19–26.
4. Карпов А.А. Современный тоталитаризм и его разновидности. *Ленинградский юридический журнал*. 2016;(1(43)):52–58.
5. Лазутина Т.В. Философия античности как полифункциональный феномен. *Вестник Томского государственного университета*. 2014;(383):62–69.
6. Плавинская Н.Ю. «Дух законов» Монтескье и публицистика Великой французской революции. *Сборник: от старого порядка к революции*. Л.: Изд-во ЛГУ; 1988.
7. Шкель С.Н. Авторитаризм в XXI веке (рецензия). *Политическая наука*. 2020;(1):329–339. DOI: 10.31249/poln/2020.01.13.
8. Rawls J. *A Theory of Justice*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; 1971.

References:

1. Antonchenko V.V. [Law and the law]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Actual problems of the state and law*. 2022;6(2(22)):123–131. DOI: 10.20310/2587-9340-2022-6-2-123-131 (In Russ.)]
2. Antonchenko V.V. [Totalitarianism and liberalism in the paradigms of legal understanding]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian law: education, practice, science*. 2022;(4):20–27. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_4_20 (In Russ.)]
3. Ivanova S.A. [The principle of social justice in law enforcement (theoretical aspects of implementation)]. *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2006;(1):19–26. (In Russ.)]
4. Karpov A.A. [Modern totalitarianism and its varieties]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*. 2016;(1(43)):52–58. (In Russ.)]
5. Lazutina T.V. [The philosophy of antiquity as a multifunctional phenomenon]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2014;(383):62–69. (In Russ.)]
6. Plavinskaya N.Yu. [Montesquieu's "Spirit of the Laws" and the journalism of the Great French Revolution]. *Sbornik: ot starogo poryadka k revolyutsii = Collection: from the old order to the revolution*. L.: Publishing House of LSU; 1988. (In Russ.)]
7. Shkel' S.N. [Autocracy in the XXI century (review)]. *Politicheskaya nauka = Political science*. 2020;(1):329–339. DOI: 10.31249/poln/2020.01.13 (In Russ.)]
8. Rawls J. *A Theory of Justice*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; 1971.

¹ Гойман В.И. Действие права: (Методологический анализ): автореферат дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. М., 1992.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонченко Вадим Викторович

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Дальневосточной пожарно-спасательной
академии филиала ФГБОУ ВО «Санкт-
Петербургский университет ГПС МЧС России»

ORCID: 0000-0002-0319-562X

Researcher ID: AAB-4863-2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Antonchenko

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Humanities and Socio-
Economic Disciplines of the Far Eastern Fire and Rescue
Academy, branch of the St. Petersburg University of the
State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations
of Russia

ORCID: 0000-0002-0319-562X

Researcher ID: AAB-4863-2022

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-16-20>

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ИДЕАЛИЗМ И ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ КАК ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПЕТРА I)

Зарицкий М.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Зарицкий М.В. Законодательный идеализм и правовой нигилизм как факторы и условия развития градостроительного законодательства (на примере градостроительного законодательства Петра I). *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(4):16–20. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-16-20>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Зарицкий Михаил Владимирович, аспирант кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-37-62

E-mail: kathedra@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 24.08.2023

Статья принята к печати: 25.09.2023

Дата публикации: 23.10.2023

Аннотация: Актуальность настоящего исследования обусловлена современными тенденциями сохранения самобытности и преемственности в развитии правовых институтов и правового регулирования в целом. Развитие градостроительного законодательства, с одной стороны идет по пути следования современным, инновационным потребностям и институтам общественного развития, однако, с другой стороны необходимо учитывать сложившиеся в правовом регулировании традиции и основополагающие принципы, позволяющие обеспечивать эффективность правового регулирования и формирование устойчивой правовой культуры, основанной на здоровом, свободном от деформаций правосознании населения.

Правовой идеализм и правовой нигилизм как формы деформации правового сознания на протяжении истории развития градостроительного законодательства сопровождали становление его правовых институтов. Исследование градостроительного законодательства эпохи Петра I наглядно иллюстрирует связь законодательного идеализма с правовым нигилизмом населения. Современный законодатель на пути законодательного реформирования также зачастую использует крайние формы законодательной активности при правовой институализации таких форм и явлений, которые еще не сложились как общественные институты. Таким образом, изучение исторического опыта и результатов законодательного регулирования градостроительной деятельности под влиянием правового идеализма и в условиях правового нигилизма позволит понять социально-юридические факторы, обуславливающие формирование и становление отдельных правовых институтов, а также оценить риски и перспективы эффективности правового регулирования указанной отрасли в целом.

Ключевые слова: правовой идеализм, правовой нигилизм, двойной концепт правового идеализма и правового нигилизма, эффективность правового регулирования, градостроительное законодательство Петра I, правовой институт, институализация.

LEGISLATIVE IDEALISM AND LEGAL NIHILISM AS FACTORS AND CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF TOWN PLANNING LEGISLATION (BASED ON THE EXAMPLE OF THE TOWN PLANNING LEGISLATION OF PETER I)

Mikhail V. Zaritsky
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Zaritsky M.V. Legislative idealism and legal nihilism as factors and conditions for the development of town planning legislation (based on the example of the town planning legislation of Peter I). *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(4):16–20. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-16-20>

CONTACT INFORMATION:

Mikhail V. Zaritsky, Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-37-62

E-mail: kathedra@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 24.08.2023

The article has been accepted for publication: 25.09.2023

Date of publication: 23.10.2023

Annotation: The relevance of this study is due to modern trends in preserving originality and continuity in the development of legal institutions and legal regulation in general. The development of urban planning legislation, on the one hand, follows the path of following modern, innovative needs and institutions of social development, however, on the other hand, it is necessary to take into account the traditions and fundamental principles established in legal regulation that make it possible to ensure the effectiveness of legal regulation and the formation of a sustainable legal culture based on healthy, free from deformations of the legal consciousness of the population.

Legal idealism and legal nihilism as forms of deformation of legal consciousness throughout the history of the development of urban planning legislation accompanied the formation of its legal institutions. The study of urban planning legislation of the era of Peter I clearly illustrates the connection between legislative idealism and the legal nihilism of the population. A modern legislator on the path of legislative reform also often uses extreme forms of legislative activity, with the legal institutionalization of such forms and phenomena that have not yet developed as public institutions. Thus, the study of historical experience and the results of legislative regulation of urban planning activities under the influence of legal idealism and in conditions of legal nihilism will make it possible to understand the socio-legal factors that determine the formation and establishment of individual legal institutions, as well as to assess the risks and prospects for the effectiveness of legal regulation of this industry as a whole.

Keywords: legal idealism, legal nihilism, double concept of legal idealism and legal nihilism, effectiveness of legal regulation, urban planning legislation of Peter I, legal institution, institutionalization.

Введение

Государственная политика в области градостроительного регулирования сочетает в себе факторы объективного и субъективного характера. Объективные факторы представлены конкретными социально-экономическими, политическими, культурными условиями развития общества на определенном этапе его исторического развития. Субъективные факторы формируются волей правителя, законодателя. При этом субъективные факторы зачастую превалируют над объективными и даже нивелируют наличие последних.

Несмотря на то, что уже в Киевской Руси городское устройство и строительство рассматривалось как часть государственной политики, первые, направленные на централизованное регулирование застройки городской территории предписания, появились в первой половине XVIII века в связи со строительством новой столицы.

Осознающий объективную необходимость градостроительного регулирования, Петр I, заимствуя западные градостроительные традиции и принципы, заложил принципиально новый подход к градостроительной деятельности и строительству в целом. Однако, проводимые Петром I преобразования были основаны на гипертрофированном отношении к юридическим средствам [8; 9]. Так, градостроительные преобразования Петра I игнорировали географические особенности страны, отсутствие сети транспортных развязок и логистических цепочек, позволяющих реализовывать предпринимаемые и обязательные к исполнению установления, так же, как и исторически сложившуюся систему расселения, и социально-экономическое положение отдельных категорий населения, пострадавших от проводимых реформ (интересы частных застройщиков и строителей).

Таким образом, законодательные преобразования Петра I в строительной отрасли были направлены на единообразное контролируемое государством градостроительное планирование и строительство, что свидетельствует о превалировании публичного над частным интересом в определении не только градостроительной политики в целом, но и в регулировании строительной деятельности, в частности.

Вместе с тем последующее развитие правового регулирования архитектурно-строительной деятельности характеризуется преемственностью и сохранением заложенных Петром I традиций и принципов [9, с. 81].

Методы исследования

Настоящее исследование проведено при использовании совокупности общенаучных методов познания. Основу методологии составили такие логические методы как анализ, синтез. Также при подготовке настоящей статьи применялись исторический, системный и формально-юридический методы научного познания. Теоретические выводы и результаты полученных изысканий основываются на многочисленных работах теоретиков и историков права.

Результаты исследования

Градостроительное законодательство Петра I представляет собой пример того, как законодательный идеализм позволяет в условиях правового нигилизма проводить цели государственной политики и форсировать процессы политико-правовых преобразований в обществе. Несмотря на все недовольства и трудности в результате проводимых реформ и преобразований процесс формирования городского пространства был упорядочен и подчинен принципам, которые и по сей день определяют планирование и зонирование территорий. Учитывая, что последующее развитие правового регулирования архитектурно-строительной деятельности характеризуется преемственностью и сохранением заложенных Петром I традиций и принципов, заложенный Петром I механизм правового регулирования, позволяет достичь целей градостроительной политики государства на основе унифицированного и централизованного правового регулирования и строгих форм контроля и надзора.

Такие цели градостроительной политики государства как устойчивое развитие территорий, формирование города как субъекта социально-экономического развития, обеспечение безопасности и порядка, организация комфортного проживания и передвижения населения возможно достичь только на основании унифицированного, обеспечивающего единообразное и устойчивое правовое развитие строительной отрасли, правового регулирования.

Формирование правовых институтов происходит либо посредством правовой институционализации сложившегося поведения в обществе (от социального института к правовому) либо формального закрепления нормы поведения, еще не сложившегося как устоявшаяся практика в обществе. В таком случае формально-определенное правило поведения будет определять поведение людей в обществе и таким образом формировать устоявшуюся юридическую практику.

Научная дискуссия

В научной литературе можно встретить подходы, определяющие правовое развитие отдельных институтов или отраслей посредством радикального насаждения множественных правовых актов, содержащих строгие санкции за их неисполнение, в условиях неразвитости

общественных отношений и отсутствия объективных условий для их прогрессивного регулирования, как «двойной концепт правового идеализма и правового нигилизма»¹ [4; 5].

Правовой нигилизм основывается на недооценке и отрицании права, а правовой идеализм, наоборот – на его переоценке и идеализации [4; 5].

Правовой нигилизм и правовой идеализм – это деформации правового сознания, характерные и для современного российского общества².

Теоретическая конструкция двойного концепта порождает конфликт между «желаемым идеальным образом, выраженным нормативно (в данном случае идеального города) и реальными возможностями субъектов (городских жителей)» [4]. Вместе с тем, следует отметить, что, несмотря на наличие правовых коллизий и сложностей при реализации заложенных нормативов, общественные отношения меняют вектор развития под влиянием указанных нормативных положений даже в случае пробельности и неразвитости той или иной сферы [3, с. 406; 6, с. 165–166; 7, с. 3].

Таким образом, происходит формирование социальных институтов из правовых, то есть, когда определенное общественное поведение еще не сложилось как устоявшаяся практика в обществе, но уже получило формальное закрепление и санкционирование государством в норме права в качестве такового. В таком случае формально-определенное правило поведения будет определять поведение людей в обществе и таким образом формировать устоявшуюся юридическую практику. Несмотря на то, что это достаточно длительный процесс, правогенез многих институтов и правил поведения в своем развитии проходит путь или от формально-определенного правила к поведению или от устоявшегося поведения к правилу [1].

Действительно, рассматривая масштабы правового регулирования градостроительной деятельности в петровскую эпоху, можно утверждать о намерении и государственной воле посредством радикального правового регулирования не только построить идеальный город, но и ввести новые прогрессивные строительные и архитектурные стандарты, обеспечивающие благоустройство, безопасность и гармоничное развитие города, а также равномерное распределение городов по территории империи. Учитывая эти цели, проводимая Петром I градостроительная политика, представляется вполне оправданной. Кроме того, основной массив правовых актов в строительной отрасли этого периода касался Санкт-Петербурга и отчасти Москвы, за пределами столицы строительные работы велись хаотично, «по старым правилам», установленные нормативы не соблюдались [2, с. 10].

Оценивая «указное право» Петра I в области градостроительной деятельности и декларативный характер некоторых его положений, нельзя не согласиться с утверждением И.Г. Пирожковой об «идеалистическо-волюнтаристской стратегии государства в реализации государственной программы в области строительства второй половины XVIII в.» [8, с. 25].

Вместе с тем, односторонней представляется позиция Н.И. Матузова о том, что «закон как официальное признание факта лишь оформляет реально сложившиеся отношения» [4; 5]. Поскольку закон как средство реализации государственной политики может быть направлен на формирование и развитие определенных общественных отношений, то есть может задавать правовой вектор развития перехода общества из одного состояния в другое.

Таким образом, анализ градостроительного законодательства Петра I и результатов проводимых им реформ позволяет прийти к выводу о том, что несмотря на все недовольства и трудности в результате проводимых реформ и преобразований процесс формирования городского пространства был упорядочен и подчинен принципам, которые и по сей день определяют планирование и зонирование территорий. Следовательно, определенный Петром I механизм правового регулирования, позволяет достичь целей градостроительной политики государства и на основе унифицированного и централизованного правового регулирования и строгих форм контроля и надзора обеспечить эффективное правовое регулирование и функционирование архитектурно-строительной отрасли.

Список использованной литературы:

1. Адыгезалова Г.Э. Антрополого-реалистический метод К. Ллевеллина. *Известия высших учебных*

References:

1. Adygezalova G.Eh. [The anthropological-realistic method of K. Llewellyn]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh*

¹ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2001. С. 376–392.

² Адыгезалова Г.Э. Основы юридической конфликтологии и социологии права: учебное пособие. М., 2020. С. 139.

заведений. *Правоведение*. 2011;(1(294)):93–100.

2. Вайтенс А.Г., Косенкова Ю.Л. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII – начала XXI веков: опыт исторического исследования (монография). Обнинск: Ин-т муниципального упр.; 2006.

3. Мальцев Г.В. Социальные основания права (монография). Москва, 2007.

4. Матузов Н.И. Правовой идеализм как «родимое пятно» Российского общественного сознания. *Правовая культура*. 2008;(2(5)):38–49.

5. Матузов Н.И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма. *Правовая культура*. 2013;(1(14)):8–13.

6. Михель Д.Е., Адыгезалова Г.Э. Внесудебные процедуры разрешения споров в континентальной правовой традиции: история развития и формирование доктрины (монография). Москва, 2021.

7. Носырева Е.И. Развитие медиации в России: теория, практика, образование. Сборник статей / Под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. Москва, 2012.

8. Пирожкова И.Г. Урбанистика и строительное законодательство в истории Российской империи: монография. Москва: Библио-Глобус; 2018. DOI: 10.18334/9785907063211.

9. Селиванов Р.А. Опыт регулирования застройки в историческом городе XVIII–XIX веков на примере Иркутска (монография). Иркутск: Изд-во Иркутского нац. исслед. технического ун-та; 2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зарицкий Михаил Владимирович

аспирант кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0009-0004-0123-0016

zavedenii. Pravovedenie = News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2011;(1(294)):93–100. (In Russ.)]

2. Vaitens A.G., Kosenkova Yu.L. [*The development of the legal foundations of urban planning in Russia of the XVIII – early XXI centuries: the experience of historical research*]. Obninsk: Institute of Municipal Management; 2006. (In Russ.)]

3. Mal'tsev G.V. [*Social foundations of law*]. Moscow, 2007. (In Russ.)]

4. Matuzov N.I. [Legal Idealism as a "birthmark" of Russian Public Consciousness]. *Pravovaya kul'tura = Legal culture*. 2008;(2(5)):38–49. (In Russ.)]

5. Matuzov N.I. [Legal idealism as the reverse side of legal nihilism]. *Pravovaya kul'tura = Legal culture*. 2013;(1(14)):8–13. (In Russ.)]

6. Mikhel' D.E., Adygezalova G.Eh. [*Out-of-court dispute resolution procedures in the Continental Legal Tradition: the history of development and formation of the Doctrine*]. Moscow, 2021. (In Russ.)]

7. Nosyreva E.I. [Development of mediation in Russia: theory, practice, education: collection of articles]. *Sbornik statei = Collection of articles / Edited by E.I. Nosyreva, D.G. Filchenko*. Moscow, 2012. (In Russ.)]

8. Pirozhkova I.G. [*Urbanism and Construction Legislation in the History of the Russian Empire*]. Moscow: Biblio-Globus; 2018. DOI: 10.18334/9785907063211(In Russ.)]

9. Selivanov R.A. [*The experience of building regulation in the historical city of the XVIII–XIX centuries on the example of Irkutsk*]. Irkutsk: Publishing House of Irkutsk National University. research. technical university; 2020.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Zaritsky

Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0009-0004-0123-0016

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-21-28>

ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЛИЧНОСТЬ: СУЩНОСТЬ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ

Симонян К.Р.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Симонян К.Р. Правовое воздействие на личность: сущность и механизм реализации. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(4):21–28. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-21-28>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Симонян Кристина Романовна, старший преподаватель кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-65

E-mail: civil_law402@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 09.08.2023

Статья принята к печати: 11.09.2023

Дата публикации: 23.10.2023

Аннотация: Статья рассматривает вопросы правового воздействия на личность и социальную жизнь в условиях политико-правовой транзитивности. Авторы предлагают подход, основанный на разработке и использовании конкретных, обоснованных и количественно измеримых показателей для оценки эффективности правового воздействия в практической юридической деятельности.

Классификация получаемых результатов правового воздействия на личность по разным основаниям является одним из элементов дифференцированного и результативного подхода. Также в статье рассматривается вопрос о разграничении желательных и нежелательных результатов правового воздействия на личность с помощью обоснованных критериев.

Авторы подчеркивают важность перевода абстрактных юридических норм в конкретное поведение личности для эффективного правового воздействия. Социальное правосознание, выражающее социально-правовую природу общественного бытия, является ключевым элементом в этом процессе.

В статье также обсуждаются механизмы правового воздействия на личность, включая нормативные акты, исполнительную власть, судебную власть, массовые коммуникации и т.д. Авторы подчеркивают необходимость комплексного подхода к правовому воздействию, который бы учитывал многие факторы, такие как социально-экономический контекст, политические процессы и культурные особенности.

В итоге статья предлагает комплексный подход к правовому воздействию на личность и социальную жизнь, который включает разработку конкретных показателей, классификацию результатов и разграничение желательных и нежелательных результатов, а также учитывает социально-правовую природу общественного бытия и механизмы правового воздействия.

Ключевые слова: правовое воздействие, право, правовая социализация, правовые регуляторы, способы правового регулирования, классификация правового воздействия, личность, механизм правового воздействия.

LEGAL IMPACT ON A PERSON: ESSENCE AND MECHANISM OF IMPLEMENTATION

Kristina R. Simonyan
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Simonyan K.R. Legal impact on a person: essence and mechanism of implementation. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(4):21–28. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-21-28>

CONTACT INFORMATION:

Kristina R. Simonyan, Senior Lecturer of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-65

E-mail: civil_law402@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 09.08.2023

The article has been accepted for publication: 11.09.2023

Date of publication: 23.10.2023

Annotation: The article considers the issues of legal impact on the personality and social life in the conditions of political and legal transitivity. The authors propose an approach based on the development and use of specific, reasonable and quantifiable indicators to assess the effectiveness of legal influence in practical legal activities.

Classification of the obtained results of legal impact on a person for various reasons is one of the elements of a differentiated and effective approach. The article also discusses the issue of distinguishing between desirable and undesirable results of legal influence on a person using reasonable criteria.

The authors emphasize the importance of translating abstract legal norms into concrete behavior of an individual for effective legal action. Social legal consciousness, expressing the social and legal nature of social life, is a key element in this process.

The article also discusses the mechanisms of legal influence on a person, including regulations, the executive branch, the judiciary, mass communications, etc. The authors emphasize the need for a comprehensive approach to legal impact, which would take into account many factors, such as the socio-economic context, political processes and cultural characteristics.

As a result, the article offers a comprehensive approach to the legal impact on the individual and social life, which includes the development of specific indicators, the classification of results and the distinction between desirable and undesirable results, and also takes into account the social and legal nature of social life and the mechanisms of legal influence.

Keywords: legal influence, law, legal socialization, legal regulators, methods of legal regulation, classification of legal impact, personality, mechanism of legal impact.

Введение

Любая правовая система не стоит на месте, разными темпами и с разными результатами, последствиями для ее институтов и принципов она постоянно развивается, трансформируется. Конечно, чаще всего трансформация идет эволюционным путем, без каких-либо резких скачков и революционных сломов, однако рубеж XX–XXI вв. убеждает в том, что, например, радикальные изменения претерпели социалистические правовые системы (в республиках бывшего СССР, в государствах Восточной Европы, даже в некоторых странах Юго-Восточной Азии, например, Вьетнам, отчасти Китай и др.). Здесь речь идет о типологических сдвигах, относительно стабильные западные правовые пространства тоже не стоят на месте. Например, по мнению В.Е. Чиркина в 90-х гг. XX в. либерально-социальная правовая система (семья) уже отходит от концепции «государства благоденствия» и переходит к модели юридического обеспечения «государства труда с

заботой о труде и трудящемся человеке»¹. В этом плане правовое воздействие и его результаты не могут быть оторваны от динамизма разных правовых миров, от вектора и темпов имеющих место трансформаций.

Правовое воздействие может приводить к разнообразным результатам, как положительным, так и отрицательным, которые затрагивают правовое сознание, ценности и деятельность личности в различных областях. Некоторые результаты могут быть запланированными и служить прямыми показателями эффективности правового воздействия, в то время как другие могут быть непредвиденными и иметь побочный эффект. В целом, правовое воздействие является социально-правовым явлением, которое отражает механизмы воздействия права на социальную жизнь и поведение людей, а также важно для правовой интеграции и социализации личности.

Подчеркнем, что в правовой доктрине понятие «правовое воздействие» рассматривается в самом широком смысле и охватывает весь процесс воздействия права на социальную жизнь, сознание и поведение людей. Это понятие воспринимается как единое и многообразное явление, которое включает в себя все формы воздействия права на общественные отношения и поведение людей. Такое понимание правового воздействия позволяет рассматривать не только формальные нормы права, но и их реализацию в практике, а также социальные, экономические и культурные факторы, которые влияют на процессы правового воздействия в обществе².

Методы исследования

Исследование было проведено с целью достижения определенных задач, и методология, выбранная для его выполнения, включает в себя широкий спектр методов, в том числе общефилософские, общенаучные методы анализа и синтеза, а также частнонаучные и частноправовые (специально-юридические) методы. Методология была выбрана в соответствии с целями и задачами исследования и позволяет достичь поставленных целей с максимальной эффективностью.

Результаты исследования

Для проведения анализа результатов современного правового воздействия на личность и социальную жизнь в условиях политико-правовой трансформации предлагается следующий подход: 1) разработать и использовать конкретные, обоснованные и, по возможности, количественно измеримые показатели для оценки эффективности правового воздействия в практической юридической деятельности; 2) определить желательные и нежелательные результаты правового воздействия на личность, используя обоснованные критерии, и объяснить причины такой оценки; 3) классифицировать получаемые результаты правового воздействия на личность по различным основаниям, чтобы реализовать более избирательный, дифференцированный и результативный подход.

В контексте последнего предложения следует учесть, что по природе своей результаты правового воздействия на гражданина и человека и результаты этого же воздействия на страты, разные религиозные или профессиональные группы все же обладают особенностями как сами по себе, так и в контексте области отношений, регулируемых правом (материальных, политических, духовных и др.). Кроме того, для эффективного правового воздействия необходимо перевести абстрактные юридические нормы в конкретное поведение личности. Социальное правосознание выражает социально-правовую природу общественного бытия, принципы и модели социально-правового общения, которые формируются в деятельности соответствующего социума независимо от индивидуальных намерений и приоритетов. Результат правового воздействия на личность может быть положительным или отрицательным в зависимости от принятия или отвержения этих принципов и моделей.

Научная дискуссия

Правовое воздействие – это социально-правовое явление, которое имеет широкое практическое применение в контексте механизмов воздействия права на поведение и деятельность людей, а также на их правовое сознание в различных сферах [10]. Оно раскрывает механизмы воздействия права на социальную практику и демонстрирует характер трансформирующего социального воздействия, которое неизбежно отражается на правовом сознании и деятельности личности в различных сферах. Правовое воздействие также может определять степень правовой

¹ Чиркин В.Е. Сравнительное правоведение. М., 2012.

² Берг Л.Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика: дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019.

интеграции и социализации личности, играя важную роль в формировании правовой культуры и обеспечении соблюдения законов в обществе [7].

По мнению В.К. Бабаева и В.М. Баранова, правовое воздействие на поведение людей состоит из двух взаимосвязанных процессов. Первый процесс – это стихийное преобразование, которое происходит вне государственного регулирования. В этом случае воздействие на поведение людей осуществляется само по себе, без непосредственного участия государства. Второй процесс – это целенаправленное правовое воздействие, которое осуществляется государством при помощи специализированной деятельности – правотворчества. Цель этого процесса заключается в установлении юридического режима для субъектов в социальной среде, чтобы регулировать их поведение и действия в соответствии с установленными нормами права. Оба процесса взаимодействуют друг с другом и могут влиять на поведение людей в обществе [5].

В этой связи существенное значение имеет выработка критериев оценки эффективности правового воздействия в практической юридической деятельности. При определенной затруднительности указанной задачи все же есть несколько количественно измеримых показателей, которые можно использовать для этой цели:

– *количество защищенных прав*. Одним из показателей эффективности правового воздействия является количество случаев, в которых права и свободы личности были успешно защищены. Это может быть измерено количеством решений судов или других органов, принятых в пользу граждан, либо количеством жалоб, рассмотренных и разрешенных в их пользу;

– *уровень соблюдения законов*. Оценка эффективности правового воздействия также может быть связана с уровнем соблюдения законов обществом в целом (напр., через статистику по числу нарушений закона, совершенных в определенном периоде времени, и уровню их разрешения);

– *рост доверия к системе органов власти*. Доверие граждан к системе органов власти является важным показателем эффективности правового воздействия. Оно может быть измерено, например, через опросы общественного мнения, которые оценивают уровень доверия граждан к судам, правоохранительным органам и другим институтам обеспечения правопорядка;

– *сокращение нарушений прав*. Успешное правовое воздействие должно приводить к сокращению нарушений основных прав и свобод. Это может быть измерено через статистику по количеству и типам правонарушений, совершаемых до и после введения конкретных законодательных мер.

Отметим также, что оценка эффективности правового воздействия должна быть комплексной и учитывать не только количественные показатели, но и качественные аспекты, такие как справедливость, равенство и доступность правосудия.

Исходя из изложенного, перейдем непосредственно к классификациям результатов современного правового воздействия на личность и общественную жизнь.

1. Прежде всего, результатам правового воздействия присущ измеримый либо неизмеримый характер. В данном контексте они могут различаться и по способам, и по средствам, и по методикам своего измерения, а также в зависимости от уровня научной достоверности фиксируемых результатов.

2. Результаты правового воздействия могут быть связаны с созданием и публикацией юридических документов, включая как нормативные, так и индивидуальные акты. Однако, они могут также быть не связаны с этими действиями.

3. Результаты правового воздействия могут быть общими, то есть относиться к воздействию на общество в целом и на всех его граждан, или специализированными, когда воздействие направлено только на определенные категории граждан в соответствии с нормативными правовыми актами. Кроме того, результаты могут быть индивидуальными и связанными с конкретным правовым воздействием на конкретного субъекта права в конкретном случае, то есть результатами казуального правового воздействия.

4. Результаты современного правового воздействия необходимо также разделить на стратегические и непосредственные (единичные, казуальные, ситуационные). Непосредственный результат правового воздействия на конкретную личность – это прежде всего совершение ею определенных предусмотренных юридически значимых действий либо, наоборот, несвершение таковых. Оговоримся, что результат такого воздействия может иметь для социума как положительный, так и негативный характер. Стратегические результаты могут иметь отношение как к общему формированию самой личности (в частности, ее правовому мировоззрению,

миропониманию и т. п.), так и к достижению тех или иных целей общества и государства, правовой системы в конкретный, например современный, исторический период.

5. Результаты правового воздействия можно разделить на две категории: поведенческие и культурно-идеологические. Поведенческие результаты связаны с юридически значимой деятельностью, которую субъекты осуществляют в соответствии с правовыми нормами. Культурно-идеологические результаты, в свою очередь, связаны с изменением правосознания, правовой культуры и ценностных ориентаций индивидов, а также с их психологическими реакциями на правовое воздействие.

6. Для более детального анализа результатов правового воздействия на социальные отношения и индивида стоит учитывать сферу личностной деятельности, на которую это воздействие направлено. Такое разграничение позволяет более точно определить, какие изменения произошли в общественных отношениях и деятельности индивида в результате правового воздействия. Исходя из этого, следует различать: экономические результаты; политические результаты (рост или, наоборот, спад активности и участия граждан в политической жизни); социальные результаты, (например, рост или снижение количества участников действующих общественных объединений, динамика уровня благотворительности и соответствующих общественных акций; фиксируемая динамика социальной конфликтности и т.д.); культурные и идеологические результаты (например, изменение уровня восприятия и распространения провозглашаемых государством социально-правовых ценностей, освоение населением основ общей и правовой культуры; повышение общего уровня массового правосознания и правовой культуры).

7. Результаты правового воздействия могут быть разделены не только по объекту, но и по форме их проявления, которые могут быть выражены в действиях или бездействии.

Считаем, что помимо учета вышеупомянутых критериев классификации, важно исследовать результаты правового воздействия с учетом их соответствия целям, определяемым в рамках проводимой правовой политики государства, и соответствия потребностям социального развития. Исходя из этого предлагаем классификацию результатов правового воздействия *по критерию политико-правовой целесообразности* на положительные, нейтральные и отрицательные. Положительные результаты выражаются в обеспечении защиты основных прав и свобод человека, поддержании стабильности в обществе и соблюдению правовых предписаний, а также в содействии созданию более справедливого общества, устранению дискриминации, неравенства и нарушения социальных прав (напр., введение правовых норм, защищающих права и свободы человека и гражданина). Нейтральные результаты не приводят к значительным изменениям в положении личности и не оказывают существенного воздействия на ее права и свободы (напр., изменения срока действия водительского удостоверения с 5 до 10 лет). Отрицательные результаты выражаются в ограничении прав и свобод личности без достаточной необходимости или обоснования, нарушении прав человека и усилении социального неравенства (напр., массовые задержания граждан без законных оснований).

Целесообразность результатов правового воздействия на личность должна оцениваться с учетом широкого контекста правовой политики государства и потребностей социального развития, что включает в себя соблюдение принципов правового государства, уважение и защиту прав человека, устойчивое развитие, справедливость и равенство, а также учет общественного мнения. Данная классификация результатов правового воздействия помогает оценить эффективность правовых мер и принять решения о необходимости корректировки или изменения правовой политики в целях достижения наилучших результатов для личности и общества в целом.

Однако, при классификации результатов правового воздействия следует учитывать некоторые недостатки, такие как использование уникальных характеристик для определения видов и родов признаков, что может привести к ошибкам [3]. Хорошо структурированная классификация должна соответствовать принципам полноты, достаточности, исключительности и единства.

Правовое воздействие может быть реализовано как активно, так и пассивно, в зависимости от используемых юридических методов. Однако, современное право должно играть творческую роль в стимулировании развития общественных отношений, соответствующих задачам конкретного общества. Главная задача современного права заключается в обеспечении активных форм поведения людей и формировании побудительных мотивов для активной деятельности.

Согласимся с Ю.А. Тихомировым, что целесообразно расширить спектр исследований объектов правового воздействия [11]. Помимо естественных, материальных и социальных объектов, влияющих на правовое воздействие, существуют также структурно оформленные объекты, такие как

организации, которые обладают своим статусом, компетенцией и правосубъектностью. Тем не менее, деятельность организаций не ограничивается только жалобами на избыточное нормативное регулирование и административные препятствия. Важно также соблюдать законы и технические правила, необходимые для действия в различных сферах жизни.

Согласно ученым, механизм правового воздействия функционирует посредством нескольких последовательных этапов.

Первый этап связан с формированием у человека общих представлений о праве, который происходит в период правовой социализации личности. На этом этапе формируется правосознание, достигается определенный уровень правовой культуры и формируется система правовых установок. Второй этап связан с конкретным воздействием права на поведение человека, где происходит непосредственное регулирование поведения в соответствии с правовыми нормами. На этом этапе правовое воздействие способствует формированию правосознания и дальнейшему развитию правовой культуры. Третий этап связан с историческим правовым знанием, которое включает в себя знание о праве в целом, а также о нормативно-правовых актах и нормативных предписаниях, в частности. На этом этапе правовое воздействие способствует развитию и популяризации правовых знаний в обществе, что способствует усилению правосознания и правовой культуры [12].

Правовое воздействие представляет собой органическое единство и взаимодействие элементов, которые образуют его механизм. Среди признаков этого явления можно выделить элементный состав правового воздействия, который состоит из пяти элементов [6; 8]:

1) *субъекты правового воздействия*, являются активными участниками и обладают особым статусом, так как они могут создавать правила поведения и требовать их выполнения;

2) *объекты правового воздействия*, не являются активными участниками и могут как добровольно усваивать правила поведения, так и подвергаться принуждению со стороны правовой системы;

3) *содержание правового воздействия*, представляющие собой информационно-интеллектуальный ресурс, состоящий из системы ценностей, легитимированных в данном обществе;

4) *цели правового воздействия*, направлены на создание идеальных моделей правовой интеграции и социализации личности, которые способствуют обеспечению безопасности как отдельной личности, так и общества в целом, а также государства;

5) *результаты правового воздействия*, представляют собой фактически достигнутые и устойчивые модели правовой интеграции и социализации личности, которые проявляются в реальном развитии общества и обеспечении безопасности как отдельной личности, так и общества в целом, а также государства.

Таким образом, правовое воздействие включает в себя не только правовые нормы и правовые акты, но и их элементный состав, который составляет механизм правового воздействия. В правовой доктрине отмечается, что в России формирование и функционирование механизма правового воздействия часто происходят случайным образом, без единого плана и конкретной цели, без единого координирующего органа и научного обоснования [2]. При этом законодатели считают, что их функция заключается только в принятии и утверждении законов и не занимаются усовершенствованием механизма правового воздействия. Другие участники, которые могут эффективно внести свой вклад в формирование механизма правового воздействия, не осознают своей ответственности или не желают заниматься этим вопросом. Заметим, что отдельного исследования требуют функции, результаты и в целом специфика правового воздействия при *особых правовых режимах*, которые следует рассматривать в качестве юридической основы национальной безопасности. Их возникновение, как известно, сопряжено с разного рода кризисными состояниями не только государственно-правового пространства, но и социально-экономической и духовной сфер жизнедеятельности общества. Многие стандартные и ранее в достаточной степени эффективные правовые институты теряют свою результативность, допуская развитие целого спектра угроз национальной безопасности государства.

Ясно, что и право, и национальное законодательство, а также международное право в таких условиях приобретает, возможно, ранее не свойственные им характеристики, например, повышенный динамизм, преобладание ограничивающих-запрещающих юридических средств, что, разумеется, влияет и на процесс и результаты правового воздействия на отдельную личность и общество в целом [1].

Другим важнейшим и требующим рассмотрения в рамках отдельного научного исследования поведенческим результатом правового воздействия на личность, прежде всего в современный период,

выступает ее социализация, в том числе социализация правовая. Заметим, что как результат правового воздействия *правовая социализация личности* носит некий смешанный идеолого-поведенческий характер.

Правовая социализация – это процесс передачи и постепенного усвоения индивидом имеющихся в конкретном социуме (всегда национально или этнически окрашенным) предписаний правовых норм, стереотипов и стандартов правозначимого (и социально полезного) поведения, в итоге – всей имеющейся системы правовых институтов, ценностей, требований и процедур. Однако считаем, что социализация предполагает и усвоение неких поведенческих, деятельностных навыков. И если мы говорим о правовой социализации, то это навыки *юридически значимой деятельности*.

Социализация предполагает не только усвоение индивидом конкретного социального опыта, накопленного в обществе, но и активное и целенаправленное воспроизведение этой системы общественных связей. Телеологическим ориентиром правовой социализации является воспитание личности в духе правовой культуры, которую создавали предыдущие поколения. Хотя передача социально-правового опыта через сознательно-организованные мероприятия составляет лишь часть процесса правовой социализации, она играет важную роль в формировании правосознания и правовой культуры личности [9].

Прав Л.В. Карнаушенко, отметивший, что эффективное функционирование механизма правового воздействия сильно зависит от процесса социализации, а также от воспитания [4]. Именно социализация и воспитание обеспечивают необходимую базу для усвоения информации о праве и формирования убеждений, установок и оценок относительно права. Важно понимать, что личность в отдельности не имеет возможности осуществлять полноценное правовое регулирование и ее возможности в этой области ограничены. Однако, современная культура, ориентированная на достижение личного благополучия даже в ущерб обществу, способствует эгоцентризму и препятствует формированию правильных ценностей и установок. Вдобавок, успешное правовое воздействие на конкретную личность зависит от сложившейся системы социокультурных координат, которая формируется в процессе обучения в современной системе образования. Однако, существует ряд проблем, которые могут ограничивать эффективность правового воздействия. Например, система образования может не справляться с задачей формирования правовой культуры и правосознания граждан, что может приводить к негативным последствиям в области правопорядка и правоприменения.

В связи с этим, для повышения эффективности правового воздействия необходимо уделить внимание усовершенствованию системы образования, которая должна способствовать формированию активной гражданской позиции и правовой культуры в обществе [5]. Также необходимо создание благоприятной среды для формирования правовых ценностей и культуры в обществе. В целом, успешное правовое воздействие должно учитывать особенности социокультурной системы и принимать меры для ее улучшения в целях обеспечения эффективного правоприменения и правопорядка. Важно, что для того, чтобы обеспечить эффективное правовое регулирование, необходимо создание соответствующей правовой системы, которая будет осуществлять контроль и регулирование отношений между людьми. Таким образом, правовое регулирование может быть реализовано только на уровне общества в целом, через создание законов и правовых институтов, которые будут регулировать поведение людей в соответствии с общественными нормами и ценностями.

Правовая социализация имеет конечной целью формирование правовой личности, которая является компетентным и законопослушным субъектом действующего права, обладающим высоким уровнем позитивного, социально ориентированного правового сознания и правовой культуры. Такая личность должна проявлять активную гражданскую позицию и быть способной к правовому саморегулированию и осознанному самоограничению. Она должна также постоянно стремиться к самосовершенствованию, в том числе в правовом плане, и такое стремление должно быть результатом целенаправленного правового воздействия.

Итак, только начавшая складываться концепция результатов правового воздействия на личность в современном российском обществе нуждается в настоящий период в более детальной разработке в целях максимальной оптимизации указанных результатов и для осуществления более целенаправленной практической управленческой и правоприменительной работы по формированию личности в соответствии с сегодняшними реалиями и вызовами. Такие результаты не только должны быть четко определены нормативно и доктринально, но также должны подвергаться мониторингу пути и издержки их достижения, эффективность соответствующих мероприятий государства.

Список использованной литературы:

1. Адыгезалова Г.Э. Динамизм российского права в условиях пандемии. *Теория и практика общественного развития*. 2020;(5(147)):77–81. DOI: 10.24158/tipor.2020.5.14.
2. Берг Л.Н. Генезис теоретических представлений о правовом воздействии в отечественном правоведении. *История государства и права*. 2014;(20):27–32.
3. Берг Л.Н. Теоретические основания классификации правового воздействия. *Современное право*. 2016;(1):11–16.
4. Карнаушенко Л.В. Правовое воздействие как атрибутивная характеристика современного российского общества. *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2022;(58(4)):137–141.
5. Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права (монография). М.: Норма; 2003.
6. Палеха Р.Р. К вопросу о сущности правового воздействия. *Право и государство: теория и практика*. 2020;(1(181)):102–104.
7. Палеха Р.Р. Нормативно-ценностное содержание правового воздействия. *Тенденции развития науки и образования*. 2020;(59–5):36–39.
8. Палеха Р.Р. Сущностные признаки правового воздействия. *Тенденции развития науки и образования*. 2020;(61–10):57–60.
9. Попандопуло О.А. Правовая социализация личности в российском социокультурном пространстве: ценностно-смысловое и функциональное содержание. *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2013;(1(19)):152–157.
10. Симонян К.Р. Правовое воздействие в ментальном измерении: теоретико-методологические аспекты. *Право и политика*. 2021;(4):24–30.
11. Тихомиров Ю.А. Формула правового воздействия. *Журнал российского права*. 2020;(11):5–13. DOI: 10.12737/jrl.2020.129.
12. Щербак Е.К. Особенности механизма правового воздействия. *Ученые записки Казанского университета*. 2017;159(2):363–372.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Симонян Кристина Романовна

старший преподаватель кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0003-4140-0812

References:

1. Adygezalova G.Eh. [Dynamism of Russian law in the context of a pandemic]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2020;(5(147)):77–81. DOI: 10.24158/tipor.2020.5.14 (In Russ.)]
2. Berg L.N. [The genesis of theoretical ideas about legal impact in domestic jurisprudence]. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and law*. 2014;(20):27–32. (In Russ.)]
3. Berg L.N. [Theoretical grounds for the classification of legal impact]. *Sovremennoe parvo = Modern law*. 2016;(1):11–16. (In Russ.)]
4. Karnaushenko L.V. [Legal impact as an attributive characteristic of Modern Russian Society]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(58(4)):137–141. (In Russ.)]
5. Kerimov D.A. [Methodology of law: Subject, functions, problems of philosophy of law]. Moscow: Norma; 2003. (In Russ.)]
6. Palekha R.R. [To the question of the essence of legal influence]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice*. 2020;(1(181)):102–104. (In Russ.)]
7. Palekha R.R. [Normative and value content of legal impact]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the development of science and education*. 2020;(59–5):36–39. (In Russ.)]
8. Palekha R.R. [Essential signs of legal influence]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the development of science and education*. 2020;(61–10):57–60. (In Russ.)]
9. Popandopulo O.A. [Legal socialization of personality in the Russian Socio-cultural space: value-semantic and functional content]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Volgograd State University*. 2013;(1(19)):152–157. (In Russ.)]
10. Simonyan K.R. [Legal impact in the mental dimension: theoretical and methodological aspects]. *Pravo i politika = Law and politics*. 2021;(4):24–30. (In Russ.)]
11. Tikhomirov Yu.A. [The formula of legal impact]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2020;(11):5–13. DOI: 10.12737/jrl.2020.129 (In Russ.)]
12. Shcherbakova E.K. [Features of the mechanism of legal influence]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta = Scientific notes of Kazan University*. 2017;159(2):363–372. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kristina R. Simonyan

Senior Lecturer of the Department of Civil Law of the
FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0003-4140-0812

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-29-37>

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ: СООТНОШЕНИЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ И ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ

Авакян А.М.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Авакян А.М. Юридическая природа обязательного страхования: соотношение публично-правовых и цивилистических аспектов. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(4):29–37. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-29-37>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Авакян Алеся Мнацакановна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-65

E-mail: Avakyan.alesya@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 04.09.2023

Статья принята к печати: 04.10.2023

Дата публикации: 23.10.2023

Аннотация: В качестве цели настоящего исследования выступает изучение юридической природы обязательного страхования, выявление соотношения публично-правовых и цивилистических аспектов. Анализ позволяет раскрыть институт обязательного страхования, правовое регулирование которого включает нормы публично-правового и частноправового характера.

Автором подробно исследуется и анализируется ряд нормативно-правовых актов, содержащих статьи, непосредственно направленные на закрепление норм публичного права в сфере обязательного страхования. Помимо этого, показан и аргументирован цивилистический аспект обязательного страхования, хотя и не столь значительный. Подробно раскрывается цель установления обязательного страхования, какие отношения возникают при обязательном страховании, какими нормами права они регулируются.

Новизна представленного научного исследования определяется тем, что была аргументирована особенность юридической природы обязательного страхования, включающая публично-правовые и цивилистические аспекты. Именно в обязательном страховании преобладают публично-правовые отношения, где цель регулирования носит больше публичный характер, поскольку обеспечение социальных интересов населения страны является первостепенной задачей публичного управления в целом, включая обязательное страхование. Для устранения выявленных противоречий в регулировании обязательного страхования, предложено закрепление в Законе об организации страхового дела в Российской Федерации отдельной главы, непосредственно посвященной обязательному страхованию, содержащий в себе основные термины и положения. Необходимо исключить из Закона № 4015-1 нормы, непосредственно регулирующие договорные условия в сфере обязательного страхования, и поместить их в главу 48 ГК РФ и в специальные законы, посвященные регулированию отдельных видов обязательного страхования.

Ключевые слова: обязательное страхование, соотношение публично-правовых и гражданско-правовых аспектов, цель обязательного страхования, юридическая природа обязательного страхования.

THE LEGAL NATURE OF COMPULSORY INSURANCE: THE RATIO OF PUBLIC LAW AND CIVIL ASPECTS

Alesya M. Avakyan
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Avakyan A.M. The legal nature of compulsory insurance: the ratio of public law and civil aspects. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(4):29–37. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-29-37>

CONTACT INFORMATION:

Alesya M. Avakyan, Cand. of Sci. (Law), Associate professor, Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-65

E-mail: Avakyan.alesya@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 04.09.2023

The article has been accepted for publication: 04.10.2023

Date of publication: 23.10.2023

Annotation: The purpose of this study is to study the legal nature of compulsory insurance, to identify the relationship between public law and civil aspects. The analysis makes it possible to reveal the institution of compulsory insurance, the legal regulation of which includes norms of a public-legal and private-legal nature.

The author studies and analyzes in detail a number of normative legal acts containing articles directly aimed at consolidating the norms of public law in the field of compulsory insurance. In addition, the civil aspect of compulsory insurance is shown and argued, although not so significant. The purpose of establishing compulsory insurance is disclosed in detail, what relationships arise during compulsory insurance, what legal norms they are regulated by.

The novelty of the presented scientific research is determined by the fact that a feature of the legal nature of compulsory insurance, including public law and civil aspects, has been argued. It is in compulsory insurance that public-legal relations prevail, where the purpose of regulation is more of a public nature, since ensuring the social interests of the country's population is the primary task of public administration in general, including compulsory insurance. In order to eliminate the identified contradictions in the regulation of compulsory insurance, it is proposed to consolidate in the Law on the Organization of Insurance Business in the Russian Federation a separate chapter directly devoted to compulsory insurance, containing the basic terms and provisions. It is necessary to exclude from Law No. 4015-1 the norms directly regulating contractual conditions in the field of compulsory insurance and place them in Chapter 48 of the Civil Code of the Russian Federation and in special laws on the regulation of certain types of compulsory insurance.

Keywords: compulsory insurance, the ratio of public law and civil aspects, the purpose of compulsory insurance, the legal nature of compulsory insurance.

Введение

Институт обязательного страхования как одна из важнейших социальных функций государства играет огромную роль в обеспечении качества жизни населения страны. Определение вопроса о его юридической природе, установлении критериев соотношения публично-правовых и

цивилистических аспектов, позволит быть ближе на пути к совершенствованию эффективного правового регулирования обязательного страхования.

Говоря об отнесении института обязательного страхования к публичному или частному праву, возникает множество вопросов. Важно определить основную цель установления обязательного страхования, какие отношения возникают при обязательном страховании, какими нормами права они регулируются. Представляется интересным рассмотрение указанных вопросов, что в свою очередь будет способствовать выявлению взаимосвязи и соотношению публично-правовых и цивилистических аспектов юридической природы обязательного страхования.

Методы исследования

Данное исследование было проведено с использованием представленных в совокупности традиционных научных методов, к числу которых относится диалектика. Использование данного метода производилось в целях выявления существующих, а также тех, которые могут возникнуть в перспективе, противоречий в области знаний, подлежащей исследованию. Методологическую основу данной научной работы также составили общенаучные и частно-научные методы. Благодаря использованию различных видов анализа получилось извлечь новые знания о юридической природе обязательного страхования, о соотношении публично-правовых и цивилистических аспектов.

Результаты исследования

После проведения исследования были получены следующие результаты:

1. Юридическая природа обязательного страхования характеризуется особой взаимосвязью публично-правовых и цивилистических аспектов, показано их соотношение.

2. Аргументировано и показано преобладание публично-правовых отношений в обязательном страховании, где цель регулирования носит больше публичный характер, поскольку обеспечение социальных интересов населения страны является первостепенной задачей публичного управления в целом, включая обязательное страхование.

3. Выявлены противоречия в регулировании обязательного страхования на примере главы 48 ГК РФ¹ и Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 № 4015-1. Представляется необходимым закрепление в Законе № 4015-1 отдельной главы, непосредственно посвященной обязательному страхованию, содержащей в себе основные термины и положения. Так же, немаловажно исключить из Закона № 4015-1 нормы, непосредственно регулирующие договорные условия в сфере обязательного страхования, и поместить их в главу 48 ГК РФ и в специальные законы, посвященные регулированию отдельных видов обязательного страхования.

4. Только грамотное соотношение публично-правовых и частных аспектов в сфере обязательного страхования сможет обеспечить достижение главной общесоциальной цели государства – обеспечение социальных интересов граждан и интересов государства.

Научная дискуссия

О юридической природе обязательного страхования уже много лет размышляют ученые в научной литературе. Говоря об отнесении института обязательного страхования к публичному или частному праву, возникает множество вопросов. Важно определить основную цель установления обязательного страхования, какие отношения возникают при обязательном страховании, какими нормами права они регулируются. Представляется интересным рассмотрение указанных вопросов, что в свою очередь будет способствовать выявлению взаимосвязи и соотношению публично-правовых и цивилистических аспектов юридической природы обязательного страхования.

Для начала попробуем определиться с главной целью обязательного страхования. В самом общем смысле законодатель определяет цель организации страхового дела в ст. 3 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1, где указывается, что целью организации страхового дела является обеспечение защиты имущественных интересов физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при наступлении страховых случаев².

Сразу хочется отметить, что сегодня прямого нормативного закрепления целей правового регулирования обязательного страхования не существует, поскольку нет единого закона,

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 29.12.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

содержащего общие для всех видов обязательного страхования положения, однако, представляется возможным сформулировать некоторые из них, основываясь на анализе соответствующих нормативных актов:

– ст. 4 Федерального закона № 67-ФЗ прямо говорит о цели введения такого вида: «Обязательное страхование вводится в целях обеспечения возмещения вреда, причиненного при перевозках жизни, здоровью, имуществу пассажиров независимо от вида транспорта и вида перевозок, создания единых условий возмещения причиненного вреда, а также установления процедуры получения выгодоприобретателями возмещения вреда»¹;

– ст. 1 Федерального закона № 165-ФЗ опосредованно говорит о «направленности» такого вида страхования: «Обязательное социальное страхование представляет собой систему создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию или минимизацию последствий изменения материального и (или) социального положения работающих граждан, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, иных категорий граждан вследствие достижения пенсионного возраста, наступления инвалидности, потери кормильца, заболевания, травмы, несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, беременности и родов, рождения ребенка (детей), ухода за ребенком в возрасте до полутора лет и других событий, установленных законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании»²;

– ст. 1 Федерального закона № 125-ФЗ одна из немногих, которая в п. 1 прямо перечисляет задачи и озаглавлена под соответствующим названием «Задачи обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»: обеспечение социальной защиты застрахованных и экономической заинтересованности субъектов страхования в снижении профессионального риска³;

– ст. 1.2 Федерального закона № 255-ФЗ определяет цель через понятие данного вида страхования: «Обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством - система создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию гражданам утраченного заработка (выплат, вознаграждений) или дополнительных расходов в связи с наступлением страхового случая по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»⁴;

– в ст. 3 Федерального закона № 167-ФЗ устанавливается понятие и направление обязательного пенсионного страхования: «Обязательное пенсионное страхование – система создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию гражданам заработка (выплат, вознаграждений в пользу застрахованного лица), получаемого ими до установления обязательного страхового обеспечения»⁵;

– ст. 3 Федерального закона № 326-ФЗ: «Обязательное медицинское страхование – вид обязательного социального страхования, представляющий собой систему создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на обеспечение при наступлении страхового случая гарантий бесплатного оказания застрахованному лицу медицинской помощи за счет средств обязательного медицинского страхования в пределах территориальной программы

¹ Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном: Федеральный закон от 14.06.2012 № 67-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об основах обязательного социального страхования: Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: Федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ (ред. от 03.04.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством: Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ (ред. от 03.04.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации: Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ (ред. от 26.06.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

обязательного медицинского страхования и в установленных настоящим Федеральным законом случаях в пределах базовой программы обязательного медицинского страхования»¹;

– согласно ст. 20 Федерального закона № 45-ФЗ жизнь и здоровье судьи, арбитражного заседателя, присяжного заседателя, должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, сотрудника органа государственной охраны, сотрудника учреждения или органа уголовно-исполнительной системы подлежит обязательному государственному страхованию².

Таким образом, законодатель уравнивает указанных субъектов в объеме предоставляемой страховой защиты, из чего предполагается, что он преследовал единые для всех перечисленных категорий лиц цели и задачи, устанавливая правовое регулирование такого вида страхования, в частности, в Федеральном законе от 28.03.1998 № 52-ФЗ. Данный акт хоть и предусматривает полную регламентацию такого вида обязательного страхования, включая объект страхования, порядок и условия, субъектов, но не содержит положения о целях и задачах данного ФЗ. Объектом страхования здесь выступает жизнь и здоровье отдельных категорий лиц от рисков смерти, наступления инвалидности, получения травмы (увечья) и увольнения со службы виду признания не годными/ограниченно годными по причине получения травмы³.

Исходя из этого, представляется возможным самостоятельно вывести цель правового регулирования – обеспечение компенсации или возмещения причиненного жизни или здоровью служащего (сотрудника) вреда в связи с исполнением им должностных обязанностей. Представляется, что придание обязательного характера такому виду страхования связано с особыми профессиональными рисками указанных субъектов.

Публичные правоотношения в науке определяются с различных позиций. Так, например, Е.Б. Лупарев в своих работах указывает, что «публичное отношение определяется как, урегулированное нормами права, конкретное общественное отношение, с обязательным участием субъекта, наделенного государственно-властными, муниципальными или иными политическими полномочиями, выраженное в субъективных правах, свободах и обязанностях, отражающих общественный интерес» [2, с. 27].

Сфера публичных общественных отношений многогранна, но ее отличительной чертой следует считать достижение общесоциальных целей. «В силу того, что государство не может отвернуться от вмешательства в сферу, где превалируют интересы личные (в том числе имущественные, так и личные неимущественные), и степень этого вмешательства варьируется в зависимости от конкретных общественно-исторических условий, можно выделить некую сферу общественных отношений, где частное не может существовать без публичного (но не оборот)» [1, с. 24].

На наш взгляд, именно грамотное соотношение публично-правовых и частных аспектов в сфере обязательного страхования сможет обеспечить достижение главной общесоциальной цели государства – обеспечение социальных интересов граждан и интересов государства.

Стратегия развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года ничего не говорит о целях и задачах регулирования обязательного страхования, но вполне широко аргументирует необходимость совершенствования данного подинститута в целом. Указывается, что улучшение регулирования позволит снизить количество споров между страховщиками и потребителями страховых услуг, гарантирует установление баланса интересов страховщиков,

¹ Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации: Федеральный закон от 28.03.1998 № 52-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

страховых посредников и страхователей (в том числе застрахованных лиц и выгодоприобретателей), а также положительно скажется на создании условий добросовестной конкуренции¹.

В сфере обязательного страхования представлен огромный пласт нормативных актов, регулирующих в той или иной степени обязательное страхование. ГК РФ и Закон об организации страхового дела лишь закрепляют возможность установления обязательного страхования, однако подробное правовое регулирование установлено либо в отдельных правовых актах о конкретном виде обязательного страхования, либо в специальном законе, направленном на регулирование деятельности конкретного субъекта или конкретной деятельности.

Сегодня законодатель идет по пути разграничения в правовом регулировании сфер частного и публичного права в страховании в целом. Нет четкого понимания о соотношении и разграничении публично-правового и частного аспектов в регулировании обязательного страхования.

Проблема разграничения публичного и частного правового регулирования в сфере страхования появилась одновременно с принятием двух основных нормативно-правовых актов, регулирующих страховое право как отрасль права – главы 48 Гражданского Кодекса Российской Федерации и Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации». Долгое время законодатель стремился исправить ее путем внесения легких корректировок и изменений в указанные акты, однако искоренить проблему не удалось. В связи с этим и было принято решение о необходимости разработки концепции реформирования главы 48 ГК РФ, которая предлагает внести серьезные изменения в разграничение публичного и частного начал в регулировании страхования. Однако, проект соответствующих изменений не нашел одобрения во втором чтении Государственной Думы РФ.

При рассмотрении данной темы в первую очередь необходимо определиться, что является публично-правовым регулированием, а что частным, прежде чем переходить к их разграничению непосредственно в вопросе правового регулирования.

Существует множество теорий разграничения частного и публичного права. Еще римский юрист Ульпиан указывал, что «публичное право служит общей пользе, а частное – личной» [5, с. 95].

В свою очередь, Ф.В. Тарановский различает публичное и частное право следующим образом: «публичными признаются те юридические отношения, одним из субъектов, которых является государство через свои органы со специфическим характером носителя принудительной власти; частными признаются те отношения, в которых государство отсутствует в качестве субъекта, или же выступает на одной стороне отношений, но лишь как носитель имущественных отношений (казна)» [7, с. 86].

А С. Муромцев отличительным критерием считал способ защиты. «Если защита нарушенного права предоставлена правообладателю, то такие отношения следует отнести к сфере частного права. В случаях, когда защита права представляет собой обязанность государственного органа в рамках осуществляемой им компетенции, отношения имеют публично-правовой характер» [4, с. 56].

Ю.А. Тихомиров, подчеркивает особенность публичного права через субъекты: «Одной из отличительных черт публично-правовой деятельности является участие в ней субъектов с властными полномочиями. Любой вид организованного воздействия, будь то функционирование государственной власти, управления или самоуправления, связан с отношениями «команда-подчинение»»².

Интересной является позиция профессора Е.Б. Лупарева, который утверждает, что «публичное право может существовать автономно, «не нуждаясь» в частном праве, а вот частное право не может жить без вмешательства публичного» [3, с. 31].

Несмотря на отсутствие общепризнанного критерия деления права и соответственно правового регулирования на публичное и частное и наличие множества противопоставленных друг другу концепций этого деления, наиболее общим и часто встречающимся является утверждение о том, что «частное право защищает интересы отдельных людей, а публичное – интересы государства в целом, соответственно частный метод правового регулирования характеризуется юридической децентрализацией, а публичный – юридической централизацией» [6, с. 37].

¹ Об утверждении Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 22.07.2013 № 1293-р // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Тихомиров Ю.А. Публичное право: Учебник. М.: БЕК; 1995. С. 135.

Соотношение публично-правовых и цивилистических аспектов в отношениях по обязательному страхованию можно выявить исходя из анализа норм, регулирующих данные отношения. Изначально законодатель исходил из идеи того, что частноправовые страховые нормы будут содержаться в главе 48 ГК РФ, а нормы публичного характера в законе «Об организации страхового дела в РФ».

В первую очередь выделим частноправовые нормы, положения, касающиеся договора страхования: определение его видов, начало действия и прекращение договора страхования, интересы, страхование которых допускается по договору, а также интересы, страхование которых недопустимо. Нормы о страховании имущества, страховании ответственности за причинение вреда, страховании ответственности по договору, а также страховании предпринимательского риска также нашли свое отражение в положениях ГК РФ. Положения о форме договора страхования, правах и обязанностях сторон договора, существенных условиях договора страхования, сведениях, предоставляемых страхователем при заключении договора страхования, о страховании по генеральному полису – все эти положения по своей природе безусловно являются частноправовыми и совершенно справедливо нашли свое закрепление в тексте ГК РФ. Наконец, законодатель определил статьи о неполном имущественном страховании, дополнительном имущественном страховании, взаимном страховании и целый ряд других частноправовых статей в главу 48 ГК РФ.

Таким образом, мы видим, что в большей своей части ГК РФ соответствует изначальному замыслу законодателя и содержит большую часть частноправовых норм регулирования страхования.

В свою очередь, Закон № 4015-1, который по задумке законодателя должен был отвечать за публичную сторону правового регулирования страхового дела, включает в себя значительное количество таких норм.

Во-первых, это положения о контроле и надзоре за деятельностью субъектов страхового дела, а именно: лицензирование деятельности субъектов страхового дела, контролирующие страховую организацию лица, отзыв лицензии, прекращение страховой деятельности субъекта страхового дела в связи с отзывом лицензии и так далее.

Во-вторых, определяются условия осуществления коммерческого присутствия иностранных страховых организаций на территории Российской Федерации, их лицензирование, требования к гарантийному депозиту и иные.

В-третьих, в Законе № 4015-1 содержится норма, посвященная разрешению споров субъектов страхового дела.

В-четвертых, регулируется национальная перестраховочная компания.

Все указанные выше нормы Закона № 4015-1 вне сомнений публичные, так как касаются вопросов, не связанных непосредственно с регулированием условий договора страхования и иными частными нормами. Однако содержит указанный закон и немало частноправовых норм.

Таким образом, многое из задуманного законодателем было осуществлено, однако за 30 лет своего существования закон «Об организации страхового дела» был неоднократно изменен и в настоящий момент запланированного деления не сложилось. Проблемы правоприменения возникают из-за дублирования правового регулирования отдельных вопросов, которое может быть противоречивым.

Так, из п. 1 ст. 929 ГК РФ следует, что по договору имущественного страхования в случае наступления страхового случая страхователю или иному лицу, в пользу которого заключен договор, возмещение убытков осуществляется в денежной форме. А Законом № 4015-1 предусматривается возможность возмещения и в натуральной форме – выплата при страховании имущества и (или) гражданской ответственности может заменяться предоставлением имущества взамен утраченного или устранением повреждений. Более того, Федеральным законом от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»¹ (далее – Закон об ОСАГО) установлен приоритет натурального возмещения перед денежной выплатой в случаях причинения вреда легковым автомобилям, находящимся в собственности граждан и зарегистрированным в России.

Такие проблемы возникают именно из-за отсутствия четкого деления публичных и частных норм правового регулирования между Законом № 4015-1 и главой 48 ГК РФ.

¹ Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Для урегулирования данной законодательной коллизии и предлагалось принятие Концепции развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования (далее – Концепция). Как указывают авторы концепции «в действующем правовом регулировании имеется серьезная коллизия, которая оказывает существенное влияние на практику применения страхового законодательства. В доктрине страхового права отмечается необходимость устранения указанной коллизии в качестве одного из условий поступательного развития отрасли страхового права в целом»¹.

Итак, каким же образом Концепция предлагает исправить существующее несовершенство правового регулирования страхования?

Авторы Концепции пытаются воплотить в жизнь идею законодателя о разделении частного и публичного правового регулирования в разные нормативные акты. В первую очередь предлагается перенести в ГК РФ, содержащиеся в Законе об организации страхового дела частноправовые нормы, касающиеся договора страхования.

Так, дополнить главу 48 ГК РФ предлагается нормами об объектах страхования, о страхователе, страховом случае и страховом риске, страховой сумме, выплате и франшизе. Все указанные нормы в настоящий момент содержатся в Законе № 4015-1, хотя и являются частноправовыми по методу регулирования. Стоит отметить, что даже нормы о сторонах договора страхования – страхователе и страховщике соответственно – содержатся в разных нормативно-правовых актах, что свидетельствует о полном отсутствии планомерности и последовательности в регулировании страхования.

Предлагаемые в Концепции изменения расположения частных и публичных праворегулирующих норм и соотношение их с главой 48 ГК РФ и Законом № 4015-1 соответственно лишь обозначают проблему, но не решают ее целиком. Именно попытка обозначить все правовые нормы, находящиеся «не на своем месте» и формирует актуальность и практическую значимость данной темы.

Безусловным упущением законодателя является и нахождение среди публично-правовых норм ст. 14 Закона, посвященной формам объединений субъектов страхового дела, страховых агентов, страхователей, заинтересованных лиц, выгодоприобретателей и статей 14.1, 14.2, дополняющих ее и посвященным страховым (перестраховочным) пулам и саморегулирующимся организациям в сфере финансового рынка. На наш взгляд, данные нормы являются частноправовыми и должны составить ту часть правового регулирования страхования, которая содержится в Гражданском кодексе.

Все вышеуказанные обстоятельства свидетельствуют о несовершенстве правового регулирования страхования в целом. Конечно, обязательное страхование, являясь одной из форм всех видов страхования, также подвержено регулированию частноправовыми и публично-правовыми нормами. В главе 48 ГК РФ, представлены статьи 935–937 и 969, посвященные обязательному страхованию, как единственные в полной мере публичные правовые нормы из всех представленных в данной главе.

Таким образом, в настоящий момент регулирующие нормы частного и публичного характера расположены в законодательном массиве хаотично, и даже предлагаемая к принятию концепция реформирования главы 48 ГК РФ не исправляет все несоответствия правовой реальности и умысла законодателя. Более того, представляется, что даже при гипотетическом распределении частных и публичных правовых норм-регуляторов в четком порядке между ГК РФ и Законом Об организации страхового дела полностью освободить Закон № 4015-1 от частноправовых норм вряд ли удастся, поскольку страхование является динамичной и быстро развивающейся сферой социально-экономической жизни, требующей подчас оперативного внесения законодательных корректировок. А такие поправки представляется более целесообразным включать в Закон № 4015-1, так как ГК РФ должен как кодифицированный акт оставаться более стабильным.

Представляется необходимым закрепление в Законе об организации страхового дела в Российской Федерации отдельной главы, непосредственно посвященной обязательному страхованию, содержащей в себе основные термины и положения.

¹ Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25.09.2020 № 202/оп-1/2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Все-таки о соотношении публично-правовых и цивилистических аспектов в регулировании обязательного страхования можно говорить, исходя из регулирования страхования в целом.

Говоря о превалировании роли публичной или частной составляющей в нормативном регулировании страхования, ученые разделяются во мнениях. Некоторые указывают в качестве главенствующей частную, указывая, что целью страхования, в первую очередь является защита имущественных интересов юридических и физических лиц от случайных убытков.

И все же нам представляется, что в случае обязательных видов страхования публичное право распространяет свои нормы куда больше, чем частное, хотя бы и в части нормативного закрепления обязательности страхования в тех или иных случаях, в установлении строгих формальных условий страхования, размеров страховых сумм, объектов, подлежащих страховой защите, субъектов и исчерпывающего перечня событий, признаваемых в качестве страховых случаев, в некоторых актах конкретизированных более чем подробно (например, в обязательном страховании ответственности оценщика при осуществлении оценочной деятельности страховым случаем является установленный вступившим в законную силу решением арбитражного суда или признанный страховщиком факт причинения ущерба действиями (бездействием) оценщика в результате нарушения требований федеральных стандартов оценки, стандартов и правил оценочной деятельности, установленных саморегулируемой организацией оценщиков, членом которой являлся оценщик на момент причинения ущерба).

Таким образом, юридическая природа обязательного страхования имеет особенность, включая публично-правовые и цивилистические аспекты. Именно в обязательном страховании превалируют публично-правовые отношения, где цель регулирования носит больше публичный характер, поскольку обеспечение социальных интересов населения страны является первостепенной задачей публичного управления в целом, включая обязательное страхование.

Список использованной литературы:

1. Лупарев Е.Б. Административные правоотношения: в 10 т. Т. 2. (монография). М.: Издательство НП «Евразийская академия административных наук»; 2003.
2. Лупарев Е.Б., Добробаба М.Б., Мокина Т.В. Общая теория публичных правоотношений (монография). М: Юрлитинформ; 2011.
3. Лупарев Е.Б. Критерии разделения публичных и частных правоотношений: от дихотомии к тройственности права. *Право и практика*. 2010;(2):31–42.
4. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права (монография). Москва: Издательство Юрайт; 2023.
5. Пименова Е.Н. Основные теории разграничения публичного и частного права. *Актуальные проблемы права*. 2011;(11):95–97.
6. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права (монография). Москва: Статут; 2020.
7. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права (монография). М., 1917.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Авакян Алеся Мнацакановна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0003-4268-9574

References:

1. Luparev E.B. [Administrative legal relations: in 10 vols. Vol. 2]. Moscow: Publishing House of NP "Eurasian Academy of Administrative Sciences"; 2003. (In Russ.)]
2. Luparev E.B., Dobrobaba M.B., Mokina T.V. [General theory of public legal relations]. Moscow: Yurлитinform; 2011. (In Russ.)]
3. Luparev E.B. [Criteria for the separation of public and private legal relations: from dichotomy to the triplicity of law]. *Pravo i praktika = Law and practice*. 2010;(2):31–42. (In Russ.)]
4. Muromtsev S.A. [Definition and basic division of law]. Moscow: Yurayt Publishing House; 2023. (In Russ.)]
5. Pimenova E.N. [Basic theories of the distinction between public and private law]. *Aktual'nye problemy prava = Actual problems of law*. 2011;(11):95–97. (In Russ.)]
6. Pokrovskii I.A. [The main problems of civil law]. Moscow: Statute; 2020. (In Russ.)]
7. Taranovskii F.V. [Textbook of the Encyclopedia of Law]. M., 1917. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alesya M. Avakyan

Cand. of Sci. (Law), Associate professor, Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0000-0003-4268-9574

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-38-44>

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Епифанова Е.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Епифанова Е.В. Проблемы публично-правового регулирования муниципальной медицины в Российской Федерации. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(4):38–44. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-38-44>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Епифанова Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: epifanova_elen@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 05.09.2023

Статья принята к печати: 05.10.2023

Дата публикации: 23.10.2023

Аннотация: Целью работы выступает анализ проблематики публично-правового регулирования деятельности органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья населения.

Исходя из поставленной цели, в задачи исследования входит анализ проблем, связанных с определением публично-правового статуса как организационных структур муниципалитетов, реализующих полномочия в сфере охраны здоровья, так и тех немногих медицинских организаций, которые еще иногда встречаются в отдельных субъектах Российской Федерации.

Важность обсуждения вопроса о публично-правовом регулировании муниципальной медицины обусловлена тем, что законодательство об охране здоровья в отношении бывших муниципальных медицинских организаций, применяется с учетом того, что все они с 2011 года переданы в подчинение субъектам Российской Федерации.

Принципиальный вывод статьи состоит в том, что муниципалитеты должны иметь возможность создавать и финансировать медицинские организации, если это позволяет бюджет муниципального образования. Соответственно, стоит задача скорректировать законодательство, определяющее компетенцию муниципалитетов в сфере охраны здоровья.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, публичное управление, муниципальная медицина, охрана здоровья.

PROBLEMS OF PUBLIC LEGAL REGULATION OF MUNICIPAL MEDICINE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Elena V. Epifanova

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Epifanova E.V. Problems of public legal regulation of municipal medicine in the Russian Federation. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(4):38–44. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-38-44>

CONTACT INFORMATION:

Elena V. Epifanova, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: epifanova_elen@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 05.09.2023

The article has been accepted for publication: 05.10.2023

Date of publication: 23.10.2023

Annotation: The aim of the work is to analyze the problems of public law regulation of the activities of local governments in the field of public health protection.

Based on the goal set, the objectives of the study include an analysis of the problems associated with determining the public law status of both the organizational structures of municipalities exercising powers in the field of health care, and those few medical organizations that are still sometimes found in individual subjects of the Russian Federation.

The importance of discussing the issue of public law regulation of municipal medicine is due to the fact that the health protection legislation in relation to the former municipal medical organizations is applied taking into account the fact that since 2011 all of them have been subordinated to the subjects of the Russian Federation.

The principal conclusion of the article is that municipalities should be able to create and finance medical organizations if the budget of the municipality allows it. Accordingly, the task is to correct the legislation that determines the competence of municipalities in the field of health care.

Keywords: local governments, public administration, municipal medicine, health care.

Введение

Важность обсуждения вопроса о публично-правовом регулировании муниципальной медицины обусловлена тем, что законодательство об охране здоровья практически исключило органы местного самоуправления из системы управления здравоохранением.

Конституционная реформа 2020 года привнесла в статус органов местного самоуправления довольно важные новеллы, связанные с формированием единой основы публичной власти. Несмотря на то, что статья 12 Конституции РФ по-прежнему не относит органы местного самоуправления к органам государственной власти, но 132 статья этого же нормативного акта включает органы местного самоуправления в единую систему публичной власти. При этом за органами государственной власти остается право наделять органы местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, но, в отличии от предыдущей редакции Конституции РФ существует обязательное условие наделения такими полномочиями – передача им необходимых для осуществления таких полномочий материальных и финансовых средств.

Методы исследования

Исследование проблематики правового регулирования деятельности муниципальной медицины определяет методологию исследования, включающую в себя использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых, управленческих и естественнонаучных явлений в контексте избранной темы, а также метода статистического анализа.

Результаты исследования

С учетом того, что органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти, предлагается помимо закрепления отдельных функций органов местного самоуправления в федеральном и региональном законодательстве предусмотреть наличие в структуре органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов (и приравненных к ним) отделов реализации полномочий в сфере здравоохранения, отразив это в федеральном и региональном законодательстве об охране здоровья.

Научная дискуссия

Конституционная реформа 2020 года и логично следующие за ней законопроекты изменения в законодательство о местном самоуправлении¹ по сути не добавляют ничего нового в сложившиеся полномочия органов местного самоуправления в сфере здравоохранения [3; 5; 6]. Во внесенном Сенатором Российской Федерации А.А. Клишасом и Депутатом Государственной Думы П.В. Крашенинниковым законопроекте термины «охрана здоровья», «здравоохранение» не употребляются вообще, а о медицине говорится лишь в статье 32 законопроекта в контексте полномочий органов местного самоуправления по обеспечению доступности медицинской помощи и в части создания запасов медицинских средств для целей гражданской обороны.

Мы можем констатировать, что конституционная реформа 2020 года оказывает влияние на статус органов местного самоуправления, но не в части полномочий по охране здоровья человека [4].

Переломным моментом в перераспределении полномочий в сфере здравоохранения между органами государственной власти и органами местного самоуправления стал 2011 год, когда было принятие Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан», создавшим условия для переподчинения муниципальных медицинских организаций органам государственной власти, хотя потенциальная возможность реализации в делегированных полномочий в сфере здравоохранения муниципальными организациями здравоохранения сохраняется [2].

Рассмотрим трансформацию муниципального здравоохранения на примере г. Краснодар. Во второй половине 2018 года в здравоохранении на уровне муниципалитетов произошли значительные организационные изменения – практически все муниципальные медицинские организации переданы в государственную собственность, в связи с чем «решением городской Думы Краснодара от 23.10.2018 № 62.17 «О внесении изменения в решение городской Думы Краснодара от 14.10.2005 № 74 п. 2 «О структуре администрации муниципального образования город Краснодар» управление здравоохранения администрации муниципального образования город Краснодар исключено из числа отраслевых структур»². В соответствии с решением городской Думы Краснодара от 31.01.2019 № 67 п. 16 «О внесении изменений в решение городской Думы Краснодара от 14.10.2005 № 74 п. 2 «О структуре администрации муниципального образования город Краснодар»³ в администрации муниципального образования был создан новый орган, состоящий по штату из 6 служащих – отдел по вопросам в сфере охраны здоровья граждан администрации муниципального образования город Краснодар с весьма ограниченными функциями, которые даже трудно назвать полномочиями потому что фактически данное структурное подразделение не принимает никаких управленческих актов.

Для сравнения – решение Городской Думы города Нижнего Новгорода от 22.07.2022 № 165 «О внесении изменений в структуру администрации города Нижнего Новгорода, утвержденную решением городской Думы города Нижнего Новгорода от 23.06.2020 № 117»⁴ вообще не упоминает о структурных подразделениях в сфере здравоохранения.

Анализ статьи 17 ФЗ «Об основах охраны здоровья» позволяет, прежде всего говорить о том, что не любое муниципальное образование наделено полномочиями в сфере охраны здоровья, а лишь муниципальные округа, городские округа, муниципальные районы. Городские и сельские поселения соответствующих полномочий не имеют. Это означает лишь то, что законодатель не решался и не решается отдавать столь серьезные вопросы как здравоохранение на уровень муниципальных образований, которые не имеют для этого необходимых организационных, финансовых и материально-технических ресурсов.

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: проект федерального закона (внесен в Государственную Думу 16.12.2021) [сайт]. СОЗД ГАС «Законотворчество»; 2022 [процитировано 09 сентября 2022]. Доступно: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8?ysclid=17u89j9gte825900370>.

² Об отделе по вопросам в сфере охраны здоровья граждан [сайт]. Официальный Интернет-портал администрации муниципального образования город Краснодар и городской Думы Краснодара; 2022 [процитировано 19 сентября 2022]. Доступно: <https://krd.ru/administratsiya/administratsii-krasnodara/otdel-voprosam-zdorovya-grajdan/ob-otdele/>.

³ Вестник органов местного самоуправления МО г. Краснодар. 2019. № 2.

⁴ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--blacdfjbh2acclcal1.xn--plai/uploads/magic/ru-RU/Document-0-425-src-1663075458.085.pdf> (дата обращения: 19.09.2022).

Общая проблематика организации охраны здоровья населения со стороны органов местного самоуправления находит свое выражение как в собственных, так и делегированных полномочиях.

Собственные полномочия органов местного самоуправления в сфере здравоохранения в настоящее время носят вспомогательный характер. Если с этимологических позиций проанализировать пункты с 1 – по 7 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан», то выясняется, что речь идет о «создании условий», «информировании», «пропаганде», «просвещении», «создании благоприятных условий», но никак не об организации оказания медицинской помощи, профилактики заболеваний.

Тем не менее, даже в усеченном виде мы имеем дело с определенными собственными полномочиями органов местного самоуправления, игнорировать которые не только контрпродуктивно, но и попросту формально невозможно.

Судебная и административная практика свидетельствует о том, что в необходимых случаях именно к компетенции органов и должностных лиц местного самоуправления обращается правоприменитель, невзирая на, как уже отмечалось, вспомогательный характер собственных полномочий муниципалитетов в сфере здравоохранения.

Важно отметить, что собственные полномочия органов местного самоуправления не предполагают того, что правовое регулирование по ним будут осуществлять органы государственной власти. Так, Верховный Суд РФ отклоняя апелляционные жалобы Законодательного Собрания Камчатского края и Губернатора Камчатского края в связи с рассмотрением вопроса о реализации органами местного самоуправления полномочий по созданию благоприятных условий в целях привлечения медицинских и фармацевтических работников для работы в медицинских организациях, указал, что данные полномочия не относятся к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а входит в исключительную компетенцию органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, что у Законодательного Собрания Камчатского края отсутствуют полномочия по урегулированию данного вопроса законом субъекта Российской Федерации по конкретизации в нем норм федерального законодательства¹.

Реализация собственных полномочий органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья имеет свои особенности. Так нет однозначного толкования ситуации, связанной с участием органов местного самоуправления в обеспечении санитарно-эпидемиологического благополучия населения. С одной стороны, ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» относит финансирование мероприятий по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия к расходным обязательствам Российской Федерации, а с другой – органы местного самоуправления принимают участие в реализации на территории муниципального образования мероприятий, направленных на спасение жизни и сохранение здоровья людей при чрезвычайных ситуациях, информирование населения о медико-санитарной обстановке в зоне чрезвычайной ситуации и о принимаемых мерах, а также реализуют на территории муниципального образования мероприятий по профилактике заболеваний и формированию здорового образа жизни в соответствии с законом субъекта Российской Федерации. Таким образом, встает вопрос об устранении коллизии нормативно-правового регулирования по вопросам обеспечения отдельных санитарно-эпидемиологических функций². Это тем более важно в связи с тем, что по некоторым региональным данным Крайнего Севера и Заполярья, связанным с реализацией санитарно-эпидемиологических функций при передаче медицинских организаций из муниципальной в государственную систему

¹ Об оставлении без изменения решения Камчатского краевого суда от 12.01.2016, которым удовлетворено административное исковое заявление об оспаривании ч. 3 ст. 5 Закона Камчатского края от 09.06.2013 № 260 «Об отдельных вопросах в сфере охраны здоровья граждан в Камчатском крае»: Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 20.04.2016 № 60-АПГ16-1 (Официально не опубликовано) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Об оставлении без изменения решения Камчатского краевого суда от 15.12.2014, которым было удовлетворено заявление о признании недействующим пункта 5 части 2 статьи 5 Закона Камчатского края от 09.06.2013 № 260 «Об отдельных вопросах в сфере охраны здоровья граждан в Камчатском крае»: Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 08.04.2015 № 60-АПГ15-1 (Официально не опубликовано) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См.: О правомерности осуществления профилактики заболеваний в соответствии с санитарно-эпидемиологической обстановкой за счет средств местных бюджетов: Письмо Минфина России от 17.12.2020 № 02-05-11/110618 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

здравоохранения «58 % муниципалитетов финансируют проводимые мероприятия, 67 % выделяют людей и технику для проведения мероприятий. 12 % муниципалитетов не обеспечивают исполнение данного вида полномочий»¹.

Законодательство субъектов РФ может конкретизировать обеспечительные функции органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья. Так, часть 6 статьи 7 Закона Краснодарского края «Об охране здоровья населения Краснодарского края» конкретизирует полномочия, закрепленные в п. 1 и 7 статьи 17 ФЗ «Об основах охраны здоровья в РФ», закрепляет следующие функции:

1) предоставление земельных участков для строительства и реконструкции объектов здравоохранения в соответствии с земельным законодательством;

2) оказание содействия в размещении медицинских организаций, а также фармацевтических организаций, осуществляющих розничную фармацевтическую деятельность при выполнении ими отпуска лекарственных препаратов льготным категориям граждан бесплатно;

3) организация обеспечения медицинских организаций, находящихся на территории муниципального образования, коммунальными услугами;

4) обеспечение транспортной доступности медицинских организаций и организации благоустройства прилегающей к ним территории;

5) установление налоговых льгот для медицинских организаций в соответствии с законодательством о налогах и сборах;

6) установление медицинским и фармацевтическим работникам медицинских организаций, находящихся на территории муниципального образования и участвующих в реализации территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Краснодарском крае, дополнительных гарантий и мер социальной поддержки;

7) предоставление иных мер социально-экономического характера и преференций, направленных на стимулирование привлечения медицинских и фармацевтических работников для работы в медицинских организациях, находящихся на территории муниципального образования².

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 со всей очевидностью показала, что органы местного самоуправления в равной степени осуществляют функции по охране здоровья населения, хотя полноценной юридической и финансовой основы для этого нет. Фактически, оперативные штабы регионов дают поручения органам местного самоуправления в протокольной форме без наделения какими-либо финансовыми или материально-техническими ресурсами³.

При этом, в бюджетах муниципалитетов не заложены расходы на реализацию полномочий, не поименованных в ФЗ «Об основах охраны здоровья населения» или в региональном законе. В перспективе может встать вопрос о нецелевом расходовании денежных средств, что влечет ответственность должностных лиц муниципалитетов. Органы местного самоуправления в этой связи берут на себя не свойственные им функции по контролю в сфере соблюдения требований Роспотребнадзора⁴. Источником финансирования выступают исключительно резервные средства из резервных фондов муниципальных образований.

¹ Аналитическая записка к решению съезда Союза городов Заполярья и Крайнего Севера по вопросу «О ситуации по оказанию медицинской помощи населению по результатам передачи учреждений здравоохранения из муниципальной в государственную собственность и практике исполнения в муниципальных образованиях статьи 17 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ» на основании проведенного анкетирования членов Союза по вопросам здравоохранения [сайт]. Союз городов Заполярья и Крайнего Севера; 2022 [протитировано 16 сентября 2022]. Доступно: Режим доступа - http://kraiyny-sever.ru/?page_id=1639.

² [сайт]. Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края; 2022 [протитировано 19 сентября 2022]. Доступно: <http://admkrain.krasnodar.ru>.

³ Вопросы соблюдения противоэпидемических требований в образовательных учреждениях обсудили на оперштабе под председательством первого вице-губернатора [сайт]. Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края; 2022 [протитировано 20 сентября 2022]. Доступно: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1971/show/619048/>.

⁴ См., напр.: В Сочи прошло заседание городского оперативного штаба по предотвращению распространения коронавирусной инфекции [сайт]. Официальный портал города-курорта Сочи; 2022 [протитировано 20 сентября 2022]. Доступно: <https://sochi.ru/press-sluzhba/novosti/71/175418/?ysclid=l89wyj1dsx652925017>.

Делегированные полномочия органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья реализуются, как ранее отмечалось, при условии наделения органов местного самоуправления соответствующими финансовыми и материально-техническими ресурсами.

Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 18.06.2019 № 24-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина В.А. Тетерина» подчеркнул, что «согласно Федеральному закону «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» поддержание общественного порядка, регулирование дорожного движения, санитарное и медицинское обслуживание в целях обеспечения проведения публичного мероприятия могут осуществляться только на безвозмездной основе, а основную ответственность за охрану общественного порядка и безопасности граждан, оказание им при необходимости неотложной медицинской помощи должны принимать на себя органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации или органы местного самоуправления, уполномоченные представители органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации или органов местного самоуправления, уполномоченные представители органов внутренних дел (пункты 3, 5 и 7 части 1 статьи 12, пункты 2 и 3 части 2 статьи 13, части 2 и 3 статьи 14, часть 3 статьи 18)»¹.

Необходимо правильно понимать смысл данного постановления в части компенсации расходов на оказание неотложной медицинской помощи в случае делегирования этой функции органам местного самоуправления. Для организаторов и участников соответствующего массового мероприятия медицинская помощь со стороны муниципальных медицинских организаций, если такая функция им делегирована, оказывается безвозмездно, а расходы органов местного самоуправления компенсируются за счет государственного бюджета.

Свои особенности организации медицинской помощи имеют закрытые административно-территориальные образования. Бланкетная норма статьи 42 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» отсылает нас к актам Правительства РФ и, в частности к Постановлению Правительства РФ от 26.12.2014 № 1540 (ред. от 04.05.2021) «Об особенностях организации и финансового обеспечения оказания медицинской помощи, в том числе предоставления дополнительных видов и объемов медицинской помощи, предусмотренных законодательством Российской Федерации, населению закрытых административно-территориальных образований, территорий с опасными для здоровья человека физическими, химическими и биологическими факторами, включенных в соответствующий перечень, работникам организаций, включенных в перечень организаций отдельных отраслей промышленности с особо опасными условиями труда»².

Исходя из содержания данного нормативного акта не все виды медицинской помощи оказываются медицинскими организациями ФМБА России в отношении всех категорий населения закрытого административно-территориального образования. В частности, высокотехнологичная медицинская помощь медицинскими организациями ФМБА России оказывается только работникам отдельных организаций, находящихся на территории ЗАТО. То есть в закрытых административно-территориальных образованиях объем полномочий органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья ограничен по сравнению в аналогичными по статусу муниципальными образованиями типа городских округов. Например, по информации официального сайта Закрытого административно-территориального образования г. Зеленогорск Красноярского края³, координацию по вопросам здравоохранения осуществляет один из заместителей главы администрации, у которого в подчинении нет ни одного структурного подразделения соответствующей направленности. Аналогичная ситуация в закрытом административно-территориальном образовании г. Краснознаменск Московской области⁴, да и во всех иных закрытых-административно-территориальных образованиях, определяемых Постановлением Правительства РФ от 05.07.2001 № 508 (ред. от 16.02.2021) «Об

¹ Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 4.

² Собрание законодательства РФ. 2015. № 3. Ст. 577; 2021. № 20. Ст. 3374.

³ [сайт]. Официальный сайт Администрации ЗАТО Зеленогорск; 2022 [протитировано 14 сентября 2022]. Доступно: <https://www.zeladmin.ru/administraciya/zamestiteli-glavy-administracii-zato-goroda-zelenogorska>.

⁴ [сайт]. Официальный портал ОМСУ г.о. Краснознаменск Московской области; 2022 [протитировано 14 сентября 2022]. Доступно: <http://xn----7sbabxkdsesibdikssix.xn--p1ai/administraciya-gorodskogo-okruga.html>.

утверждении перечня закрытых административно-территориальных образований и расположенных на их территориях населенных пунктов»¹.

Список использованной литературы:

1. Кожемяко И.А. Права органов местного самоуправления на решение вопросов, не отнесенных к вопросам местного значения. *Конституционализм и государственное устройство*. 2022;(1(25)):64–67.
2. Ларичев А.А. Полномочия органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья граждан: проблемы правового регулирования и пути их решения. *Муниципальная служба: правовые вопросы*. 2017;(2):14–19.
3. Науменко В.С., Кудряков В.Г. Государственное и муниципальное управление здравоохранением. *Экономика и управление: актуальные вопросы теории и практики: Материалы IV международной научно-практической конференции*. Краснодар, 2016.
4. Останков Д.Б., Перкина К.В. Взаимодействие местного самоуправления и государственной власти с учетом их особенностей в Российской Федерации. *Л. Огарёвские чтения: материалы научной конференции: в 3 ч., Ч. 3*. Саранск, 2021.
5. Платонова Н.И., Мельников Ю.Ю., Смышляев А.В. Проблемы развития муниципального здравоохранения на современном этапе в Российской Федерации: правовой и управленческий аспекты. *Муниципальная служба: правовые вопросы*. 2020;(3):24–28.
6. Потокина С.А. Современные тенденции развития здравоохранения в сельской местности. *Тамбовский медицинский журнал*. 2023;5(1):57–62. DOI: 10.20310/2782-5019-2023-5-1-57-62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Епифанова Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0002-6611-8031
Author ID: 57200340983

References:

1. Kozhemyako I.A. [The rights of local self-government bodies to resolve issues not related to issues of local importance]. *Konstitutsionalizm i gosudarstvovedenie = Constitutionalism and State studies*. 2022;(1(25)):64–67. (In Russ.)]
2. Larichev A.A. [Powers of local self-government bodies in the field of public health protection: problems of legal regulation and ways to solve them]. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal service: legal issues*. 2017;(2):14–19. (In Russ.)]
3. Naumenko V.S., Kudryakov V.G. [State and municipal health management]. *Ehkonomika i upravlenie: aktual'nye voprosy teorii i praktiki: Materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Economics and Management: topical issues of theory and practice: Materials of the IV International Scientific and Practical konferentsii*. Krasnodar, 2016. (In Russ.)]
4. Ostankov D.B., Perkina K.V. [Interaction of local self-government and state Authorities, taking into account their peculiarities in the Russian Federation]. *L. Ogarevskie chteniya: materialy nauchnoi konferentsii: v 3 ch., Ch. 3 = L. Ogarev readings: materials of the scientific conference: at 3 o'clock, Part 3*. Saransk, 2021. (In Russ.)]
5. Platonova N.I., Mel'nikov Yu. Yu., Smyshlyaev A.V. [Problems of municipal Healthcare development at the present Stage in the Russian Federation: legal and Managerial aspects]. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal service: legal issues*. 2020;(3):24–28. (In Russ.)]
6. Potokina S.A. [Current trends in the development of healthcare in rural areas]. *Tambovskii meditsinskii zhurnal = Tambov Medical Journal*. 2023;5(1):57–62. DOI: 10.20310/2782-5019-2023-5-1-57-62 (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Epifanova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0000-0002-6611-8031
Author ID: 57200340983

¹ Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 3019; 2021. № 8 (часть II). Ст. 1367.

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-45-53>

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ НЕЗАКОННЫХ МИГРАНТОВ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Жеребцов А.Н.*¹, Арутюнян А.Д.²

¹ ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»
(Ярославская ул., д. 128, г. Краснодар, Россия, 350005)

² Правовое управление Министерства транспорта и дорожного хозяйства Краснодарского края
(Кузнечная ул., д. 6, г. Краснодар, Россия, 350015)

Ссылка для цитирования: Жеребцов А.Н., Арутюнян А.Д. Понятие и виды незаконных мигрантов в рамках реализации концепции государственной миграционной политики Российской Федерации. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(4):45–53. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-45-53>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Жеребцов Алексей Николаевич*, доктор юридических наук, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»; профессор кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ярославская ул., д. 128, г. Краснодар, Россия, 350005

Тел.: +7 (918) 632-74-76

E-mail: admgan2066@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 12.07.2023

Статья принята к печати: 28.08.2023

Дата публикации: 23.10.2023

Аннотация: Целью настоящего исследования является обоснование концепции широкого подхода к определению понятия «незаконный мигрант», что является необходимым условием достижения целей государственной миграционной политики Российской Федерации, определении круга таких субъектов миграционно-правовых отношений.

В результате исследования было выявлено, что традиционно в современной научной парадигме сформировался подход, в соответствии с которым незаконным мигрантом выступает иностранный гражданин или лицо без гражданства, что является необоснованным, во-первых, с точки зрения концепции государственной миграционной политики России, во-вторых, с позицией, сформированной в советский период стереотипов противодействия незаконного пребывания на территории страны иностранных граждан и лиц без гражданства. Это обстоятельство свидетельствует о непонимании в настоящее время идей необходимости системного подхода к решению проблем миграции в Российской Федерации.

Вывод: в ходе проведенного исследования автором сформулировано авторское видение не только понятия «незаконный мигрант», но и предложена система видов таких субъектов миграционно-правовых отношений, требующих в перспективе формирования их специального административно-правового статуса.

Ключевые слова: иностранные граждане, лица без гражданства, граждане РФ, незаконный мигрант, нелегальный мигрант, миграционно-правовое отношение, государственная миграционная политика.

THE CONCEPT AND TYPES OF ILLEGAL MIGRANTS IN THE FRAMEWORK OF THE IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF THE STATE MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alexey N. Zherebtsov^{*1}, Alina J. Arutynyan²

¹ FGKOU VO "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia"
(Yaroslavskaya str., 128, Krasnodar, Russia, 350005)

² Legal Department of the Ministry of Transport and Road Management of the Krasnodar Territory
(Kuznechnaya str., 6, Krasnodar, Russia, 350015)

Link for citation: Zherebtsov A.N., Arutynyan A.J. The concept and types of illegal migrants in the framework of the implementation of the concept of the State migration policy of the Russian Federation. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(4):45–53. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-45-53>

CONTACT INFORMATION:

Alexey N. Zherebtsov*, Dr. of Sci. (Law), Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the FGKOU VO "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia"; Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Yaroslavskaya str., 128, Krasnodar, Russia, 350005

Tel.: +7 (918) 632-74-76

E-mail: admgan2066@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 12.07.2023

The article has been accepted for publication: 28.08.2023

Date of publication: 23.10.2023

Annotation: The purpose of this study is to substantiate the concept of a broad approach to the definition of the concept of "illegal migrant", which is a necessary condition for achieving the goals of the state migration policy of the Russian Federation, determining the range of such subjects of migration and legal relations.

As a result of the study, it was revealed that traditionally in the modern scientific paradigm an approach has been formed in accordance with which a foreign citizen or a stateless person acts as an illegal migrant, which is unreasonable, firstly, from the point of view of the concept of the state migration policy of Russia, and secondly, with the position of stereotypes formed in the Soviet period to counteract the illegal stay of foreign citizens and stateless persons in the country. This circumstance testifies to the current lack of understanding of the ideas of the need for a systematic approach to solving the problems of migration in the Russian Federation.

Conclusion: in the course of the study, the author formulated the author's vision not only of the concept of "illegal migrant", but also proposed a system of types of such subjects of migration and legal relations, requiring in the future the formation of their special administrative and legal status.

Keywords: foreign citizens, stateless persons, citizens of the Russian Federation, illegal migrant, illegal migrant, migration and legal attitude, state migration policy.

Введение

Незаконный мигрант как субъект правоотношения должен обладать своим собственным специальным административно-правовым статусом. Они выступают субъектами преимущественно административно-правовых охранительных материальных и административно-юрисдикционных правоотношений. Ключевым здесь выступает конечно же слово «преимущественно», так как незаконные мигранты могут быть субъектами уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правоотношений, а также иных их видов. Между тем рассматривая незаконного мигранта как субъекта административного предупреждения и пресечения, мы акцентируем внимание именно на указанные выше виды правоотношений. Для эффективного административно-правового регулирования административно-правовых охранительных материальных и административно-

юрисдикционных правоотношений с участием незаконного мигранта уместно решить, на наш взгляд, следующий комплекс теоретических проблем, которые в конечном счете выходят на решение вопросов повышения эффективности административной правоприменительной практики. Такими задачами, по нашему мнению, являются: во-первых, определение понятия «незаконный мигрант» в контексте широкого подхода к интерпретации потока незаконной миграции, во-вторых, определения системы видов незаконных мигрантов. Необходимость исследования современных проблем понятия и видов незаконных мигрантов актуализируется потребностью повысить эффективность государственной миграционной политики России, достижения ее целей. На наш взгляд это уместно лишь на основе системного подхода к исследованию миграционных процессов в рамках Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622¹. При этом в настоящее время не сформировалось научно обоснованных подходов к формированию данного миграционно-правового явления, его видовых проявлений, что не позволяет достигать определенные в указанной Концепцией цели данной политическо-правовой деятельности.

Методы исследования

Представленное научное исследование базируется на диалектической методологии познания социальных процессов, к числу которых относятся и миграционные процессы. В ходе исследования использовались как многообразные общенаучные методы исследования (анализа, синтеза, системности, индукции и дедукции и т.п.), так и специально-юридические методы, а именно: специального юридического толкования права, позволивший уяснить содержание действующих норм миграционного законодательства и иных нормативно-правовых актов в сфере миграции; юридического моделирования, позволивший сформулировать понятие и классификацию незаконных мигрантов.

Результаты исследования

В ходе исследования предложена дефиниция «незаконный мигрант». Под ним понимается гражданин РФ, иностранный гражданин (далее – ИГ) и лицо без гражданства (далее – ЛБГ) как субъект миграционно-правовых охранительных материальных отношений внутренней, внешней, внешней трудовой, образовательной и вынужденной миграции, нарушивший установленный миграционным законодательством и нормами международного права миграционные правила или неисполнявший законодательно установленные обязательные требования, в результате которого он подлежат уголовной или административной ответственности или в отношении него могут быть применены иные меры административного принуждения, не связанные с привлечением к юридической ответственности.

Предлагается авторская классификация видов незаконных мигрантов по следующим критериям:

1) *по направлению территориальной мобильности* – незаконный внутригосударственный мигрант и незаконный межгосударственный (международный) мигрант;

2) *по субъектному составу и гражданской принадлежности* – незаконный внутренний мигрант гражданин РФ и незаконный внешний мигрант ИГ или ЛБГ;

3) *по основаниям признания лица незаконным мигрантом* – данный критерий позволяет выделить незаконного мигранта, совершившего уголовно-наказуемое деяние в сфере миграции, предусмотренное нормами уголовного законодательства РФ; незаконный мигрант, нарушивший установленные миграционные правила, и влекущие административную ответственность; незаконный мигрант, нарушивший установленные миграционные правила, в отношении которого применяются иные меры административного принуждения не связанные с административной ответственностью (депортация, реадмиссия);

4) *по виду миграционного потока, в рамках которого мигрант нарушил установленные миграционные правила* – незаконный внутренний мигрант (гражданин РФ); незаконный внешний мигрант (незаконный эмигрант, незаконный иммигрант, незаконный транзитный мигрант); незаконный внешний трудовой мигрант (незаконный трудовой эмигрант, незаконный трудовой иммигрант); незаконный образовательный мигрант (незаконный мигрант, обучающийся в образовательной или научной организации); незаконный вынужденный мигрант (незаконный беженец или желающий получить правовой статус беженца, незаконный мигрант, желающий получить политическое или временное убежище в Российской Федерации).

¹ Собрание законодательства РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.

Научная дискуссия

В административно-правовой науке сформировалось достаточно упрощенное и весьма спорное определение категории «незаконный мигрант» как мигранта, нарушающего требования законодательства государства пребывания¹. Спорность такой интерпретации рассматриваемого понятия, на наш взгляд, заключается, во-первых, в неверном утверждении о том, что незаконный мигрант является нарушителем любого законодательства государства, а не исключительно миграционного, во-вторых, вряд ли можно говорить лишь о нарушении законодательства государств места пребывания мигранта. Сходный подход к определению незаконного мигранта содержится в международно-правовых актах [5]². Обоснованным следует считать, что нарушение мигрантом установленных в миграционном законодательстве государства и в нормах международного права миграционных правил (режимов).

Существуют и иные имеющие отдельные отличия из приведенного выше подхода определения незаконного мигранта. Так, незаконные мигранты определяются как «... лица, лишившиеся законных оснований для пребывания в принимающей или транзитной стране в связи с фактом незаконного въезда или окончания срока действия визы» [6, с. 88; 9, с. 339]; незаконные (нелегальные) мигранты – это «граждане, незаконно пересекающие границу, а также люди, законно пересекающие границу, но не зарегистрировавшие пребывание в стране в соответствии с правилами и законами данного государства» [7]; въезд на территорию государства, нахождение на ее территории независимо от продолжительности или оставление ее территории с нарушением требований, либо не соблюдением условий, установленных соответствующими нормативными правовыми актами [3, с. 82–84]; передвижение людей между государствами, которое происходит за рамками регулирования юридических норм страны отправления, транзитных и принимающих стран [2].

Высказываются подходы к определению незаконного мигранта через указание виды нарушений обязательных требований в сфере миграции. Так, Э.Г. Юзиханова считает, что незаконным мигрантом признается ИГ и ЛБГ, которое нарушило обязательные требования в сфере: «режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, выразившиеся в отсутствии документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации, или в случае утраты таких документов в неподаче заявления об их утрате в соответствующий орган либо в уклонении от выезда из Российской Федерации по истечении определенного срока пребывания; неисполнение принимающей стороной обязанностей в связи с осуществлением миграционного учета; осуществление иностранными гражданами или лицами без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации без разрешения на работу или патента; привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства при отсутствии разрешения на работу или патента; представление при осуществлении миграционного учета заведомо ложных сведений об иностранном гражданине или о лице без гражданства либо подложных документов принимающей стороной» [12, с. 50–51]. В данном подходе имеются следующие, на наш взгляд, недостатки. Во-первых, признание незаконным мигрантом только ИГ и ЛБГ является недостаточно обоснованным. Во-вторых, приведенный перечень нарушений обязательных требования является весьма неполным, в частности не затрагивает нарушение обязательных требований в сфере внутренней, вынужденной, образовательной миграции. В-третьих, не обоснованным является акцент на нарушение обязательных требований, которые выступают предметом контрольно-надзорных мероприятий в сфере миграции населения, но не обязательно выступает фактором правонарушения в миграционной сфере. Правильным следует говорить о нарушении мигрантом установленных в

¹ Поладова (Гайдарова) Л.Т. Незаконная миграция в Россию: тенденции, последствия, противодействие: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2012. С. 8–9; 12. Смышникова Т.Б. Административно-правовое противодействие незаконной миграции в Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 16.

² См.: Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Модельный закон о миграции // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Модельный Миграционный кодекс для государств-участников СНГ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Законодательное регулирование миграционных процессов в период пандемии: роль парламента государств-участников СНГ: Постановление № 52-3 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 16.04.2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

миграционном законодательстве государства и нормах международного права миграционных правил (режимов). В частности, административная ответственность за нарушение действующих норм миграционного законодательства РФ наступает за нарушение норм, закрепляющих миграционно-правовой режим, где центральным элементом его содержания являются миграционные правила территориальной мобильности людей, реализующих естественное и неотчуждаемое право на свободу передвижения в порядке, установленном законодательством государства, в котором они осуществляют такую мобильность¹.

Следует констатировать, что отсутствует и легальное определение понятия «незаконный мигрант». Так, в ст. 2 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»² (далее – ФЗ о правовом положении иностранных граждан) закрепляется понятие «законно находящийся в Российской Федерации ИГ» под которым понимается «лицо, имеющее действительные вид на жительство, либо разрешение на временное проживание, либо визу и (или) миграционную карту, либо иные предусмотренные федеральным законом или международным договором РФ документы, подтверждающие право ИГ на пребывание (проживание) в Российской Федерации». Часть 1 ст. 25.10 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»³ (далее – ФЗ о порядке выезда и въезда) дает следующее определение незаконно находящегося на территории Российской Федерации ИГ или ЛБГ: а) въехавшего на территорию Российской Федерации с нарушением установленных правил; б) не имеющего документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации; в) утратившего документы, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации и не обратившиеся с соответствующим заявлением в территориальный орган по вопросам миграции МВД России; г) уклоняющегося от выезда из Российской Федерации по истечении срока пребывания (проживания) в Российской Федерации; д) нарушившего правила транзитного проезда через территорию Российской Федерации. В данном подходе имеется ряд принципиальных недостатков. Во-первых, обращает на себя внимание, что законодатель идет по пути указания системы правил, соблюдение которых предоставляет лицу право законно находиться на территории Российской Федерации. Однако, следуя от обратного, лицом, незаконно находящееся на территории страны, признается лицо, которое не имеет действительного вида на жительство, либо разрешения на временное проживание, либо визы и (или) миграционной карты, либо иные предусмотренные федеральным законом или международным договором РФ документы, подтверждающие право ИГ на пребывание (проживание) в Российской Федерации, что и отражается в ч. 1 ст. 25.10 ФЗ о порядке выезда и въезда. Между тем, незаконный мигрант является лишь видом ИГ (ЛБГ) незаконно, находящемся на территории государства. Во-вторых, законодатель формулирует приведенное понятие в контексте лишь ИГ или ЛБГ, что, в сущности, предопределяется предметом ФЗ о правовом положении иностранных граждан и ФЗ порядке выезда и въезда, т.е. данные понятия применимы лишь для целей приведенных федеральных законов. Хотя необходимо учитывать, что гражданин РФ может нарушать установленный порядок въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации. В-третьих, формирование легального и целостного определения незаконного мигранта необходимо в рамках системного регулирования миграционных процессов, что может быть осуществлено посредством кодификации миграционного законодательства РФ⁴. Ту же тенденцию сохраняет и проект федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»⁵.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время сформировалось два основных подхода к определению незаконного мигранта. Первый – характеризуется указанием на признаки данного явления. Второй – посредством перечисления видов нарушений миграционного законодательства, позволяющих признать лицо в качестве незаконного мигранта. Нам представляется

¹ Жеребцов А.Н., Малышев Е.А. Административная ответственность в миграционном праве: материальные и процессуальные аспекты: научно-практическое пособие М.: Юстицинформ; 2019. С. 94–95.

² Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

³ Собрание законодательства РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.

⁴ Жеребцов А.Н., Малышев Е.А. Миграционное право России: учебник / под общ. ред. А.Н. Жеребцова. М.: Юрайт; 2019. С. 62–67.

⁵ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

уместным формировать дефиницию «незаконный мигрант» через указание специфических признаков данного понятия, так как это в большей мере соответствует абстрактному способу нормативно-правового регулирования общественных отношений. К таковым признакам, на наш взгляд, следует отнести:

1) незаконным мигрантом является гражданин РФ, ИГ, ЛБГ, нарушивший установленные миграционным законодательством РФ и нормами международного права миграционные правила или неисполнявший законодательно установленные обязательные требования. В этой связи уместно остановиться на уточнении понятия «миграционные правила», которое прочно вошло как в законодательный оборот, так и применяется учеными-правоведами. Между тем данное понятие до настоящего времени доктринально не сформировалось. Миграционные правила выступают элементом содержания миграционно-правового режима, характеризуя тем самым функциональность данной административно-правовой конструкции [1]. На наш взгляд миграционные правила представляют собой целевое отражение обязанностей (активных и пассивных (запретов), возложенных на мигранта, и прав (свобод), ему предоставленных. При этом первичным в содержании миграционного правила является именно обязанность мигранта, что отражает обязывающий метод административно-правового регулирования миграционно-правовых отношений. Таким образом, миграционные правила следует определить как установленную в нормах миграционного законодательства совокупность обязанностей и прав мигрантов, реализуемых в процессе территориального перемещения и приобретения, изменения, реализации и прекращения им специального административно-правового статуса мигранта;

2) незаконный мигрант – это субъект миграционно-правового охранительного материального отношения внутренней, внешней, внешней трудовой, образовательной и вынужденной миграции населения;

3) незаконный мигрант подлежит уголовной или административной ответственности или в отношении него могут быть применены иные меры административного принуждения, не связанные с привлечением к юридической ответственности за нарушение установленных миграционных правил территориальной мобильности людей.

Рассматривая поток незаконной миграции как полисистемный миграционный поток, следует отметить, что видовое многообразие незаконных мигрантов напрямую связан с системой видов мигрантов, правовой статус которых определяется действующим российским миграционным законодательством. Наиболее распространенной является система видов мигрантов, представленная в Федеральной миграционной программе на 1998–2000 годы, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 10.11.1997 № 1414 (с изм. от 30.12.2000)¹. Данный документ выделяет следующие виды мигрантов:

1) субъектами внешней миграции являются:

а) эмигранты, в том числе: граждане России, переселяющиеся по различным причинам в другие страны на постоянное или временное проживание; лица из числа признанных в установленном порядке беженцами или ранее прибывших на территорию Российской Федерации и получивших временное убежище, выезжающие с территории России на место жительства в другие государства; граждане бывшего СССР, проживающие на территории Российской Федерации, но не являющиеся гражданами Российской Федерации, выезжающие с ее территории;

б) эмигранты транзитные – граждане бывшего СССР, не являющиеся гражданами России, постоянно проживающие в государствах – бывших республиках СССР и прибывшие в Россию с целью выезда в третьи страны;

в) иммигранты, в том числе: ИГ и ЛБГ, граждане бывшего СССР, постоянно проживавшие за пределами Российской Федерации, переселяющиеся в Россию на постоянное или временное жительство; ИГ и ЛБГ, прибывающие в Россию (находящиеся на территории Российской Федерации) в поисках убежища, в том числе с намерением подать ходатайство о признании их беженцами в соответствии с Конвенцией ООН 1951 года, Протоколом к ней 1967 года о статусе беженца и Законом от 19.02.1993 № 4528-1 «О беженцах»²;

г) иммигранты транзитные – ИГ и ЛБГ, прибывающие в Россию с целью дальнейшего выезда в третьи страны;

2) субъектами вынужденной миграции на территории Российской Федерации являются лица:

¹ Собрание законодательства РФ. 1997. № 47. Ст. 5406.

² Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 12. Ст. 425.

а) граждане бывшего СССР, не приобретшие гражданства другого государства, входившего ранее в состав СССР;

б) граждане государств – бывших республик СССР, в том числе граждане Российской Федерации;

в) ИГ;

г) ЛБГ (апатриды);

д) лица, имеющие двойное гражданство (бипатриды);

3) субъектами внутренней миграции являются граждане Российской Федерации и лица, находящиеся в России на законных основаниях, а также лица, не имеющие законных оснований для пребывания на территории Российской Федерации и осуществляющие перемещения по ней;

4) субъектами незаконной миграции являются:

а) эмигранты неконтролируемые – граждане Российской Федерации, выезжающие через территории государств – бывших республик СССР в другие иностранные государства;

б) эмигранты нелегальные – граждане Российской Федерации, нелегально пересекающие государственную границу Российской Федерации;

в) иммигранты незаконные, к которым относятся: ИГ и ЛБГ, въезжающие по недействительным документам или без документов в Российскую Федерацию; ИГ и ЛБГ, объявленная цель въезда которых не соответствует их намерениям; ИГ и ЛБГ, прибывающие в Россию нелегально, в том числе через государства – бывшие республики СССР.

Представленную систему видов мигрантов поддерживают и отдельные исследователи проблем миграции [4, с. 45–46; 9]. Отдельные авторы предлагают классифицировать виды мигрантов с учетом вида миграционного потока:

– поток внутренней (социально-экономической) миграции: граждан РФ, изменяющий место пребывания или место жительства на территории Российской Федерации;

– поток внешней миграции населения: эмигранты (граждане РФ), иммигранты (ИГ и ЛБГ временно пребывающие, временно проживающие и постоянно проживающие на территории Российской Федерации), транзитные мигранты (ИГ и ЛБГ);

– поток внешней трудовой миграции: трудовые эмигранты (граждане РФ), трудовые иммигранты (ИГ и ЛБГ);

– поток вынужденной миграции: беженцы, вынужденные переселенцы, лица, подавшие ходатайство о признании беженцем и лица, подавшие ходатайство о признании вынужденным переселенцем, лица, ищущие политическое (территориальное) или временное (гуманитарное) убежище;

– поток незаконной миграции: внешние незаконные мигранты; незаконные внешние трудовые мигранты, внутренние незаконные мигранты; мигранты скрытые¹.

Т.Б. Смашникова предлагает классифицировать незаконных мигрантов по типологии предложенной Л.Л. Рыбаковским, а именно по критериям: пространственно-территориальным, субъектному составу, способу участия в миграции, временным критериям, цели, способу въезда в страну, степени вины, степени общественной опасности, мерам применяемого государственного принуждения, последствиям для принимающего государства² [8, с. 17].

А. Федорако предлагает следующие критерии выделения незаконных мигрантов: по степени организованности перемещения; по количеству перемещаемых незаконных мигрантов; по способу въезда в страну [11, с. 7–8]. Данные критерии классификации незаконных мигрантов не являются новыми.

Н.А. Кутепова предлагает выделять следующие виды незаконных мигрантов: «а) ИГ и ЛБГ, нарушившие правила пересечения Государственной границы без установленных документов или надлежащего разрешения, б) иммигранты незаконные ИГ и ЛБГ, въезжающие по недействительным документам или без документов в Российскую Федерацию; ИГ и ЛБГ, объявленная цель въезда которых не соответствует их действиям и намерениям; иностранцы, прибывшие в Россию незаконно; в) эмигранты неконтролируемые граждане России, выезжающие с территории государств бывшего

¹ Жеребцов А.Н. Концепция административно-правового регулирования миграционных отношений (комплексный анализ теории практики): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 34–35.

² Смашникова Т.Б. Административно-правовое противодействие незаконной миграции в Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 16–17.

СССР в другие иностранные государства; г) эмигранты незаконные граждане России, которые незаконным способом выезжают за рубеж; д) транзитные ИГ и ЛБГ, которые незаконно проникли на территорию России в обход пунктов пропуска на Государственной границе либо с использованием поддельных, либо подложных документов»¹.

Неуместность выделения скрытых мигрантов как незаконных является, на наш взгляд, очевидной. Скрытые мигранты являются мигрантами, не учитываемыми различными статистическими или правоприменительными (юрисдикционными) органами, осуществляющими учет миграционной мобильности населения, они могут быть как законными, так и незаконными. Нам представляется, что применение различных миграционных терминов в рамках административно-правового регулирования миграционных правоотношений является не уместным, порождающим в большей степени научные дискуссии о терминах, чем рассмотрение проблем содержания существующих проблем незаконной миграции населения в Российской Федерации. Кроме этого, отдельные критерии классификации незаконных мигрантов не имеют юридического значения, а преследуют социолого-демографические цели, например, временной критерий.

Представленный подход к определению незаконного мигранта и его видов в полной мере соответствует сформированным целям государственной миграционной политики Российской Федерации, закрепленным в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы.

Список использованной литературы:

1. Жеребцов А.Н. Содержание миграционно-правовых режимов реализации правовой миграционной политики Российской Федерации. *Современное право*. 2008;(3):36–43.
2. Задорожний А.Г. О проблематике нормативно-правового закрепления понятия «незаконная миграция». *Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*. 2018;4(1):263–268.
3. Исхаков А.М. Реформа уголовного наказания за организацию незаконной миграции. *Черные дыры в Российском Законодательстве*. 2017;(3):82–84.
4. Картавченкова Н.Н. Актуальные вопросы влияния незаконной миграции на безопасность России. *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями*. 2009;(9–2):44–47.
5. Маггеррамов М.А. Сотрудничество государств-участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией. *Актуальные проблемы российского права*. 2008;(3(8)):366–372.
6. Полякова Н.В. К вопросу о понятиях «миграция» и «незаконная миграция»: доктрина и законодательство. *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. 2016;(1(30)):87–90.
7. Садыкова Б.А. Незаконная миграция в период трансформации общества (на примере Кыргызской Республики). *Новая наука: опыт, традиции, инновации*. 2016;(12–1(119)):138–146.
8. Смашикова Т.Б. Понятие незаконной миграции и нелегальной миграции в нормативных правовых актах

References:

1. Zherebtsov A.N. [The content of migration and legal regimes for the implementation of the legal migration policy of the Russian Federation]. *Sovremennoe pravo = Modern law*. 2008;(3):36–43. (In Russ.)]
2. Zadorozhnii A.G. [On the problems of normative and legal consolidation of the concept of "illegal migration"]. *Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva GOU VPO «Donetskii natsional'nyi universitet» = Bulletin of the Student Scientific Society of the Donetsk National University*. 2018;4(1):263–268. (In Russ.)]
3. Iskhakov A.M. [Reform of criminal penalties for organizing illegal migration]. *Chernye dyry v Rossiiskom Zakonodatel'stve = Black Holes in Russian Legislation*. 2017;(3):82–84. (In Russ.)]
4. Kartavchenkova N.N. [Topical issues of the impact of illegal migration on the security of Russia]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami = Actual problems of combating crimes and other offenses*. 2009;(9–2):44–47. (In Russ.)]
5. Magerramov M.A. [Cooperation of the CIS member States in the fight against illegal migration]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2008;(3(8)):366–372. (In Russ.)]
6. Polyakova N.V. [On the issue of the concepts of "migration" and "illegal migration": doctrine and legislation]. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;(1(30)):87–90. (In Russ.)]
7. Sadykova B.A. [Illegal migration during the transformation of society (on the example of the Kyrgyz Republic)]. *Novaya nauka: opyt, traditsii, innovatsii = New science: experience, traditions, innovations*. 2016;(12–1(119)):138–146. (In Russ.)]
8. Smashnikova T.B. [The concept of illegal migration and illegal migration in the regulatory legal acts of the

¹ Кутепова Н.А. Институт незаконной миграции в постсоветской России: политико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 12–13.

Российской Федерации. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2011;(19(234)):50–53.

9. Смычек А.М. Незаконная миграция как угроза национальной безопасности Российской Федерации. *Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. Краснодар: Просвещение-Юг; 2016.

10. Соболевников В.В. Понятие, сущность и субъекты миграционной преступности. *Современное право*. 2005;(8):46–51.

11. Федорако А. Причины и тенденции незаконной миграции. Противодействие незаконной миграции. *Журнал международного права и международных отношений*. 2009;(4):7–8.

12. Юзиханова Э.Г. Незаконная миграция: социально-правовая обусловленность и проблемы противодействия. *Юридическая наука и проблемы противодействия*. 2019;(4(50)):50–51.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жеребцов Алексей Николаевич*

доктор юридических наук, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»; профессор кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0002-7392-279X
Author ID: 681537

Арутюнян Алина Дживановна

заместитель начальника отдела судебно-претензионной работы правового управления Министерства транспорта и дорожного хозяйства Краснодарского края

Russian Federation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2011;(19(234)):50–53. (In Russ.)]

9. Smychek A.M. [Illegal migration as a threat to the national security of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy sudebnoi, pravookhranitel'noi, pravozashchitnoi, ugolovno-protsessual'noi deyatel'nosti i natsional'noi bezopasnosti. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem = Actual problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedural activity and natsionalnoi bezopasnost. Materials of the All-Russian Scientific and practical conference with international participation*. Krasnodar: Enlightenment-South; 2016. (In Russ.)]

10. Sobol'nikov V.V. [The concept, essence and subjects of migration crime]. *Sovremennoe parvo = Modern law*. 2005;(8):46–51. (In Russ.)]

11. Fedorako A. [Causes and trends of illegal migration. Countering illegal migration]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii = Journal of International Law and International Relations*. 2009;(4):7–8. (In Russ.)]

12. Yuzikhanova Eh.G. [Illegal migration: socio-legal conditionality and problems of counteraction]. *Yuridicheskaya nauka i problemy protivodeistviya = Legal science and problems of counteraction*. 2019;(4(50)):50–51. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexei N. Zherebtsov*

Dr. of Sci. (Law), Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the FGKOU VO "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia"; Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0000-0002-7392-279X
Author ID: 681537

Alina J. Arutyunyan

Deputy Head of the Judicial and Claim Work Department of the Legal Department of the Ministry of Transport and Road Management of the Krasnodar Territory

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-54-59>

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Лупарев Е.Б.*, Третьяков В.И.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Лупарев Е.Б., Третьяков В.И. К вопросу о структуре и содержательной характеристике муниципальных правоотношений. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(4):54–59. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-54-59>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Лупарев Евгений Борисович*, доктор юридических наук, профессор, академик Евразийской академии административных наук, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: jeklouparev@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 11.09.2023

Статья принята к печати: 11.10.2023

Дата публикации: 23.10.2023

Аннотация: Целью работы выступает освещение вопроса о структуре и содержании муниципальных правоотношений. Нельзя сказать, что это абсолютно новое направление исследований, но практика применения норм муниципального права заставляет дать им должную теоретическую и практическую оценку. Сделана попытка на данном примере осветить более общую проблему системного взаимодействия в рамках публичных правоотношений в целом.

Задачи работы включают в себя иллюстрацию и анализ теоретических, исследований, а также практики применения норм муниципального права в новой парадигме публичной власти.

Различные типы прав и обязанностей, свойственные субъектам муниципальных правоотношений заставляют вновь задуматься о предмете муниципального права.

Доказывается мысль о том, что конституционная реформа 2020 года создала новую систему публичной власти, что в свою очередь заставляет уйти от мысли об исключительном, абсолютно специфичном характере муниципальных правоотношений. Предполагается, что есть все основания рассматривать их исключительно как разновидность публичных правоотношений. В то же время остается открытым вопрос о том, должен ли присутствовать в муниципальных правоотношениях обязательный субъект, наделенный публично-властными полномочиями.

Ключевые слова: муниципальные правоотношения, местное самоуправление, публичная власть, публичные правоотношения.

ON THE QUESTION OF THE STRUCTURE AND CONTENT OF MUNICIPAL LEGAL RELATIONS

Evgeniy B. Luparev*, Vladimir I. Tretyakov

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Luparev E.B., Tretyakov V.I. On the question of the structure and content of municipal legal relations. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(4):54–59. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-54-59>

CONTACT INFORMATION:

Evgeniy B. Luparev*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the Eurasian Academy of Administrative Sciences, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: jeklouparev@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 11.09.2023

The article has been accepted for publication: 11.10.2023

Date of publication: 23.10.2023

Annotation: The aim of the work is to highlight the issue of the structure and content of municipal legal relations. It cannot be said that this is an absolutely new direction of research, but the practice of applying the norms of municipal law forces us to give them a proper theoretical and practical assessment. An attempt is made on this example to highlight a more general problem of systemic interaction within the framework of public legal relations in general.

The objectives of the work include illustration and analysis of theoretical, research, as well as the practice of applying the norms of municipal law in the new paradigm of public authority.

Various types of rights and obligations inherent in the subjects of municipal legal relations make us think again about the subject of municipal law.

The idea is proved that the constitutional reform of 2020 created a new system of public authority, which in turn makes us get away from the idea of the exclusive, absolutely specific nature of municipal legal relations. It is assumed that there is every reason to consider them exclusively as a kind of grassroots level of public authority. At the same time, the question of whether there should be a mandatory subject endowed with public powers should be present in municipal legal relations.

Keywords: municipal legal relations, local self-government, public authority, public legal relations.

Введение

Проблематика структуры и содержания муниципальных правоотношений по-новому выглядят в контексте конституционной реформы 2020 года. И хотя изменения, внесенные в Конституцию РФ в 2020 году, казалось бы, не затрагивают фундаментальных принципов функционирования органов местного самоуправления, включение их в систему публичной власти создает предпосылки для того, чтобы скорректировать подходы к определению места муниципальных правоотношений в системе публичных правоотношений, уточнить элементы их содержания и субъектного состава.

Методы исследования

Исследование базируется на фундаментальном теоретическом тезисе о соотношении норм конституционного, административного и муниципального права как о взаимосвязанных явлениях. Данный посыл предопределяет использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых и управленческих явлений в контексте избранной темы.

Результаты исследования

Результатом исследования стало выявление коллизии в соотношении норм статьи 12 и части 3 статьи 132 Конституции РФ. Формулирование тезиса о системе публичной власти, включающей в себя и органы государственной власти, и органы местного самоуправления означает переход от формального противостояния государственной власти и местного самоуправления к модели взаимодействия. Это означает, что и муниципальные и иные управленческие отношения, типа административных приобретают общие черты, а именно – общий публичный интерес как объект правоотношения, в определенной части совпадение содержания правоотношений публично-

управленческого характера. В то же время муниципальные правоотношения обладают чертами, характерными для конституционных правоотношений в сфере непосредственной демократии, в сфере формирования и деятельности представительных органов публичной власти. Анализ фактически складывающихся муниципальных правоотношений позволяет предложить исключение из круга субъектов муниципальных правоотношений население муниципального образования, заменив его в нормативных актах на такой субъект как «лица, постоянно проживающие на территории муниципального образования», тем более что некоторые муниципальные образования уже пошли по такому пути.

Научная дискуссия

Конституционные изменения 2020 года существенно повлияли на восприятие местного самоуправления, как института публичной власти. Как справедливо замечает С.С. Горохова «важность этих изменений достаточно трудно переоценить, поскольку совершенно очевидно, что на смену западной модели формальной независимости местного самоуправления пришла более жизнеспособная для наших условий версия, основанная на общей публичной системе управления обществом и государством» [1].

Обладая схожими с конституционными и административными правоотношениями чертами, муниципальные правоотношения все же обладают своей спецификой [7]. Прежде всего эта специфика проявляется в субъектном составе муниципальных правоотношений. Помимо классического для такой отрасли указания на органы местного самоуправления выделяются также муниципальные образования по аналогии с конституционным правом.

Население муниципального образования в некоторых нормативных актах выделялось в качестве самостоятельного субъекта, муниципальные образования как квазигосударственное лицо [6]. Однако современные нормативные акты говорят о правах граждан на осуществление местного самоуправления. Также, необходимо указать на то, что полномочия населения по решению вопросов местного значения являются содержанием муниципально-правовых отношений. В соответствии со ст. 11 Устава города Краснодара¹, граждане РФ, постоянно либо преимущественно проживающие на территории города Краснодара, имеют право:

- 1) избирать и быть избранными в органы местного самоуправления муниципального образования город Краснодар;
- 2) на равный доступ к муниципальной службе;
- 3) принимать участие в решении вопросов местного значения;
- 4) обращаться в органы местного самоуправления и к должностным лицам муниципального образования город Краснодар и своевременно получать ответы на свои обращения;
- 5) на свободный доступ к информации о деятельности органов местного самоуправления муниципального образования город Краснодар;
- 6) осуществлять иные права в соответствии с федеральным законодательством и законодательством Краснодарского края.

Законодательством закреплены принципы правового регулирования полномочий органов местного самоуправления.

Во-первых, перечень вопросов местного значения не может быть изменен иначе как путем внесения изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Во-вторых, финансовые обязательства, возникающие в связи с решением вопросов местного значения, исполняются за счет средств местных бюджетов (за исключением субвенций, предоставляемых местным бюджетам из федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ).

В-третьих, в случаях и порядке, установленных федеральными законами и законами субъектов РФ, указанные обязательства могут дополнительно финансироваться за счет средств федерального бюджета, федеральных государственных внебюджетных фондов и бюджетов субъектов РФ.

¹ Устав муниципального образования город Краснодар [сайт]. Официальный Интернет-портал администрации муниципального образования город Краснодар и городской Думы Краснодара; 2023 [процитировано 11 августа 2023]. Доступно: <https://krd.ru/dokumenty/dokumenty-gorodskoy-dumy/ustav-munitsipalnogo-obrazovaniya-gorod-krasnodar/?ysclid=lmeonfugv748829147>.

В-четвертых, федеральные законы, законы субъектов РФ не могут содержать положений, определяющих объем расходов за счет средств местных бюджетов.

В самостоятельную группу полномочий органов местного самоуправления входят делегированные полномочия органов государственной власти. Закон подробно регламентирует порядок наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями (ст. 19) и механизм осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий (ст. 20).

По мнению Костюкова А.Н., Копысова С.Г. [4, с. 30], особенность муниципально-правовых отношений по содержанию в том, что посредством данных отношений реализуются основные функции местного самоуправления: обеспечение участия населения в решении вопросов местного значения; управление муниципальной собственностью, финансовыми средствами местного самоуправления; обеспечение комплексного развития территории муниципального образования; обеспечение удовлетворения потребностей населения в социально-культурных, коммунально-бытовых и других жизненно важных услугах; защита интересов и прав местного самоуправления, гарантированных Конституцией РФ и федеральными законами.

По содержанию муниципально-правовые отношения, складывающиеся по поводу местных финансов необходимо отличать от финансово-правовых отношений, являющихся предметом финансового права [5, с. 111–116]. Необходимость такого отграничения связана с тем, что традиционно все отношения, так или иначе связанные с финансами приятно относить к отношениям, составляющим предмет финансового права. Основанием такого отграничения может быть субъектный состав финансовых правоотношений: к муниципально-правовым финансовым отношениям, следует относить только те, одним из субъектов, которых является субъект муниципально-правовых отношений. Во всех иных случаях финансовые отношения следует считать предметом финансового права. Такое отграничение возможно проводить также по следующим основаниям.

Во-первых, согласно ст. 12 Конституции РФ органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, следовательно, финансовая деятельность муниципальных органов и образования не является финансовой деятельностью органов государственной власти.

Во-вторых, согласно ст. 8 Конституции РФ, муниципальная собственность является самостоятельной формой собственности, признается и защищается государством равным образом с другими ее формами. Следовательно, к механизму управления муниципальной собственностью, формирования, утверждения и исполнения местного бюджета, органы государственной власти не имеют никакого отношения – данные полномочия осуществляются исключительно органами местного самоуправления. Их деятельность направлена на осуществление функций местного самоуправления, решение вопросов местного значения. Таким образом, отношения по поводу образования, распределения и использования местных финансов, обладая признаками финансовых правоотношений, являются предметом регулирования муниципального права. Тот факт, что деятельность органов местного самоуправления в финансовой сфере в значительной мере регулируется государством, несколько не умаляет муниципально-правовой природы финансовых правоотношений в сфере местного самоуправления. Кроме того, по мнению С.Т. Ким финансово-правовая ответственность может реализовываться через муниципальные правоотношения [3].

Содержание муниципально-правовых отношений является удобным основанием для их классификации. В зависимости от формы осуществления местного самоуправления муниципально-правовые отношения подразделяются на следующие группы.

Во-первых, муниципально-правовые отношения, возникающие в процессе решения вопросов местного значения путем непосредственного выражения гражданами своей воли через использование всех форм прямой демократии, предусмотренных в законодательстве в области местного самоуправления. Эту группу муниципальных правоотношений можно, в свою очередь классифицировать по сферам общественной жизни, в которых они складываются на: отношения, возникающие в области местного хозяйства и благоустройства; отношения, возникающие в области социально-культурного развития; отношения, возникающие в административно-правовой сфере.

Во-вторых, муниципально-правовые отношения, связанные с деятельностью выборных и других органов местного самоуправления в различных сферах местной жизни.

В-третьих, муниципально-правовые отношения, возникающие в процессе реализации органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, переданных им в

соответствии с законодательством, а также в процессе исполнения нормативно-правовых актов органов государственной власти РФ и субъектов РФ.

По целевому назначению муниципально-правовые отношения можно классифицировать на: правоустановительные и правоохранительные. В правоустановительных муниципально-правовых отношениях в позитивной форме реализуются права и обязанности, которые должны осуществить участники правоотношений. Правоохранительные имеют целью обеспечение исполнения предписаний.

Говоря о содержании муниципально-правовых отношений, следует сказать о методе правового регулирования. Муниципально-правовые отношения обладают определенными чертами административно-правовых отношений, так как административно-правовые нормы устанавливают статус органов местного самоуправления и сами эти отношения складываются в сфере исполнительно-распорядительной деятельности, в сфере управления, включающей в себя: сферу внутриаппаратной организационной деятельности, сферу взаимодействия различных органов управления, сферу непосредственного управляющего воздействия, сферу взаимодействия органов управления с общественными организациями, сферу взаимодействия органов управления и граждан. Несмотря на то, что регулирование муниципально-правовых отношений осуществляется преимущественно императивным методом, отношения в области деятельности органов местного самоуправления, связанной с реализацией их полномочий в хозяйственной сфере, регулируются диспозитивным методом [2]. И в этом смысле муниципально-правовые отношения имеют черты, объединяющие их с гражданско-правовыми.

Формирование единой системы публичной власти приводит к мысли о том, что муниципальные правоотношения приобретают черты сходных с ними конституционно-правовых и административно-правовых правоотношений.

Список использованной литературы:

1. Горохова С.С. Российское местное самоуправление в системе публичной власти государства. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2023;(5):20–24. DOI: 10.18572/1813-1247-2023-5-20-24.
2. Думбадзе В.Б. Муниципальные образования как участники гражданских правоотношений. *Актуальные проблемы гражданского права и процесса: Материалы всероссийской научно-практической конференции*. Омск: Омская юридическая академия; 2018.
3. Ким С.Т. К вопросу о финансово-правовой ответственности в муниципальных правоотношениях. *Налоги и финансовое право*. 2009;(12):244–247.
4. Костюков А.Н., Копысова С.Г. Муниципально-правовые отношения (монография). Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; 2001.
5. Михайлов С.С., Ступников П.Д. Муниципальное образование как субъект бюджетных правоотношений (на примере городского округа «город Хабаровск»). *Современные проблемы государственного управления: Сборник научных статей*. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет; 2013.
6. Роньжина (Каримова) О.В. Квазигосударственные лица: правовая природа муниципального образования и органов местного самоуправления (проблема псевдомножественности субъектов правоотношений). *Конституционное и муниципальное право*. 2010;(9):61–64.
7. Толстова И.А., Самылина Ю.Н. Муниципальные

References:

1. Gorokhova S.S. [Russian local self-government in the system of public authority of the state]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power' and local self-government*. 2023;(5):20–24. DOI: 10.18572/1813-1247-2023-5-20-24 (In Russ.)]
2. Dumbadze V.B. [Municipalities as participants in civil legal relations]. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava i protsesssa: Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Actual problems of civil law and process: materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Omsk: Omsk Law Academy; 2018. (In Russ.)]
3. Kim S.T. [On the issue of financial and legal responsibility in municipal legal relations]. *Nalogi i finansovoe parvo = Taxes and financial law*. 2009;(12):244–247. (In Russ.)]
4. Kostyukov A.N., Kopysova S.G. [Municipal-legal relations]. Omsk: Omsk State University named after F.M. Dostoevsky; 2001. (In Russ.)]
5. Mikhailov S.S., Stupnikov P.D. [Municipal formation as a subject of budgetary legal relations (on the example of the city district "Khabarovsk city")]. *Sovremennye problemy gosudarstvennogo upravleniya: Sbornik nauchnykh statei = Modern problems of public administration: Collection of scientific articles*. Khabarovsk: Pacific State University; 2013. (In Russ.)]
6. Ron'zhina (Karimova) O.V. [Quasi-legal persons: the legal nature of the municipality and local self-government bodies (the problem of pseudo-plurality of subjects of legal relations)]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe parvo = Constitutional and municipal law*. 2010;(9):61–64. (In Russ.)]
7. Tolstova I.A., Samylina Yu.N. [Municipalities as

образования как субъекты правоотношений. В: Н.С. Акатова, А.А. Артемьев, В.Ю. Виктор (и др.). Многообразие аспектов социальной политики (монография). Клин: Тверской государственный университет; 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лупарев Евгений Борисович*

доктор юридических наук, профессор, академик Евразийской академии административных наук, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-4336-9495

Author ID: 57200337167

ResearcherID: AAY-9983-2021

Третьяков Владимир Иванович

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, профессор кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

AuthorID: 453765

subjects of legal relations]. In: N.S. Akatova, A.A. Artem'ev, V.Yu. Viktorov (and others). [*Diversity of aspects of social policy*]. Klin: Tver State University; 2017.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeniy B. Luparev*

Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the Eurasian Academy of Administrative Sciences, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-4336-9495

Author ID: 57200337167

ResearcherID: AAY-9983-2021

Vladimir I. Tretyakov

Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

AuthorID: 453765

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-60-71>

ТЕРРИТОРИИ С ОСОБЫМ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ВИДОВОГО МНОГООБРАЗИЯ И КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ

Неижкаша И.С.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Неижкаша И.С. Территории с особым публично-правовым статусом в Российской Федерации: эволюция видового многообразия и критерии классификации. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(4):60–71. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-60-71>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Неижкаша Иван Сергеевич, соискатель кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 330-11-69

E-mail: danz001@rambler.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 06.09.2023

Статья принята к печати: 06.10.2023

Дата публикации: 23.10.2023

Аннотация: В настоящее время в Российской Федерации активно создаются территории с особым публично-правовым статусом. Тенденция к их учреждению и развитию постепенно увеличивает свою динамику, начиная с начала 1990-х годов. Это обусловлено многообразием задач, стоящих перед государством. На протяжении последних трех десятков лет на законодательном уровне апробируются различные виды и формы территорий с особенностями или преференциями, в результате чего одни уходят в небытие, а другие – получают свое повсеместное распространение. При этом имеющееся в России видовое многообразие территорий с особым статусом еще достаточно сильно отстает в своем развитии от зарубежных стран, среди которых есть те, что восприняли и развивают подобные территории уже не первое столетие. Таким образом, существует объективная необходимость в проведении научного исследования видов территорий с особым публично-правовым статусом в Российской Федерации и критериев их классификации.

Цель исследования – определение оснований для классификации территорий с особым публично-правовым статусом, синопсис зарубежного опыта их создания, установление особенностей правового обеспечения функционирования исследуемых территорий.

Ключевые слова: территории с особым публично-правовым статусом, классификация территорий с особым публично-правовым статусом, субъекты финансового права, особые экономические зоны, территории с преференциальными режимами, территории опережающего социально-экономического развития.

TERRITORIES WITH A SPECIAL PUBLIC-LEGAL STATUS IN THE RUSSIAN FEDERATION: THE EVOLUTION OF SPECIES DIVERSITY AND CLASSIFICATION CRITERIA

Ivan S. Nezhkasha

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Nezhkasha I.S. Territories with a special public-legal status in the Russian Federation: the evolution of species diversity and classification criteria. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(4):60–71. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-60-71>

CONTACT INFORMATION:

Ivan S. Nezhkasha, the applicant of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 330-11-69

E-mail: danz001@rambler.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 06.09.2023

The article has been accepted for publication: 06.10.2023

Date of publication: 23.10.2023

Annotation: Currently, territories with a special public-legal status are being actively created in the Russian Federation. The trend towards their establishment and development has been gradually increasing its dynamics since the early 1990s. This is due to the variety of tasks facing the country. Over the past three decades, various types and forms of territories with special features or preferences have been tested at the legislative level, as a result of which some go into oblivion, while others receive their prevalence. At the same time, the species diversity of territories with a special status available in Russia still lags far behind in its development from foreign countries, among which there are those that have accepted and developed similar territories for more than a century. Thus, there is an objective need to conduct a scientific study of the types of territories with a special public-legal status in the Russian Federation and the criteria for their classification.

The purpose of the study is to determine the grounds for classifying territories with a special public-legal status, a synopsis of the foreign experience of their creation, and to establish the features of legal support for the functioning of the studied territories.

Keywords: territories with a special public-legal status, classification of territories with a special public-legal status, subjects of financial law, special economic zones, territories with preferential regimes, territories of advanced socio-economic development.

Введение

Эволюционирование системы субъектов финансового права – перманентный процесс, обусловленный, в том числе, усложнением и развитием национальной экономики. Изменения в системе субъектов, отвечающие веяниям времени, зачастую более интенсивны и многообразны, нежели имеющиеся «в моменте» научные теории и правовое регулирование. Примером такого «отставания», на наш взгляд, является доктринальное осмысление и нормативное обеспечение финансовых правоотношений с участием территорий с особым публично-правовым статусом. Последние, функционально ориентированные на инвестиционное развитие страны и регионов, стимулируют формирование бюджетов соответствующих уровней бюджетной системы и выступают драйверами роста экономики Российской Федерации. В связи с этим полагаем актуальным исследование видов и генезиса территорий с особым публично-правовым статусом, а также установление критериев для их классификации.

Методы исследования

Основными методами исследования стали общенаучные методы познания (анализ и синтез, обобщение и аналогия), специальные методы технико-юридического и сравнительно-правового анализа.

Результаты исследования

Результаты проведенного исследования заключаются в следующем.

1. Территории с особым публично-правовым статусом и режимами финансовой деятельности использовались и используются различными государствами очень активно, и вне зависимости от уровня развития самих государств.

2. Исследование динамики развития правового обеспечения территорий с преференциальными режимами на примере Дальневосточного региона, а также практики показало, что наиболее распространенной формой правового регулирования в исследуемом регионе являются федеральные законы, регламентирующие основные виды территорий с преференциальными режимами. Правила деятельности отдельно взятой территории устанавливаются при этом подзаконными актами (постановления правительства).

Особое место среди них занимают государственные программы развития отдельных территорий, учреждаемые на основании постановлений Правительства РФ, которые впоследствии, как показало настоящее исследование, трансформируются в территорию с особым публично-правовым статусом, урегулированную соответствующим федеральным законом.

3. Новые виды зон с особым статусом, не нашедшие своего закрепления на законодательном уровне, вводятся сразу в отношении определенной территории соответствующим федеральным законом, однако данный механизм учреждения территорий с преференциальными режимами апробируется на протяжении последних нескольких лет и пока не нашел своего активного распространения в российском нормотворчестве.

4. В России с начала 90-х годов XX века до 2014 года преобладали особые экономические зоны, которые с 2015 года стали постепенно вытесняться территориями опережающего социально-экономического развития. В настоящее время именно они являются количественно доминирующим видом территории с особым публично-правовым статусом в экономической сфере.

5. В рамках данной статьи для классификации территорий с особым публично-правовым статусом в качестве критериев (перечень которых не является исчерпывающим и подлежит дальнейшему развитию и углублению) предлагаются следующие основания для классификации территорий с особым публично-правовым статусом:

- 1) по порядку создания;
- 2) по объему преференций;
- 3) по соотношению с государственными границами, границами субъектов Российской Федерации, административно-территориальными образованиями;
- 4) по целям создания;
- 5) по времени функционирования;
- 6) в зависимости от институциональных особенностей финансово-правового статуса;
- 7) по основанию возникновения юрисдикции на конкретную территорию.

Данная классификация упорядочивает многообразие рассматриваемых субъектов права и может быть востребована как в целях научного анализа особенностей правового регулирования территорий с особым публично-правовым статусом, так и для совершенствования действующего законодательства.

Научная дискуссия

Зарубежный опыт создания территорий с особым публично-правовым статусом

Повсеместное создание и распространение территорий с особым экономическим режимом в иностранных государствах относится к семидесятым годам XX века, когда в 1973 году в г. Киото (Япония) была подписана «Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1973 года», участницами которой в настоящее время являются 133 страны¹.

На сегодняшний день особые экономические зоны, в частности, существуют в более чем 120 государствах, а темпы их создания не теряют своей динамики с течением времени [18, с. 34]: если в 1975 году их численность не превышала нескольких десятков и не доходила до сотни, то в конце

¹ [сайт]. World Customs Organization; 2023 [прочитано 14 августа 2023]. Доступно: https://www.wcoomd.org/en/topics/facilitation/instrument-and-tools/conventions/pf_revised_kyoto_conv/instruments.aspx.

2018 года таких территорий, с расположением в 147 странах, насчитывалось уже более пяти тысяч [9, с. 214].

В последние годы особые экономические зоны повсеместно появляются в ряде стран Африки, где их количество по состоянию на 2022 год насчитывает более 237 особых экономических зон. Лидируют по их количеству Кения (61 ОЭЗ), Нигерия (38 ОЭЗ), Эфиопия (18 ОЭЗ), Египет (10 ОЭЗ), Камерун (9 ОЭЗ) [18, с. 35].

Анализ международной практики создания территорий с особым публично-правовым статусом показывает большое разнообразие их наименований. Так, например, в Македонии и Сербии – это свободные зоны; в Чехии и Словакии – промышленные зоны; в Голландии – экономические зоны; в Украине и Польше – специальные экономические, а в Венгрии, Франции и Великобритании – предпринимательские зоны [1, с. 117]; в США – зоны внешней торговли; в Ирландии – свободные промышленные зоны; в Югославии – свободные таможенные зоны; в Молдове – зоны свободного предпринимательства; в Кыргызстане – свободные экономические зоны [10, с. 33].

Большим разнообразием отличается ассортимент территорий с особым публично-правовым статусом в Китайской Народной Республике, где созданы и функционируют:

- 1) специальные экономические зоны;
- 2) зоны технико-экономического развития (зоны развития высоких технологий, зоны свободных портов, зоны экспортного производства, районы комплексного тестирования реформ);
- 3) особые таможенные зоны;
- 4) логистические зоны с режимом особой таможенной зоны;
- 5) зоны приграничного экономического сотрудничества;
- 6) зоны свободной торговли;
- 7) финансово-экономические зоны (зоны развития фондового рынка) [2, с. 82].

Отметим, что наиболее типичными преференциями, вводимыми на той или иной особой территории, являются налоговые льготы, нацеленные на обеспечение привлекательности инвестиционной деятельности заинтересованных субъектов (Китай, Доминиканская Республика, Руанда, Вьетнам, Тайвань, Индия, Южная Корея, Япония, Эфиопия, Гана) [8, с. 285–292]. В Китае к ним относятся налоги на недвижимость, на операции с имуществом, на транспортные средства и суда, на землепользование, на прирост стоимости земли [15, с. 76].

Для Южной Кореи характерно освобождение от уплаты налога на приобретение имущества в полном объеме на 15 лет, льготы по уплате налога на недвижимость в размере 100 % в течение первых 7 лет и 50 % – в последующие 3 года [15, с. 76].

В индустриальных парках Малайзии предусмотрены налоговые льготы по имущественным налогам для компаний, входящих в кластер образования и цифрового развития [15, с. 77].

Резиденты индустриальных парков во Вьетнаме на время реализации инвестиционного проекта освобождаются от уплаты налога на пользование землей [15, с. 77].

Налоговые льготы – не единственный метод активизации инвестиционной привлекательности территории. Так, например, в Германии система льгот для территорий с особым статусом является смешанной и включает в себя финансирование через фонды, хозяйственные общества частично финансируют государственные научные учреждения, а государство предоставляет средства для частных исследований, в рамках которых Союз фондов содействия немецкой науке включает свыше 300 фондов, финансируемых бизнесом [16, с. 59].

Прямое государственное финансирование, как инструмент формирования инвестиционной модели роста территорий с особым публично-правовым статусом, характерно для США, Великобритании, Франции, Испании, Дании [12, с. 87].

Отдельного упоминания заслуживает филиппинский опыт создания особых экономических зон, характеризующийся возложением обязанности финансирования их развития на местные бюджеты и / или частные инвестиции [17, с. 4].

Нередко к образованию «территорий с особенностями» прибегают в федеративных государствах. В таком статусе пребывают: в США – округ Колумбия, Пуэрто-Рико, Гуам, острова Восточного Самоа и Виргинские [14, с. 54]; в Австралии – Канберра; в Канаде – Юкон и Нунавут; Куала-Лумпур и Лабуан в Малайзии, а в Индии – Джамму и Кашмир [13, с. 88]. Широта примеров позволяет заключить, что территории с особым публично-правовым статусом являются для федераций эффективной моделью управления столицей, островными, отдаленными или

малочисленными территориями государства, а также территориями, имеющими национально-этническое, стратегическое, политическое и административное значения [13, с. 88].

Таким образом, зарубежные юрисдикции представлены огромным разнообразием территорий с особым публично-правовым статусом, которые можно разграничить по различным критериям: наименованию, преференциям, видам финансирования, целевому назначению, функциональному арсеналу.

Более того, как показывает иностранный опыт, решение проблем отдельных субъектов государства, на территории которого создается подобный «островок» с преференциальным режимом, приводит с течением времени к повышению конкурентоспособности и решению отдельных задач на уровне государства, оказывая влияние далеко за пределы субъекта, в котором территория с особым статусом располагается.

Доктринальные классификации территорий с особым публично-правовым статусом

Анализ доктринальных источников, прежде всего – работ отечественных ученых, занимающихся проблемами региональной экономики, а также представителей государственно-правовой (публично-правовой) науки, свидетельствует о достаточно широкой типизации территорий с особым статусом. Обособление того или иного вида территории зависит от специфики региона, его сильных черт, целей и задач, подлежащих решению, а также иных факторов, начиная от географии региона и заканчивая социально-демографической обстановкой.

Так, одни авторы относят к ним следующие виды:

- 1) закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО);
- 2) наукограды;
- 3) особо охраняемые природные территории;
- 4) экологически неблагоприятные территории;
- 5) особые экономические зоны (ОЭЗ);
- 6) города федерального значения;
- 7) приграничные территории;
- 8) муниципальные образования, расположенные в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с ограниченными сроками завоза продукции;
- 9) территория инновационного центра «Сколково»;
- 10) территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР);
- 11) макрорегионы;
- 12) зоны территориального развития или территории опережающего развития (ТОР);
- 13) монопрофильные муниципальные образования (моногорода);
- 14) зоны с особыми условиями использования территорий;
- 15) территории приоритетного заселения [7, с. 58].

Другие ученые относят к видовому составу территорий с особым режимом деятельности также свободные экономические зоны (СЭЗ), промышленные и технопарки [3, с. 4].

И.А. Васильева считает, что в России есть еще комплексные экономические зоны, которые занимают территорию целого региона, например – Республика Крым [6, с. 2].

А.Л. Белоусов полагает возможным объединить все территории, имеющие государственные льготы, общим понятием – территории с преференциальным режимом осуществления предпринимательской деятельности [4, с. 85].

При этом на научном уровне выделяют критерии разграничения свободных и особых экономических зон, ключевым из которых выступает возможность привлечения только частного иностранного капитала в свободной экономической зоне, в то время как особые экономические зоны допускают в том числе и отечественные частные инвестиции [3, с. 5].

Наряду с «инвестиционно-ориентированными» классификациями, детерминированными экономическими мотивами придания территориям особого публично-правового статуса, в науке также выделяют территории с осуществлением на них местного самоуправления с определенными особенностями и ограничениями [5, с. 226], основанными на законодательно закрепленном перечне таких территорий¹:

- 1) субъекты Российской Федерации – города федерального значения;
- 2) закрытые административно-территориальные образования;

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

- 3) наукограды;
- 4) приграничные территории;
- 5) территории Крайнего Севера и приравненные к ним территории, с ограниченными сроками завоза груза (продукции);
- 6) территория инновационного центра «Сколково»;
- 7) территории опережающего развития;
- 8) территории инновационных научно-технических центров;
- 9) территория свободный порт Владивосток;
- 10) территории Арктических зон, принадлежащих Российской Федерации;
- 11) федеральные территории;
- 12) территория Военного инновационного технополиса «Эра» Министерства обороны Российской Федерации.

Таким образом, из вышеуказанной классификации видно, что помимо инвестиционно-экономического вектора развития территорий с особыми режимами в России немаловажное значение играет учреждение и распространение территорий с инновационно-научным и географическим укладом, что обусловлено, в первом случае, концентрацией ресурсов на прорывных научных направлениях в целях доминирования на международной арене, а, во втором случае, обширными территориальными масштабами страны и существенными различиями в плане естественных природных условий (распределение сухопутной и морской поверхности, удаленность от океанов и морей, рельеф местности различных градаций, характер поверхности почвы, температурный режим, видовое разнообразие растительного и животного мира, плюрализм природных ресурсов).

Особняком выступает вопрос организации местного самоуправления, его компетенции и пределов, что зависит от совокупности факторов, определяющих создание и развитие территории с особым публично-правовым статусом. Стоит также отметить, что законодательно установленный перечень территорий с особенностями местного самоуправления не является исчерпывающим и закрытым, ряд ограничений существует также и в отношении других территорий с особым публично-правовым статусом.

Со своей стороны, полагаем необходимым строить классификацию территорий с преференциальными режимами с опорой на результаты анализа практики правового обеспечения создания и функционирования территорий с особым публично-правовым статусом.

Российская практика правового обеспечения создания и функционирования территорий с особым публично-правовым статусом

Исторически первыми (для Российской империи) попытками выделить отдельные территории и наделить их преференциями считают особые экономические режимы, функционировавшие в XVII–XIX веках в виде свободных портов Одесса и Владивосток [11, с. 222].

Современный период развития правового регулирования рассматриваемых территорий проиллюстрируем на примере Дальневосточного региона России, в котором, начиная с 1990 года, динамично появлялись и исчезали зоны с особыми преференциями¹.

Табл. 1. Развитие правового регулирования территорий с особым публично-правовым статусом в Дальневосточном регионе

Table 1. Development of legal regulation of territories with a special public-legal status in the Far Eastern region

№	Дата создания	Вид территории с особым публично-правовым статусом	Наименование территории	Основание возникновения
1.	1990	Свободная экономическая зона	Находка	Постановление Совмина РСФСР ²

¹ Не менее интересен и самобытен процесс становления и развития территорий с особым публично-правовым статусом в других субъектах России, однако подобный историко-правовой анализ требует исследования гораздо большего масштаба, нежели научная статья.

² О первоочередных мерах по развитию свободной экономической зоны в районе г. Находки (СЭЗ Находка) Приморского края (вместе с «Положением о свободной экономической зоне в районе г. Находки

2.	1991	Свободные экономические зоны	Сахалин ЕВА	Постановления Совмина РСФСР ¹
3.	2009	Портовая особая экономическая зона	Советская Гавань	Постановление Правительства РФ ²
4.	2010	Особая экономическая зона	о. Русский	Постановление Правительства РФ ³
5.	2015	Особая экономическая зона	Свободный порт Владивосток	Федеральный закон ⁴
6.	2015	Территории опережающего социально-экономического развития	Комсомольск Хабаровск Белогорск Чукотка Приамурская	Постановления Правительства РФ ⁵
7.	2015	Территории опережающего развития	Надеждинская (Приморье) Якутия Михайловский Камчатка	Постановления Правительства РФ ⁶
8.	2016	Территории опережающего социально-экономического	Большой Камень Горный воздух	Постановления Правительства РФ ⁷

Приморского края): Постановление Совмина РСФСР от 23.11.1990 № 540 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹ О первоочередных мерах по развитию свободной экономической зоны «Сахалин» (СЭЗ «Сахалин») (вместе с «Положением о свободной экономической зоне «Сахалин» (СЭЗ «Сахалин»): Постановление Совмина РСФСР от 26.06.1991 № 359 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О первоочередных мерах по развитию свободной экономической зоны в Еврейской автономной области (вместе с «Положением о свободной экономической зоне в Еврейской автономной области (СЭЗ «ЕВА»): Постановление Совмина РСФСР от 07.06.1991 № 312 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О создании на территории Хабаровского края портовой особой экономической зоны: Постановление Правительства РФ от 31.12.2009 № 1185 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О создании на территории острова Русский Владивостокского городского округа Приморского края туристско-рекреационной особой экономической зоны: Постановление Правительства РФ от 31.03.2010 № 201 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О свободном порте Владивосток: Федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ О создании территории опережающего социально-экономического развития «Комсомольск»: Постановление Правительства РФ от 25.06.2015 № 628 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О создании территории опережающего социально-экономического развития «Хабаровск»: Постановление Правительства РФ от 25.06.2015 № 630 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О создании территории опережающего социально-экономического развития «Белогорск»: Постановление Правительства РФ от 21.08.2015 № 875 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О создании территории опережающего социально-экономического развития «Чукотка»: Постановление Правительства РФ от 21.08.2015 № 876 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О создании территории опережающего социально-экономического развития «Приамурская»: Постановление Правительства РФ от 21.08.2015 № 879 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ О создании территории опережающего развития «Приморье»: Постановление Правительства РФ от 25.06.2015 № 629 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О создании территории опережающего развития «Якутия»: Постановление Правительства РФ от 21.08.2015 № 877 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О создании территории опережающего развития «Михайловский»: Постановление Правительства РФ от 21.08.2015 № 878 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О создании территории опережающего развития «Камчатка»: Постановление Правительства РФ от 28.08.2015 № 899 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ О создании территории опережающего социально-экономического развития «Большой Камень»: Постановление Правительства РФ от 28.01.2016 № 43 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О создании территории опережающего социально-экономического развития «Горный воздух»: Постановление Правительства РФ от 17.03.2016 № 200 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О создании территории опережающего социально-экономического развития «Краснокаменск»: Постановление Правительства РФ от 16.07.2016 № 675 // Доступ из

		развития	Краснокаменск Амуро-Хинганская	
9.	2016	Территории опережающего развития	Южная Южная Якутия	Постановления Правительства РФ ¹
10.	2017	Территории опережающего развития	Находка Николаевск	Постановления Правительства РФ ²
11.	2017	Территории опережающего социально-экономического развития	Свободный Курилы	Постановления Правительства РФ ³
12.	2018	Специальный административный район	о. Русский	Федеральный закон ⁴
13.	2019	Территории опережающего развития	Бурятия Забайкалье	Постановления Правительства РФ ⁵
14.	2020	Особая экономическая зона	Арктическая зона РФ	Федеральный закон ⁶
15.	2020	Территория опережающего социально-экономического развития	Селенгинск	Постановление Правительства РФ ⁷
16.	2020	Инновационный научно-технологический центр	Русский	Постановление Правительства РФ ⁸

Как видим, в пределах Дальневосточного региона России на протяжении последних 30 лет было создано более чем три десятка территорий с особым публично-правовым статусом. Первоначально источником учреждения таких территорий выступали подзаконные акты в виде постановлений Совета министров РСФСР, впоследствии сменившиеся постановлениями Правительства РФ, которые доминируют и по настоящее время.

Вместе с тем, с 2015 года появляются точечные изменения, связанные с введением зон с преференциальными режимами федеральными законами (свободный порт Владивосток, специальный административный район на о. Русский, особая экономическая зона в Арктической зоне РФ). Это обусловлено высокой степенью важности для государства создания указанных образований, а также в целях исключения возможного возникновения коллизий между актами одного уровня.

СПС «КонсультантПлюс»; О создании территории опережающего развития «Амуро-Хинганская»: Постановление Правительства РФ от 27.08.2016 № 847 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹ О создании территории опережающего развития «Южная»: Постановление Правительства РФ от 17.03.2016 № 201 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О создании территории опережающего развития «Южная Якутия»: Постановление Правительства РФ от 28.12.2016 № 1524 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О создании территории опережающего развития «Находка»: Постановление Правительства РФ от 07.03.2017 № 272 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О создании территории опережающего развития «Николаевск»: Постановление Правительства РФ от 19.04.2017 № 464 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О создании территории опережающего социально-экономического развития «Свободный»: Постановление Правительства РФ от 03.06.2017 № 673 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О создании территории опережающего социально-экономического развития «Курилы»: Постановление Правительства РФ от 23.08.2017 № 992 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края: Федеральный закон от 03.08.2018 № 291-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ О создании территории опережающего развития «Бурятия»: Постановление Правительства РФ от 14.06.2019 № 760 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О создании территории опережающего развития «Забайкалье»: Постановление Правительства РФ от 31.07.2019 № 988 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ О преобразовании территории опережающего социально-экономического развития «Селенгинск»: Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1483 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ О создании инновационного научно-технологического центра «Русский» (вместе с «Правилами проекта по созданию и обеспечению функционирования инновационного научно-технологического центра «Русский»): Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 № 1868 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Стоит отметить, что потенциальной причиной учреждения вышеуказанных территорий федеральными законами выступает в том числе и отсутствие федеральных законов, устанавливающих правила деятельности свободных портов и специальных административных районов. В то время как особые экономические зоны и территории опережающего развития как вид территориального образования с преференциальными режимами урегулированы соответствующими федеральными законами¹.

Еще одной немаловажной причиной принятия именно федеральных законов является предшествующая этому процессу реализация государственных программ развития отдельных территорий, источником введения которых как раз выступают постановления правительства РФ.

Критерии разграничения территорий с особым публично-правовым статусом

Итак, следует констатировать существенное качественное и количественное разнообразие территорий с особым публично-правовым статусом, созданных и функционирующих в Российской Федерации, что повышает востребованность научной классификации данных территорий. Проанализировав федеральные законы и подзаконные акты, нормативно-правовые акты о бюджете, имеющиеся в науке подходы, считаем возможным предложить следующие основания для классификации территорий с особым публично-правовым статусом.

Табл. 2. Основания для классификации территорий с особым публично-правовым статусом
Table. 2. Grounds for classification of territories with a special public-legal status

№	Основание классификации	Примеры
1.	По порядку создания	– территории, созданные на основании Постановления Правительства РФ ² ; – территории, созданные на основании на основании Федерального закона РФ ³ .
2.	По объему преференций	Представлены в табл. 3.
3.	По соотношению с государственными границами, границами субъектов РФ, административно-территориальными единицами	Режимы: – национальный (расположенные в пределах территории государства (федеральная территория «Сириус»)); – смешанный (город федерального значения Байконур); – международный – Антарктика ⁴ .
4.	По целям создания	– особая экономическая зона – развитие обрабатывающих и высокотехнологичных отраслей экономики, развития туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктур, разработки технологий и коммерциализации их результатов, производства новых видов продукции; – территория опережающего социально-экономического развития – формирование благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечение ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения;

¹ Об особых экономических зонах в Российской Федерации: Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (часть II). Ст. 3127; О территориях опережающего развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (часть I). Ст. 26.

² Например, Постановление Правительства РФ от 21.12.2005 № 784 «О создании на территории Елабужского муниципального района Республики Татарстан особой экономической зоны промышленно-производственного типа» // Собрание законодательства Российской Федерации от 26 декабря 2005 г. N 52 (часть III) ст. 5747.

³ Например, Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 декабря 2020 г. № 52 (часть I) ст. 8583.

⁴ В смешанном режиме государство осуществляет свою юрисдикцию в отношении определенной территории, в международном режиме – в отношении лиц и объектов.

		– зона территориального развития – ускорение социально-экономического развития субъекта Российской Федерации путем формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций в его экономику; – закрытое административно-территориальное образование – обеспечение безопасного функционирования находящихся на его территории организаций, осуществляющих разработку, изготовление, хранение и утилизацию оружия массового поражения, переработку радиоактивных и других представляющих повышенную опасность техногенного характера материалов, военных и иных объектов, для которых в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства устанавливается особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны, включающий специальные условия проживания граждан; – федеральная территория – обеспечение комплексного устойчивого социально-экономического и инновационного развития территории, повышение ее инвестиционной привлекательности, необходимость сохранения олимпийского спортивного, культурного и природного наследия, создание благоприятных условий для выявления, самореализации и развития талантов, реализация приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации.
5.	По времени функционирования	– с ограничением срока (особая экономическая зона – 49 лет; территория опережающего социально-экономического развития – 70 лет; зона территориального развития – 12 лет); – бессрочные (ЗАО; Федеральная территория).
6.	В зависимости от институциональных особенностей финансово-правового статуса	В основе разграничения лежит преобладающая институциональная характеристика (элемент) финансово-правового статуса территории: – бюджетный (Запорожская и Херсонская области); – налоговый (особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Нягань»); – банковский (Специальный административный район – остров Октябрьский); – валютный (Донецкая и Луганская народные республики); – таможенный (Свободный порт Владивосток); – возможность получения межбюджетных трансфертов (город федерального значения Байконур).
7.	По основанию возникновения юрисдикции на конкретную территорию	– собственность (особая экономическая зона «Алабуга»); – аренда (город федерального значения Байконур).

Табл. 3. Основные отличия между особыми экономическими зонами и территориями опережающего социально-экономического развития по объему преференций (на примере ОЭЗ «Химпром» и ТОСЭР «Бурятия»)

Table 3. The main differences between special economic zones and territories of advanced socio-economic development in terms of preferences (on the example of the SEZ "Khimprom" and TOSER "Buryatia")

Вид территории с особым статусом / Наименование льготы	ОЭЗ «Химпром»	ТОСЭР «Бурятия»
--	---------------	-----------------

Налог на имущество	0 % на 10 лет	0 % на 5 лет
Транспортный налог	0 рублей на 10 лет	0 рублей на 10 лет
Земельный налог	0 % на 10 лет	0 % на 5 лет
НДС и таможенные платежи	0 % бессрочно	–
Налог на прибыль организаций	с момента получения прибыли: 2 % на протяжении 1–5 лет 7 % на протяжении 6–10 лет 15,5 % с 11 года	с момента получения прибыли: 5 % на протяжении 1–5 лет 12 % на протяжении 6–10 лет
Коэффициент на добычу полезных ископаемых	–	0 на первые 2 года

Представляется, что данный перечень оснований не является исчерпывающим, но может быть использован для систематизации и установления общего и особенного в развитии законодательства о территориях с особым публично-правовым статусом.

Список использованной литературы:

1. Александрова Ж.П. Особенности применения налоговых льгот на территории особых экономических зон РФ в условиях пандемии COVID-19. *Вестник НГИЭИ*. 2021;(1(116)):115–128. DOI:10.24411/2227-9407-2021-10010
2. Андреева М.Ю., Лэй Ч. Сравнительный анализ оценки эффективности реализации проектов особых экономических зон и территорий опережающего развития. *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*. 2018;11(6):77–86. DOI: 10.18721/JE.11607.
3. Ахмедуев А.Ш., Меджидов З.У. Теоретические аспекты о сущности и роли территорий с особым экономическим статусом в обеспечении пространственного развития регионов России. *Вопросы региональной экономики*. 2019;(3(40)):3–7.
4. Белоусов А.Л. Регулирование территориального развития через совершенствование преференциальных режимов осуществления предпринимательской деятельности. *Экономика. Налоги. Право*. 2021;(14(6)):83–91.
5. Бондарчук И.В., Евсикова Е.В., Еремина И.С. и др. Актуальные вопросы развития публичного права. Симферополь, 2023.
6. Васильева И.А. Территории с особым статусом в экономической системе страны. *Электронный журнал «Экономика и право»*. 2018;(1):1–6.
7. Данилова С.Н., Петров А.М., Тэйслина О.Г. Особые экономические зоны в РФ: тенденции развития и организационно-правовые основы функционирования. *Вестник СГСЭУ*. 2019;(2(76)):57–63.
8. Какаулина М.О., Горлов Д.Р. Оценка влияния налоговых льгот на инвестиционную активность в особых экономических зонах Российской Федерации. *Journal of Applied Economic Research*. 2022;21(2):282–324. DOI: 10.15826/vestnik.2022.21.2.011.
9. Косенкова Ю.Ю. Применение особых

References:

1. Aleksandrova Zh.P. [Features of the application of tax benefits on the territory of special economic zones of the Russian Federation in the conditions of the COVID-19 pandemic]. *Vestnik NGIEI = Bulletin of the NGIEI*. 2021;(1(116)):115–128. DOI:10.24411/2227-9407-2021-10010 (In Russ.)]
2. Andreeva M.Yu., Lehi Ch. [Comparative analysis of the evaluation of the effectiveness of the implementation of projects of special economic zones and territories of advanced development]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPBGPU. Ehkonomicheskie nauki = Scientific and technical bulletin of SPBGPU. Economic Science*. 2018;11(6):77–86. DOI: 10.18721/JE.11607 (In Russ.)]
3. Akhmeduev A.Sh., Medzhidov Z.U. [Theoretical aspects of the essence and role of territories with a special economic status in ensuring the spatial development of Russian regions]. *Voprosy regional'noi ehkonomiki = Regional economic issues*. 2019;(3(40)):3–7. (In Russ.)]
4. Belousov A.L. [Regulation of territorial development through the improvement of preferential business regimes]. *Ehkonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Right*. 2021;(14(6)):83–91. (In Russ.)]
5. Bondarchuk I.V., Evsikova E.V., Eremina I.S. [Current issues of public law development]. Simferopol, 2023. (In Russ.)]
6. Vasil'eva I.A. [Territories with a special status in the economic system of the country]. *Ehlektronnyi zhurnal «Ehkonomika i pravo» = Electronic journal "Economics and Law"*. 2018;(1):1–6. (In Russ.)]
7. Danilova S.N., Petrov A.M., Tehislina O.G. [Special economic zones in the Russian Federation: development trends and organizational and legal bases of functioning]. *Vestnik SGSEHU = Bulletin of the SSUE*. 2019;(2(76)):57–63. (In Russ.)]
8. Kakaulina M.O., Gorlov D.R. [Assessment of the impact of tax incentives on investment activity in special economic zones of the Russian Federation]. *Journal of Applied Economic Research = Journal of Applied Economic Research*. 2022;21(2):282–324. DOI: 10.15826/vestnik.2022.21.2.011 (In Russ.)]
9. Kosenkova Yu.Yu. [The use of special economic zones

экономических зон в качестве налогового инструмента пространственного развития в контексте Индустрии 4.0. *Вопросы региональной экономики*. 2021;(4(49)):211–220.

10. Навальнева Н.С. Специальный административно-правовой режим особых экономических зон. *Вестник СНО ДОННУ*. 2022;4(14):33–38.

11. Пароватов С.Н. Развитие «территорий роста»: от свободных экономических зон к территориям с особыми экономическими режимами. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023;(1–2(76)):221–226.

12. Пугачев А.А. Налоговое стимулирование инновационной активности: возможности, приоритеты и региональные особенности. *Инновационное развитие экономики*. 2019;(5–1(53)):87–92.

13. Семенова Н.К., Лещинский М.И., Марченкова Е.А. Федеральные территории в России: проблемы и перспективы правового регулирования. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022;(12–5(75)):84–91. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-12-5-84-91.

14. Сибилева А.Ю. К вопросу о правовом статусе федеральных территорий. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского*. 2020;6(3):49–56.

15. Синенко О.А., Домников А.Ю. Имущественное налогообложение юридических лиц на территориях с особым экономическим статусом. *Финансовый журнал*. 2022;14(3):74–85.

16. Сумина Е.В. Система дифференциации преференций поддержки инновационной деятельности резидентов территорий опережающего развития. *Инновационное развитие экономики*. 2021;(1(61)):57–65. DOI: 10.51832/2223-7984_2021_1_57.

17. Тарасова Ю.А., Бобкова Т.С., Кожевникова С.А. К вопросу правового регулирования особых экономических зон в России. *Вестник Евразийской науки*. 2018;10(3):1–10. (In Russ.)]

18. Федотов А.С., Боброва В.В. Особые экономические зоны как фактор экономического развития Российской Федерации. *Академическая публицистика*. 2022;(9–1):27–38.

as a tax tool for spatial development in the context of Industry 4.0.]. *Voprosy regional'noi ehkonomiki = Regional economic issues*. 2021;(4(49)):211–220. (In Russ.)]

10. Naval'neva N.S. [Special administrative and legal regime of special economic zones]. *Vestnik SNO DONNU = Bulletin of the SNO DONNU*. 2022;4(14):33–38. (In Russ.)]

11. Parovатов S.N. [Development of "growth territories": from free economic zones to territories with special economic regimes]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023;(1–2(76)):221–226. (In Russ.)]

12. Pugachev A.A. [Tax incentives for innovation activity: opportunities, priorities and regional features]. *Innovatsionnoe razvitie ehkonomiki = Innovative development of the economy*. 2019;(5–1(53)):87–92. (In Russ.)]

13. Semenova N.K., Leshchinskii M.I., Marchenkova E.A. [Federal Territories in Russia: problems and prospects of legal regulation]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;(12–5(75)):84–91. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-12-5-84-91 (In Russ.)]

14. Sibileva A.Yu. [On the issue of the legal status of federal territories]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo = Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University*. 2020;6(3):49–56. (In Russ.)]

15. Sinenko O.A., Domnikov A.Yu. [Property taxation of legal entities in territories with special economic status]. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*. 2022;14(3):74–85. (In Russ.)]

16. Sumina E.V. [The system of differentiation of preferences to support innovation activities of residents of territories of advanced development]. *Innovatsionnoe razvitie ehkonomiki = Innovative development of the economy*. 2021;(1(61)):57–65. DOI: 10.51832/2223-7984_2021_1_57. (In Russ.)]

17. Tarasova Yu.A., Bobkova T.S., Kozhevnikova S.A. [On the issue of legal regulation of Special Economic Zones in Russia]. *Vestnik Evraziiskoi nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2018;10(3):1–10. (In Russ.)]

18. Fedotov A.S., Bobrova V.V. [Special economic Zones as a factor of economic development of the Russian Federation]. *Akademicheskaya publitsistika = Akademicheskaya publicist*. 2022;(9–1):27–38. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Неижкаша Иван Сергеевич

соискатель кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0009-0004-2700-4500

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan S. Neizhkasha

the applicant of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0009-0004-2700-4500

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-72-81>

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ДОКТРИНЫ НЕОБОСНОВАННОЙ НАЛОГОВОЙ ВЫГОДЫ В РОССИЙСКОМ ПРАВОПОРЯДКЕ

Перепелица М.А.

ФГБОУ ВО «Елецкий Государственный университет имени И.А. Бунина»
(Коммунаров ул., д. 28, г. Елец, Россия, 399770)

Ссылка для цитирования: Перепелица М.А. Международно-правовые доктрины необоснованной налоговой выгоды в российском правовом порядке. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(4):72–81. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-72-81>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Перепелица Мария Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Юриспруденции имени В.Г. Ермакова ФГБОУ ВО «Елецкий Государственный университет имени И.А. Бунина»

Адрес: Коммунаров ул., д. 28, г. Елец, Россия, 399770

Тел.: +7 (929) 003-91-41

E-mail: perepelitsa.doc@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 31.08.2023

Статья принята к печати: 29.09.2023

Дата публикации: 23.10.2023

Аннотация: В статье исследуется вопрос о гармонизации правил международных правовых доктрин в сфере выявления необоснованной налоговой выгоды с внутренним национальным законодательством Российской Федерации. Отмечается, что российский правовой порядок использует в практике налоговых правоотношений, положения и рекомендации практически всех международных доктрин: сделка по шагам (step transaction doctrine), преобладание существа над формой (equity above the form), деловая цель (business purpose), реальности затрат, «одна рука», «срывания корпоративной вуали», фактическое место деятельности. Основное внимание уделяется первым трем, так как все остальные в той или иной степени включаются в их содержание. Обосновывается необходимость постоянного взаимодействия на международных площадках Российской Федерации с другими государствами в сфере выявления необоснованной налоговой выгоды, так как данная проблема носит не только внутренний национальный характер отдельного государства, а в XXI веке приобрела транснациональный международный смысл.

Целью статьи является анализ особенностей имплементации положений международных доктрин в сфере выявления необоснованной налоговой выгоды, в национальное законодательство. В статье также подчеркивается актуальность затронутой проблемы, так как ее исследование способствует совершенствованию внутренних правовых процедур по выявлению злонамеренных схем получения необоснованной налоговой выгоды плательщиком и дает возможность наработать свой национальный опыт в области противодействия налоговым злоупотреблениям.

В результате исследования отмечается, что основными формами сотрудничества российского и международного правовых порядков в сфере выявления необоснованной налоговой выгоды является гармонизация общих антиуклонительных правил (General Anti-Avoidance Rules, GAAR), которые включают в себя рекомендации по борьбе с неуплатой налогов и доктрины, определяющие критерии выявления в действиях плательщика налоговых злоупотреблений с целью получения необоснованной налоговой выгоды. Будучи восприняты российским правовым порядком положения международных доктрин практически в целом и неизменном виде приобрели форму

правовых позиций, закрепленных в судебных актах, федеральных законах и ведомственных нормативных актах.

Вывод. Критериями определения необоснованной налоговой выгоды в российском законодательстве исходя из сути и смысла международных доктрин (сделка по шагам, преобладание существа над формой, деловая цель) являются следующие: 1) сделка должна обладать экономической сущностью, независимой и отличной от цели снижения налогов; 2) необходимо установить истинный смысл операции, изучив всю цепочку сделок участников, поскольку оценка такой сделки самой по себе, в отдельности не позволяет с достоверностью установить, на достижение каких целей она была направлена; 3) при оценке налоговых последствий сделки, основным фактом, который учитывает суд (или налоговый орган) являются фактически сложившиеся отношения между плательщиками (сторонами сделки), а не внешняя форма, которая была умышленно придана такой сделке.

Ключевые слова: международная правовая доктрина, необоснованная налоговая выгода, налогоплательщик, российский правопорядок, деловая цель, преобладание существа над формой, деловая цель.

INTERNATIONAL LEGAL DOCTRINES OF UNJUSTIFIED TAX BENEFITS IN THE RUSSIAN LEGAL ORDER

Maria A. Perepelitsa

FGBOU VO "Yelets State University named after I.A. Bunin"
(Kommunarov str., 28, Yelets, Russia, 399770)

Link for citation: Perepelitsa M.A. International legal doctrines of unjustified tax benefits in the Russian legal order. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(4):72–81. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-72-81>

CONTACT INFORMATION:

Maria A. Perepelitsa, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov of the FGBOU VO "Yelets State University named after I.A. Bunin"

Address: Kommunarov str., 28, Yelets, Russia, 399770

Tel.: +7 (929) 003-91-41

E-mail: perepelitsa.doc@gmail.com

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 31.08.2023

The article has been accepted for publication: 29.09.2023

Date of publication: 23.10.2023

Annotation: The article examines the issue of harmonizing the rules of international legal doctrines in the field of identifying unreasonable tax benefits with the domestic national legislation of the Russian Federation. It is noted that the Russian law and order uses in the practice of tax legal relations, provisions and recommendations of almost all international doctrines: a step transaction doctrine, the predominance of substance over form (equity above the form), business purpose, cost reality, "one hand," "tearing down the corporate veil," actual place of activity. The main focus is on the first three, since everyone else is included in their content to one degree or another: the peculiarities of the implementation of each doctrine in the practice of Russian law enforcement are investigated. The need for constant interaction on international platforms of the Russian Federation with other states in the field of identifying unreasonable tax benefits is justified, since this problem is not only an internal national character of a separate state, but in the 21st century it has acquired transnational international meaning. This is due to the unprecedented opportunities in the history of mankind for freedom of movement of capital, people, goods and services, and therefore the emergence of international schemes for tax evasion or improvement of schemes for tax abuse. The article emphasizes the relevance of the affected problem, since its research contributes to the

improvement of internal legal procedures for identifying malicious schemes for obtaining unreasonable tax benefits by the payer and makes it possible to gain national experience in the field of combating tax abuse.

As a result of the study, it is noted that the main forms of cooperation between the Russian and international law and order in the field of identifying unreasonable tax benefits are the harmonization of general anti-bias rules (GAAR), which include recommendations for combating tax evasion and doctrines that determine the criteria for identifying tax abuses in the actions of the payer in order to obtain unreasonable tax benefits. Being perceived by the Russian law and order, the provisions of international doctrines almost generally and invariably acquired the form of legal positions enshrined in judicial acts, federal laws and departmental regulations.

Conclusion. The criteria for determining an unreasonable tax benefit based on the essence and meaning of the doctrines – a transaction by steps, the predominance of substance over form and business purpose are as follows: 1) the transaction must have an economic essence independent and different from the purpose of tax cuts; 2) it is necessary to establish the true meaning of the operation by examining the entire chain of transactions of participants, since the assessment of such a transaction by itself, separately, does not allow to establish with certainty what goals it was aimed at; 3) when assessing the tax consequences of a transaction, the main fact that the court (or tax authority) considers is the actual relationship between payers (parties to the transaction), and not the external form that was deliberately given to such a transaction.

Keywords: international legal doctrine, unreasonable tax benefit, taxpayer, Russian law and order, business purpose, dominance of substance over form, business purpose.

Введение

Получение плательщиками необоснованной налоговой выгоды, вследствие злоупотребления правами, выступает препятствием на пути сбалансированного развития бюджетной системы любого современного государства. Являясь внутренней национальной проблемой отдельной страны, это негативное финансовое явление, одновременно имеет и международный характер. Дело в том, что методы и правила по противодействию получения плательщиками необоснованной налоговой выгоды берут свое начало не в нормах внутреннего суверенного правопорядка, а основываются, прежде всего, на международном опыте, выраженном в правовых концепциях, доктринах, учениях¹, разработанных на протяжении XX–XXI веков. Это связано с тем, что именно в течение этого периода (особенно в XXI веке), экономика многих государств приобрела транснациональный и межгосударственный характер, отличающийся от предыдущих столетий небывалыми ранее в истории человечества возможностями свободы передвижения капитала, людей, товаров и услуг; и, что не менее важно, скоростью их передвижения (так, денежные транзакции могут молниеносно осуществляться между отправителем и получателем, находящихся в разных концах света).

Такие процессы кроме положительных сторон для экономик и бюджетов государств, привели и к отрицательным последствиям. Например, к возникновению международных схем по уклонению от уплаты налогов или совершенствованию схем по налоговым злоупотреблениям, благодаря использованию пробелов внутренних законодательств и применению возможностей транснационального движения капитала². Для нейтрализации (минимизации) проблемы получения плательщиком необоснованной налоговой выгоды, отдельное государство на современном этапе не может опираться исключительно на действие норм внутреннего права, поэтому, стремится учитывать уже наработанный международно-правовой опыт в данной сфере. При этом, нужно отметить, что ни одна из предложенных международных доктрин по выявлению необоснованной налоговой выгоды не носит обязательного характера, а имеет рекомендательный или

¹ Далее, отдельные положения международных доктрин в сфере регулирования определенных налоговых вопросов, имплементируются в нормы внутреннего правопорядка: законы, постановления судебных институций, правовые акты ведомственных органов исполнительной власти. Но, изначальная природа их появления в национальном праве, имеет внешнее происхождение.

² Например, у плательщика появилась возможность осуществить дробление единой экономической сделки на несколько сделок и проводить их через искусственно созданных лиц (технических компаний), которые находятся на территории другого государства, или, в оффшорной зоне такого государства. С одной стороны, исходя из принципа свободы передвижения капитала, плательщик волен так поступать (дробить единую сделку на несколько последовательных ее фрагментов исходя из своего плана по развитию бизнеса и пр.), но, с другой стороны, такой план может привести к низкому налоговому результату, что, в условиях иностранной юрисдикции, значительно усложняет процесс контроля за обоснованностью получения лицом налоговой выгоды и за установлением факта злоупотребления им налоговыми правами.

консультативный смысл. Тем не менее, российский правопорядок достаточно активно использует международные доктрины в своих внутренних источниках права, которые приобретают впоследствии обязательную юридическую силу в правовых формах законов, постановлений, приказов и др.

Вопрос имплементации международных правовых доктрин в сфере получения плательщиком необоснованной налоговой выгоды, в российское налоговое законодательство является актуальным, так как его исследование способствует совершенствованию внутренних правовых процедур по выявлению злонамеренных схем ее получения и дает возможность наработать свой национальный опыт в области противодействия налоговым злоупотреблениям. Важным аспектом, усиливающим актуальность обозначенной темы является и тот факт, что с вопросом обоснованности (или необоснованности) получения налоговой выгоды плательщиком, связано большое количество налоговых споров в судах и эта тенденция не уменьшается¹. Это означает, что вопросы гармонизации внутреннего налогового законодательства с правилами международных правовых доктрин, особенности их проявления в практике, еще находятся на стадии формирования в российском правопорядке и вызывают дискуссии у ученых, практических работников (представителей судебной системы, налоговых и финансовых органов) и налогоплательщиков.

Методы исследования

В качестве методологических основ исследования использовались стандартные в юриспруденции общенаучные методы (анализ, синтез) и специальные научные приемы познания (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты исследования

1. Национальное законодательство фактически дословно по тексту, но с учетом особенностей внутренней юридической техники, воспроизводит положения международных правовых доктрин по выявлению необоснованной налоговой выгоды в действиях плательщика: сделка по шагам, превалирование существа над формой и деловой цели, что находит свое отражение в судебных решениях, постановлениях, законах и ведомственных нормативных актах.

2. Критериями определения необоснованной налоговой выгоды в российском правопорядке исходя из сути международных доктрин и с учетом особенностей национального законодательства являются следующие: 1) сделка должна обладать экономической сущностью, независимой и отличной от цели снижения налогов; 2) необходимо установить истинный смысл операции, изучив всю цепочку сделок участников и определить на достижение каких целей она была направлена; 3) при оценке налоговых последствий сделки, основным фактом, который учитывает суд (или налоговый орган) являются фактически сложившиеся отношения между плательщиками (сторонами сделки), а не внешняя форма, которая была умышленно придана такой сделке.

3. Незаконным действием будет считаться автоматическое применение доктрины сделка по шагам к абсолютно всем случаям дробления сделок, используя при этом формальный подход. Следует учитывать, что плательщики, как субъекты предпринимательской деятельности, вправе применять различные бизнес – модели и использовать не запрещенные законом варианты развития своего дела (предлагать что-то новое), что, по своей сути, находится в сфере гражданского (диспозитивного) правового регулирования. Плательщик вполне может иметь причины необходимости построения более сложных вариантов договорных отношений с контрагентами и эти причины могут вообще относиться в разряд коммерческой тайны.

Научная дискуссия

Современные мировые государства осуществляя правовое регулирование в сфере налогообложения, в первую очередь, особую опасность видят в уклонениях от уплаты налогов и в налоговых злоупотреблениях со стороны плательщиков. Эти две угрозы, хотя и отличаются по своей сути, однако, приводят к одинаковому негативному результату – в бюджет государства (иной публичный фонд) не поступают в необходимом объеме запланированные доходы, или, происходит их отток (например, при злоупотреблении правом на налоговый вычет по налогу на добавленную

¹ В 2022 гг. в арбитражных судах Российской Федерации было рассмотрено 23 989 налоговых спора по различным видам налогов и обязательств плательщиков. Из них – 8 600 так или иначе были связаны с понятием «налоговая выгода», в основном в связи с использованием механизмов при исчислении налогооблагаемой базы по НДС и налогу на прибыль [сайт]. Агентство правовой информации; 2023 [процитировано 14 августа 2023]. Доступно: <https://www.stat.apii-npccs.pf>stats>arb>.

стоимость, далее, НДС). И то, и другое наносит вред финансовым интересам государства, что в итоге может повлечь угрозу его национальной безопасности.

Такие риски, способствуют тому, что страны заключают друг с другом международные договора и соглашения по борьбе с данными негативными явлениями (например, так называемый пакет мер BEPS (Base Erosion and Profit Shifting), направленный на борьбу с размыванием налоговой базы и перенесением налогооблагаемой прибыли в низко – или, вообще оффшорные безналоговые юрисдикции); вырабатывают общие правила, принципы и ориентиры, направленные на противодействие распространению налоговых рисков и их выходу на транснациональный уровень. Как верно отмечается в правовой науке: «Происходит объединение усилий крупнейших мировых площадок в борьбе с теневой экономикой, отмыванием денежных средств и уклонением от уплаты налогов» [3, с. 104].

Основными формами сотрудничества российского и международного правопорядков в сфере выявления необоснованной налоговой выгоды является гармонизация общих антиуклонительных правил (General Anti-Avoidance Rules, GAAR)¹, которые включают в себя рекомендации по борьбе с неуплатой налогов и доктрины, определяющие критерии выявления в действиях плательщика налоговых злоупотреблений с целью получения необоснованной налоговой выгоды. В науке понятие «доктрина» понимается как учение, научная концепция, совокупность постулатов, которые служат основной теории². Р.А. Шепенко обращает внимание на два значения термина «доктрина». Первое – это судебная доктрина, то есть, правовая позиция, используемая в судебных актах. Второе значение определяется в соответствии с п. 1 ст. 38 Статута Международного суда справедливости 1945 г. – это «правовые позиции, взгляды наиболее квалифицированных специалистов» как вспомогательное средство для определения правовых норм [5, с. 47].

В отношении национального налогового права следует сказать, что международные правовые доктрины в сфере необоснованной налоговой выгоды, будучи восприняты российским правопорядком практически в целом и неизменном виде, в практике приобрели форму правовых позиций, закрепленных в судебных актах (например, Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС РФ) от 21.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»³), а также в законах (Налоговый кодекс Российской Федерации). А в теории налогового права до сих пор идет активное изучение данного вопроса, где представлены позиции квалифицированных и компетентных ученых.

Наиболее важными и апробированными в российском правопорядке являются следующие доктрины: сделка по шагам (step transaction doctrine), превалирование существа над формой (equity above the form), деловая цель (business purpose). Российскими судами используются и другие правовые доктрины – реальности затрат, «одна рука», «срывания корпоративной вуали», фактическое место деятельности. В некоторых случаях, для установления факта необоснованности налоговой выгоды необходимо применить критерии двух или трёх международных доктрин. Если первые три налоговые учения (сделка по шагам, превалирование существа над формой и деловая цель) – существуют и применяются в «чистом» виде, то остальные могут носить смешанный характер и включаться в первые три.

Для того, чтобы выявить экономическую сущность операции с целью определения обоснованности (или необоснованности) заявленной налоговой выгоды, в международной налоговой практике применяется доктрина «сделка по шагам» (step transaction doctrine). Суть данной доктрины заключается в следующем: налогоплательщик искусственно делит единую, экономически целостную операцию на несколько отдельных промежуточных операций, которые, при их отдельном анализе, не имеют никакого экономического значения и в некотором смысле представляются даже бессмысленными. Результат, который плательщик мог бы ожидаемо получить при совершении такой единой операции, он получает по результатам осуществления всех раздробленных ее фрагментов. Единственным разумным объяснением поведения плательщика в таком случае может быть только

¹ Международное и европейское налоговое право: учебное пособие для магистратуры / Под ред. Л.Л. Арзумановой и Е.Н. Горловой. М.: Норма: ИНФРА-М; 2022. С. 172.

² Борисов А.Б. Большой экономический словарь. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Книжный мир; 2006. С. 125.

³ Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиками налоговой выгоды: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21.10.2006 № 53 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

желание получить необоснованную налоговую выгоду. Чтобы доказать это, необходимо определить налоговые последствия в отношении совокупности всех операций оценивая их в целом, а не как раздробленные фрагменты. То есть, вернуться «к экономическому истоку» единой операции. Название самой доктрины «сделка по шагам» только подчеркивает ее содержание: сделка рассматривается как единое целое, а не как очередность «чьих-то отдельных шагов», которые суд может объединить в одно целое, чтобы изучить налоговые последствия целостной сделки.

Данная доктрина нашла свое отражение в российском правовом порядке в конструкции единой сделки между взаимозависимыми лицами (подп. 1 п. 1 ст. 105.14 Налогового кодекса РФ), которая искусственно разделяется плательщиком на несколько отдельных и независимых друг от друга сделок с формально как бы независимыми лицами. Но, при ближайшей проверке становится понятно, что они не могут быть самостоятельными, так как не имеют в достаточности активов для данного вида сделок (операций), не выполняют для этого надлежащих функций, не имеют персонала, имущества и пр.

Международно-правовая доктрина «сделка по шагам» в результате ее неоднократного применения арбитражными судами при рассмотрении отдельных налоговых споров в различных регионах страны, позволила сформулировать национальную судебную доктрину, получившую свое оформление в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды». Хотя данное Постановление и не решило проблему выявления налоговых злоупотреблений плательщиками до конца – но, все же, критерии, обозначенные в нем, во-первых, внесли ясность в методику изучения налоговых споров данного типа судами, во-вторых, предоставили возможность плательщикам заблаговременно оценивать свои действия именно с позиции того, что из них будет считаться как злоупотребление налоговыми правами, и, в-третьих, привели, к единообразному, на всей территории РФ применению судами норм налогового законодательства по аналогичным спорам. Кроме этого, Постановление № 53, предоставило возможность налоговым и финансовым органам далее провести свою правотворческую работу путем принятия соответствующих нормативных актов¹.

В Постановлении № 53 суть доктрины «сделка по шагам» выражается через закрепление таких критериев как: создание организации незадолго до совершения хозяйственной операции, взаимозависимость участников сделок, разовый характер операции, осуществление операции не по месту нахождения налогоплательщика, отсутствие необходимых условий для достижения результатов соответствующей экономической деятельности в силу отсутствия основных средств, активов, должного количества персонала. Кроме этого, в документе подчеркивается, что, при изменении юридической квалификации гражданско-правовых сделок судам следует учитывать, что сделки, не соответствующие закону или иным правовым актам (ст. 168 Гражданского кодекса РФ), мнимые и притворные сделки являются недействительными. Наиболее частыми случаями при дроблении плательщиком единой сделки, как раз и выступает необходимость заключения мнимых или притворных сделок. А это является одним из критериев определения налоговой выгоды как необоснованной.

Наиболее часто положения доктрины «сделка по шагам», суды применяют при оценке использования плательщиком своего права на специальные налоговые режимы. Специальные налоговые режимы по сравнению с общей системой налогообложения по своей сути – льготные, так как предполагают уплату налогов в меньшем размере благодаря объединению совокупности основных налогов в единый налог и по более низкой ставке. Дробление своей деятельности применяют крупные и средние плательщики, чтобы придать видимость малого субъекта предпринимательской деятельности. Не приводя конкретного примера (коих множество) следует отметить, что данная схема выглядит следующим образом: единая деятельность плательщика формально разбивается на несколько внешне отдельных и самостоятельных индивидуальных предпринимателей или малых юридических лиц. Таким образом, выручка каждого раздробленного субъекта вполне законно соответствует сумме, позволяющей работать на едином налоге. Кроме

¹ О выявлении обстоятельств необоснованной налоговой выгоды: Письмо ФНС России от 23.03.2017 № ЕД-5-9/547 @ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса РФ: Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060 @ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Концепция планирования выездных налоговых проверок: Приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333 @ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

этого, данная схема позволяет избегать ведение документооборота, присущего общей системе налогообложения и сокращаются основания и количество проведения налогового контроля, поскольку действует законодательное ограничение на проведение плановых проверок в отношении субъектов малого предпринимательства (Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 13.07.2015 № 246-ФЗ¹). В такой ситуации налицо злоупотребление налогоплательщиками права на применение специального налогового режима с целью получения необоснованной налоговой выгоды. Следует сказать, что в практике большинство налоговых споров данной категории принимаются в пользу налоговой службы. Признаками злоупотребления налоговым правом на использование специальных налоговых режимов являются: деление одного вида деятельности между несколькими плательщиками, применяющими упрощенную систему налогообложения; участники схемы осуществляют одинаковый или аналогичный вид деятельности; прямая или косвенная взаимозависимость; аффилированность участников; использование одних и тех же вывесок, обозначений, контактов, т.е. средств индивидуализации, помещений для осуществления деятельности (складских, производственных баз); единая логистика, юридическое сопровождение, кадровое делопроизводство, бухгалтерский учет и другие аналогичные признаки.

Данная схема, как уже говорилось ранее, попадает под доктрину «сделки по шагам», т.е. когда для установления истинного смысла операции необходимо рассмотреть всю цепочку сделок участников, поскольку оценка такой сделки самой по себе, в отдельности не позволяет с достоверностью установить, на достижение каких целей она была направлена: получение некоего экономического результата или же на необоснованное снижение налогового бремени.

Конечно, противоправным будет считаться автоматическое применение данной доктрины к абсолютно всем случаям дробления сделок, т.е. использование судом формального подхода (формальность в данной ситуации больше присуща деятельности налоговых органов, из-за, собственно, спор и доходит до суда). Следует учитывать, что плательщики, как субъекты предпринимательской деятельности, вправе применять различные бизнес-модели и использовать не запрещенные законом варианты развития своего дела (предлагать что-то новое), что, по своей сути, находится в сфере гражданского (диспозитивного) правового регулирования. Плательщик вполне может иметь причины необходимости построения более сложных вариантов договорных отношений с контрагентами и эти причины могут вообще относиться в разряд коммерческой тайны. Здесь будет уместным напомнить принципы, выделенные судьей федерального округа Колумбия (США) Лернд Хэндом при характеристике позиции Верховного Суда США еще в прошлом столетии (1934 г.), но не потерявшие своей актуальности и в нынешнем веке. Верховный Суд США еще тогда признал, что налогоплательщик имеет законное право на уменьшение налогового давления, если он действует в пределах закона. А судья Лернд Хэнд подчеркнул, что: 1) налогоплательщик имеет право вести бизнес таким образом, чтобы уплачивать как можно меньше налогов; 2) налогоплательщик не обязан выбирать ту схему ведения дел, которая наиболее удобна Казначейству США; 3) налогоплательщик не обязан уплачивать больше налогов из соображений патриотизма. Следует сказать, что данные принципы, хотя и не закреплены прямым текстом в российском налоговом законодательстве, тем не менее, отражены в нем именно через институт признания налоговой выгоды обоснованной, когда плательщик законно применяет методы налоговой оптимизации.

Международная доктрина «преобладание (приоритета) существа над формой» впервые была выявлена судом при рассмотрении в 1935 году обстоятельств дела госпожи Грегори, собственницы части акций компании А. Госпожа Грегори пожелала получить в личную собственность имущество (акции) компании В, принадлежащее компании А. Это имущество можно было получить путем выплаты дивидендов компании А, которые облагались бы налогом. Чтобы избежать уплаты налога на дивиденды она создала компанию С, на баланс которой в качестве вклада внесла имущество. Это был первый этап для достижения своей цели, избежав налогообложения. На втором этапе акции компании С перешли к госпоже Грегори. Избежать налогообложения ей позволили именно эти два этапа действий, так как, в силу действовавшего налогового закона США о реорганизации корпораций – оба этапа не облагались налогом [6, с. 42]. По итогу суд решил, что форма, которую придала данной сделке госпожа Грегори, настолько отличалась от существа, настолько видоизменила ее экономический смысл (сущность), что налоговая выгода, которую получила госпожа Грегори в этой

¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ситуации была признана необоснованной. Впоследствии данная доктрина не только прочно вошла в правопорядки отдельных государств, но и ещё усовершенствовалась и укрепились на международном уровне¹ [6, с. 42].

Суть доктрины «преобладание существа над формой» заключается в признании налоговой выгоды необоснованной в случае если при учете операций с целью налогообложения «извращается» или игнорируется их настоящий экономический смысл. В такой ситуации при оценке налоговых последствий сделки, основным фактом, который учитывает суд (или налоговый орган) являются фактически сложившиеся отношения между плательщиками (сторонами сделки), а не внешняя форма, которая была умышленно придана такой сделке. То есть, сделкой одной гражданско-правовой формы прикрывается другая, с иным действительным существом.

Доктрина «преобладание существа над формой» была в своем целостном виде включена в Налоговый кодекс РФ в виде ст. 54.1. «Пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога, сбора, страховых взносов». Исходя из логики данной статьи можно сделать вывод, что плательщик должен учитывать совершаемую им сделку в соответствии с ее подлинным содержанием, исходя из существа, а не формы. При этом саму сделку (сделки) не признают недействительной, пересмотру подлежат только налоговые последствия от такой сделки. А налоговые последствия практически во всех случаях приводят к вопросу об обоснованности получения (оформления) налоговой выгоды.

Как пример применения судом доктрины «преобладание существа над формой» можно привести следующий судебный спор, где плательщик злоупотребил правом на налоговый вычет по НДС, искусственно увеличив количество субъектов хозяйственного оборота в рамках одной сделки и создав фиктивный документооборот с целью применения вычета по НДС (получения необоснованной налоговой выгоды). Решением Арбитражного суда Кемеровской области от 25.09.2019 № А-27-17275/2019, было указано следующее: в ходе проведения выездной налоговой проверки налоговая инспекция установила включение в цепочку поставки молока от сельхозпроизводителя и до конечного получателя (покупателя) ООО «Кузбассконсервмолоко» – «промежуточных» организаций (ООО «Финлайт», ООО «Молотптранс», ООО «Заречье»), участие которых в сделке не имело никакой экономической целесообразности и хозяйственного смысла. В связи с этим был создан фиктивный документооборот, увеличена цена товара и возможность увеличения суммы налогового вычета по НДС для ООО «Кузбассконсервмолоко» – так как конечные расходы при приобретении молока для него также выросли и формально он имел право включить их в налоговый вычет по НДС². Другими словами, речь шла о создании формального документооборота с контрагентами, умышленного включения в цепочку поставки товара технических компаний, за счет которых была создана «искусственная наценка» за счет существенного отклонения затрат контрагентов на приобретение товара у реального поставщика. Поскольку налогоплательщик злоупотребил своим налоговым правом – его требование было удовлетворено судом частично, то есть, только в той части понесенных расходов, которые были бы им понесены, если бы не было промежуточно внедренных субъектов сделки. Фактически это и была позиция налоговой инспекции, которая применила здесь механизм «налоговой реконструкции», подразумевающий механизм восстановления налоговых

¹ Она была включена в Концепцию антиуклонительных мер GAAR Европейского Союза. Примером ее действия можно назвать Решение Суда Европейского Союза от 21 февраля 2006 года по делу № C-255/02 «Халифакс плс» (Halifax plc). Компания Халифакс имела права принять к налоговому вычету только часть входящего НДС в соответствии с английским правом. При строительстве делового центра планировалось нести большие затраты с высоким объемом входного НДС. Халифакс передала права застройки дочерней организации, а та наняла свою сестринскую компанию по договору подряда. Обе компании по своим затратам принимали НДС к вычету в полном объеме. После окончания строительства здание (без НДС) было передано третьей дочерней структуре, которая сдала здание в аренду компании Халифакс. Передача здания и сдача в аренду не облагались НДС. Поэтому вся сумма НДС и была принята к вычету. Суд Европейского союза усмотрел здесь налоговые злоупотребления с целью получения налоговой выгоды. В решении Суда было отмечено: «Рассматриваемая операция несмотря на формальное соблюдение условий, закрепленных соответствующими положениями Шестой Директивы влечет за собой получение налоговых выгод, предоставление которых противоречило бы цели указанных положений. А именно, налоговая выгода признается необоснованной так как для целей налогообложения учтены операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом».

² Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

обязательств плательщика, допустившего искажение действительного экономического смысла финансово-хозяйственных операций, посредством установления действительного размера налогового обязательства. Суд признал факт получения плательщиком налоговой выгоды частично необоснованной, применяя в данной ситуации постулаты доктрины «преобладание существа над формой». Ведь в реальности налогоплательщик избрал определенную конструкцию сделки не в связи с тем, что она позволила бы в полной мере удовлетворить всем интересам плательщика, а из-за преследования им цели получения необоснованных налоговых преимуществ. В данном случае плательщик ООО «Кузбассконсервмолоко», осознавал, что непосредственная закупка молока у сельхозпроизводителя без цепочки искусственных плательщиков, в полной мере удовлетворяла бы всем его интересам как хозяйственного субъекта и достигала бы своей разумной цели, но не позволяла ему получить налоговую выгоду в виде увеличенного размера налогового вычета по НДС. Для чего им и был искусственно количественно расширен круг участников сделки.

В соответствии с международным подходом доктрина деловой цели позволяет суду пренебречь сделкой, если при изучении субъективной мотивации налогоплательщика суд определит, что у него не было другой цели, кроме уменьшения налоговых обязательств [2, с. 50]. Другими словами, плательщик должен осуществлять свою деятельность и заключать сделки добросовестно для достижения реальных деловых целей, а не для того, чтобы получить от государства и за счет других плательщиков налоговые преимущества. Если при рассмотрении спора суд выявит в сделке плательщика две цели: одна, разумная и понятная, заслуживающая доверие хозяйственного оборота и другая – направленная на получение необоснованной налоговой выгоды – то такая сделка вызовет пристальное внимание. И здесь буду учитывать, как на весах, доказательства и факты, свидетельствующие как в сторону первой, так и второй цели. Если окажется, что деятельность плательщика направлена на создание только фикции его разумной деловой деятельности, суд будет склоняться к выводу о том, что истинная цель плательщика планировалась как получение необоснованных налоговых преимуществ под прикрытием первой. Сама сделка будет разделена на два вида по критерию поставленной цели, где факту получения необоснованной налоговой выгоды будет отведено первостепенное значение и именно на его основании будут корректироваться налоговые последствия для плательщика.

Доктрина деловой цели широко применяется на международном уровне и также как доктрины сделка по шагам и превалирование существа над формой, включена в Концепцию антиуклонительных мер GAAR. Не приводя примеры конкретных международных судебных решений, хотелось бы выделить принципы и обстоятельства, выработанные в рамках данной доктрины и нашедшие свое отражение в национальном правовом порядке. Для оценки сделки на предмет необоснованности получения налоговой выгоды, положения доктрины предлагают учитывать следующие правила: 1) сделка должна обладать экономической сущностью, независимой и отличной от цели снижения налогов, то есть, должно быть установлено наличие у плательщика полезной неналоговой цели и значимое, осязаемое улучшение его экономического положения (при этом, сделка не обязательно должна в действительности генерировать прибыль, а должна всего лишь обладать перспективой получения прибыли); 2) наличие экономической сущности сделки должно определяться на основании фактических обстоятельств; 3) сделка будет признана лишенной экономической сущности и не будет учтена, если у нее полностью отсутствуют перспективы получения прибыли; сделка не будет учтена и в том случае, если перспективы получения прибыли незначительны по сравнению с потенциальными налоговыми льготами [6, с. 42]. Для установления субъективного намерения плательщика судам рекомендуется исследовать следующие обстоятельства: 1) существовала ли возможность получения прибыли по сделке; 2) были ли у налогоплательщика не связанные с налогами основания для заключения сделки; 3) выделил ли налогоплательщик средства для проведения сделки; 4) была ли сделка заключена с целью получения потенциальных налоговых льгот, существенно превосходящих реальные инвестиции плательщика [1, с. 49].

Вышеуказанные правила, принципы и обстоятельства закреплены в Постановлении ВАС РФ № 53, Налоговом кодексе РФ и ведомственных нормативных актах налоговой службы. Так, в Постановлении № 53 определено, что налоговая выгода может быть признана необоснованной, если для целей налогообложения учтены операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом или учтены операции, не обусловленные разумными экономическими или иными причинами (целями делового характера). ВАС РФ рекомендует судам учитывать, что налоговая выгода не может рассматриваться в качестве самостоятельной деловой цели. Если судом

установлено, что главной целью, преследуемой налогоплательщиком, являлось получение дохода исключительно или преимущественно за счет налоговой выгоды в отсутствие намерения осуществлять реальную экономическую деятельность, в признании обоснованности ее получения может быть отказано.

Таким образом, национальное законодательство фактически дословно по тексту, но с учетом особенностей внутренней юридической техники, воспроизводит положения международных правовых доктрин по выявлению необоснованной налоговой выгоды в действиях плательщика: сделка по шагам, превалирование существа над формой и деловой цели. Это связано с тем, что, как уже отмечалось ранее, проблема носит не только внутренний национальный характер, а охватывает глобальное международное пространство в сфере уклонения от уплаты налогов и налоговых злоупотреблений. А, значит противодействовать ей также необходимо объединив усилия государств на уровне гармонизации совместно выработанных доктрин, концепций и учений.

Список использованной литературы:

1. Захаров А.С. Налоговое право Европейского сообщества и международные налоговые договоры. *Налоговые споры: теория и практика*. 2006;(8):46–54.
2. Свинцов М.Ю. Антиуклонительные нормы в налоговом праве: научно-практический анализ. *Финансовое право*. 2021;(2):42–46. DOI: 10.18572/1813-1220-2021-2-42-46/
3. Тарасова Е.В. Противодействие уклонению от налогообложения в соответствии с мировыми стандартами. *Налоги и сборы*. 2017;(1):102–107.
4. Толстомятенко Г.П. Интеграционное налоговое право и новый миропорядок: сравнительно-правовое исследование. *Актуальные проблемы российского права*. 2020;(11):23–35. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.023-035.
5. Шепенко Р.А. Доктрина как источник налогового права. *Налоги и финансы*. 2018;(1):46–55.
6. Фатхутдинов Р.С. Существо и форма в налоговых отношениях. *Вестник экономического правосудия РФ*. 2012;(9):34–51.

References:

1. Zakharov A.S. [European Community tax law and international tax treaties]. *Nalogovye spory: teoriya i praktika = Tax disputes: theory and practice*. 2006;(8):46–54. (In Russ.)]
2. Svintsov M.Yu. [Anti-tax norms in tax law: scientific and practical analysis]. *Finansovoe pravo = Financial law*. 2021;(2):45–57. DOI: 10.18572/1813-1220-2021-2-42-46 (In Russ.)]
3. Tarasova E.V. [Countering tax evasion in accordance with international standards]. *Nalogi i sbory = Taxes and fees*. 2017;(1):102–107. (In Russ.)]
4. Tolstopyatenko G.P. [Integration tax law and the New World Order: a comparative legal study]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2020;(11):23–35. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.023-035 (In Russ.)]
5. Shepenko R.A. [Doctrine as a source of tax law]. *Nalogi i finansy = Taxes and finance*. 2018;(1):46–55. (In Russ.)]
6. Fatkhutdinov R.S. [Substance and form in tax relations]. *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya RF = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2012;(9):34–51. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Перепелица Мария Александровна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Юриспруденции имени В.Г. Ермакова ФГБОУ ВО «Елецкий Государственный университет имени И.А. Бунина»
ORCID: 0000-0003-4648-1789

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Perepelitsa

Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov of the FGBOU VO "Yelets State University named after I.A. Bunin"
ORCID: 0000-0003-4648-1789

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-82-89>

ИНСТИТУТ РЕФЕРЕНДУМА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Першина Е.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Першина Е.А. Институт референдума в отечественном конституционном праве: история и современность. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(4):82–89. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-82-89>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Першина Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (988) 864-21-52

E-mail: pershina_geminus@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 16.08.2023

Статья принята к печати: 18.09.2023

Дата публикации: 23.10.2023

Аннотация: В статье исследуется в историческом и современном аспектах институт референдума в отечественном конституционном праве, с изложением авторского подхода к предмету референдума.

Целью проводимого исследования является изучение эволюции становления и применения формы народной демократии – референдума в отечественном конституционном праве.

Задачи исследования: провести анализ истории становления и развития института референдума в России, рассмотреть мировую и отечественную практику использования института референдума для решения важных государственных и общественно значимых вопросов в управлении государством, внести предложения по совершенствованию федерального законодательства страны в указанной области.

Ключевые слова: демократия, референдум, предмет референдума, общероссийское голосование, дистанционное электронное голосование.

THE INSTITUTION OF REFERENDUM IN DOMESTIC CONSTITUTIONAL LAW: HISTORY AND MODERNITY

Elena A. Pershina

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Pershina E.A. The institution of referendum in domestic constitutional law: history and modernity. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(4):82–89. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-82-89>

CONTACT INFORMATION:

Elena A. Pershina, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (988) 864-21-52

E-mail: pershina_geminus@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 16.08.2023

The article has been accepted for publication: 18.09.2023

Date of publication: 23.10.2023

Annotation: The article investigates in historical and modern aspects the institution of referendum in domestic constitutional law, with the author's approach to the subject of referendum.

The purpose of the research is to study the evolution of formation and application of the form of popular democracy – referendum in the domestic constitutional law. Tasks of the research: to analyze the history of formation and development of the institute of referendum in Russia, to consider the world and domestic practice of using the institute of referendum for solving important state and socially significant issues in the management of the state, to make proposals for improving the federal legislation of the country in this area.

Keywords: democracy, referendum, referendum subject, nationwide voting, remote electronic voting.

Введение

Термин референдум происходит от латинского referendum и означает – то, что нужно сообщить. Возникший почти семьсот лет назад институт референдума наряду с выборами является одним из способов непосредственного выражения власти народа и выступает неотъемлемой характеристикой существования демократического государства. Благодаря данному институту народ страны определяет свою позицию и выражает общественное мнение по наиболее значимым государственным вопросам, принимает принципиально важные нормативно-правовые и политические решения.

Впервые референдум был организован и проведен в 1439 г. в кантоне Берн Швейцарии. В дальнейшем с конца XVIII века широкое распространение данный институт получил в государствах Европы, а затем во всем мире [7, с. 450].

Методы исследования

Для достижения цели исследования использовались общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение, исторический, системный) и частнонаучные методы исследования (сравнительно-правовой, структурно-функциональный).

Результаты исследования

Сформулированные результаты исследования, можно представить следующими тезисами, которые в дальнейшем подробно раскрыты в рамках научной дискуссии:

1. Основываясь на историческом опыте, отмечается, что институт референдума впервые был закреплён в советском конституционном законодательстве, но фактически не применялся. Современное федеральное законодательство о референдуме устанавливает достаточно сложную, неудобную в применении процедуру организации федерального референдума, что приводит к появлению гибридных форм народовластия.

2. Автор предлагает рассматривать референдум Российской Федерации – всенародное голосование граждан Российской Федерации, обладающих правом на участие в референдуме, по вопросам государственного и общественного значения. Делается вывод о том, что на референдум могут выноситься как государственные, так наиболее важные и общественно значимые вопросы в области экономики, экологии, здравоохранения, в пенсионной сфере и т.д. Наряду с сохранением традиционной формы голосования на участках, расширить применение дистанционного электронного голосования с использованием ГАС «Выборы», также предоставить возможность голосовать по почте гражданам РФ, проживающих за рубежом.

3. Закрепление усложненной процедуры проведения общенационального референдума привело к тому, что данный институт стал достаточно редким явлением в государственной жизни

страны. В этой связи предлагается внести в Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (далее – ФКЗ № 5) следующие изменения:

1) снизить порог сбора подписей до 500 тысяч в поддержку инициативы проведения референдума;

2) исключить правовые нормы, устанавливающие заградительные барьеры о том, что «на один субъект Российской Федерации должно приходиться не более 50 тысяч подписей участников референдума, место жительства которых находится на территории данного субъекта Российской Федерации», «региональные подгруппы, должны быть образованы более чем в половине субъектов Российской Федерации», «подписи в поддержку инициативы проведения референдума могут собираться только на территориях тех субъектов Российской Федерации, где были зарегистрированы региональные подгруппы». Эти ограничения лишают граждан, проживающих в одном или двух субъектах страны права инициирования всенародного голосования. Создать региональные подгруппы в 45 субъектах Российской Федерации, задача не из легких, под силу, наверное, только самому государству или крупным политическим партиям;

3) предоставить возможность сбора подписей в поддержку проведения референдума путем проставления подписи в подписном листе либо с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»;

4) увеличить время на сбор подписей в поддержку инициативы проведения референдума до 90 дней со дня, следующего за днем регистрации инициативной группы по проведению референдума.

Научная дискуссия

В России становление и развитие института референдума имеет свою собственную, относительно короткую по сравнению с другими странами историю. Так, в дореволюционный период вплоть до Октябрьской революции 1917 г. в условиях существовавшей на тот момент монархической формы правления референдумы не проводились. В тоже время в юридической литературе неоднократно высказывались суждения видных русских ученых о необходимости использования в политической жизни нашего государства различных демократических институтов, в том числе и референдума.

Так, видный общественный деятель М.М. Ковалевский, анализируя опыт демократического устройства Швейцарии, отмечал эффективность использования народного голосования в возможности проведения демократических преобразований в нашей стране¹. Взгляд на референдум как на форму выражения народной воли, которой принадлежит будущее и которая идет если не на смену, то в подкрепление существующим устоям государства принадлежит другому представителю русской школы права, профессору юридического факультета Московского университета П.И. Новгородцеву². В тоже время отечественные государствоведы видели недостатки рассматриваемого института.

После Октябрьской революции 1917 г. в условиях становления нового советского государства референдум стал использоваться для формального решения периодически возникавших внешнеполитических задач. В качестве примера можно назвать Декрет СНК РСФСР от 11 января 1918 г. о «Турецкой Армении», советско-финский договор от 01 марта 1918 г. и т.д.

В первой Конституции РСФСР 1918 г. закреплена идея прямого народовластия, предложенная в использовании в сельской местности общих собраний избирателей для решения вопросов местного управления, на практике носила характер лишь всенародного обсуждения, а не всенародного голосования.

В последующем в условиях развивающегося общественного и государственного строя гражданам было достаточно проблематично принимать участие в решении важных государственных вопросов. Исходя из анализа текстов Конституции СССР 1924 г. и Конституции РСФСР 1925 г. можно сделать вывод, что отсутствуют какие-либо упоминания об участии населения государства в разрешении политических вопросов. В Конституции СССР 1936 г., в п. «д» ст. 49 закреплялось, что «Президиум Верховного совета СССР... производит всенародный опрос (референдум) по своей инициативе или по требованию одной из союзных республик». Похожая юридическая норма излагалась в п. «в» ст. 33 Конституции РСФСР 1937 г., согласно которой «Верховный Совет РСФСР ... производит

¹ Ковалевский М.М. Общее конституционное право: лекции, читанные в СПб Университете и Политехникуме, 1907–1908: курс лекций. Ч. I. Санкт-Петербург: Север; 1908. С. 13.

² Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. Москва, 1909. С. 175.

всенародный опрос (референдум)». Вследствие этого, в упомянутых актах референдум трактовался как всенародный опрос, что в некоторой степени не соответствует общепринятому понятию референдума как всенародного голосования.

Юридическое закрепление института референдума следует связывать с принятием и вступлением в силу Конституции СССР 1977 г. Были закреплены две формы непосредственного народовластия: всенародное обсуждение и всенародное голосование (референдум). Данные положения были предусмотрены в ст. 5 Основного закона. В Конституции РСФСР 1978 г. формулировались аналогичные нормы. Советским гражданам предоставлялось право участвовать в управлении государственными и общественными делами, в обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения. Данные положения были регламентированы ст. 48 Конституции СССР 1977 г. В статье 108 устанавливалось, что союзные законы принимались Верховным Советом СССР или проводимым всенародным голосованием (референдумом).

Реализация закрепленного конституционного положения о референдуме предполагала скорейшую разработку и принятие специальной нормативно-правовой базы о принципах, подготовки и организации всенародного голосования. Однако соответствующие нормативные акты были приняты намного позже. Так, Закон СССР «О всенародном обсуждении важнейших вопросов государственной жизни» был принят Верховным Советом СССР лишь 30 июня 1987 г. В нем нашла отражение законодательная основа процедуры всенародного обсуждения, однако, не был закреплен механизм проведения референдума.

27 декабря 1990 г. был принят Закон СССР «О всенародном голосовании (референдуме СССР)», где получило свое отражение понятие референдума, вопросы, которые могли быть вынесены на голосование, закреплялись стадии проведения всесоюзного референдума и впервые предоставлено правомочие советским гражданам выступать с инициативой о его проведении.

17 марта 1991 г. по вопросу сохранения СССР как обновленной федерации равноправных республик, в котором права и свободы человека любой национальности будут соблюдены и гарантированы, был проведен первый и единственный всесоюзный референдум. По результатам которого участники поддержали сохранение СССР, сам референдум проводился в девяти из пятнадцати союзных республик. Наряду с общесоюзным в ряде республик, в том числе в РСФСР проводились республиканские референдумы. На референдуме РСФСР был поставлен вопрос о необходимости установления должности Президента РСФСР. По итогам которого учреждалась должность главы государства.

Следует отметить, что 16 октября 1991 г. был принят закон «О референдуме РСФСР», который впервые установил понятие «всероссийский референдум», определил обязательный, императивный характер решения, принятого на всенародном голосовании, общие принципы и этапы его реализации.

В дальнейшем сложившаяся политическая ситуация 1992–1993 года стала причиной проведения двух всенародных референдумов, назначенных на 25 апреля и 12 декабря 1993 г. На первое всенародное голосование выносились четыре вопроса: о доверии Президенту РФ Б.Н. Ельцину, об одобрении социально-экономической политики, проводимой руководством страны, о проведении досрочных выборов президента и народных депутатов Российской Федерации.

Следующий референдум в стране состоялся 12 декабря 1993 г. В результате была принята Конституция нашего государства. В юридической литературе неоднократно высказывались разные взгляды на оценку результатов этого референдума, но как показало время, это был наиважнейший, необходимый этап развития российского государства, когда впервые за всю тысячелетнюю историю непосредственно многонациональным народом был принят Основной закон страны.

В ст. 3 Конституции РФ впервые в отечественном законодательстве было закреплено, что референдум и свободные выборы являются высшим непосредственным выражением воли народа. Определение соответствующих гарантий активного и пассивного избирательного права граждан, а также права на участие в референдуме устанавливалось в ст. 25 Конституции РФ. В развитие данных конституционных положений был принят Федеральный конституционный закон от 10.10.1995 № 2-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации», а затем еще три нормативно-правовых акта, направленных на урегулирование отношений, связанных с организацией и проведением референдума. Это, прежде всего, Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ № 67), который закрепил разработанные отечественным законодателем легальные определения

таких понятий как референдум, референдум РФ, референдум субъекта Российской Федерации и референдум местный (местный референдум). Положения указанного закона в части, касающейся специфики проведения референдума РФ и местного референдума, прямо отсылают нас соответственно к принятому позже ФКЗ № 5 и Федеральному закону от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

В настоящее время в соответствии с ФКЗ № 5 отечественным законодателем предусматриваются следующие этапы референдума: 1) инициатива проведения и назначение голосования; 2) подготовка к проведению; 3) голосование; 4) подсчет голосов; 5) определение итогов голосования; 6) опубликование (обнародование) результатов голосования; 7) вступление в силу принятого решения. В вышеупомянутом Законе указанные этапы и процедуры достаточно подробно регламентированы.

Конституционному Собранию, органам федеральной государственной власти в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации и федеральным законом, либо 2 млн. граждан, обладающих активным избирательным правом, принадлежит инициатива проведения референдума. Необходимо зарегистрировать инициативную группу, а затем в течение 2 месяцев провести заседания инициативных подгрупп более чем в половине субъектов Российской Федерации. Данные требования необходимы для организации федерального референдума. Не менее 100 человек должны участвовать в заседании каждой региональной группы. Это граждане – постоянно проживающие (зарегистрированные) на территории соответствующего субъекта Российской Федерации. Региональные подгруппы собирают 2 млн. подписей участников референдума. Можно собрать подписи не более чем у 50 тыс. граждан одновременно на территории одного субъекта российского государства либо за его пределами.

В качестве сравнения в Венгрии для проведения общегосударственного референдума требуется собрать 50 тыс. подписей, в Швейцарии – 100 тыс., в Бразилии требуется согласие 1 % от общего числа избирателей, в Исландии – 10 %¹.

В России сбор подписей может осуществляться только на тех территориях, где были созданы инициативные группы, при этом установлен достаточно короткий срок на эту процедуру – 45 дней. Глава российского государства назначает день голосования. До этого момента он обращается в Конституционный Суд РФ с запросом о соответствии предмета референдума Конституции РФ. Инициативные группы, политические партии, иные общероссийские общественные объединения вправе назначить наблюдателей. Голосование проходит на избирательных участках. Новшеством ФЗ №-67 является ст. 64.1, закрепляющая возможность применения дистанционного электронного голосования с использованием ГАС «Выборы» по решению комиссии референдума².

Действующим законодательством не предусмотрен порядок утверждения решения, принятого на референдуме. Имеются лишь указания на то, что решение, принятое на референдуме, во-первых, вступает в силу со дня официального опубликования результатов референдума Центральной избирательной комиссией Российской Федерации; во-вторых, он является общеобязательным и не требует дополнительного утверждения; в-третьих, действует на всей территории РФ. В свое время Конституционный Суд РФ неоднократно обсуждал вопрос, связанный с юридической силой решения референдума³. Референдум выступает формой волеизъявления граждан демократического государства, имеющей высшую юридическую силу; его следует рассматривать как правовой институт, непосредственно связанный с суверенитетом народа, поскольку в нем проявляется верховенство народовластия. Данная позиция поддерживается отечественными и зарубежными учеными.

¹ Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран: учебник. Москва: Норма; 2023. С. 210.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 14.03.2022 № 60-ФЗ (ред. от 29.05.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ По делу о проверке конституционности части второй пункта 2 Постановления Съезда народных депутатов Российской Федерации от 29 марта 1993 года «О всероссийском референдуме 25 апреля 1993 года, порядке подведения его итогов и механизме реализации результатов референдума»: Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.1993 № 8-П // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 4, подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 13, пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 58 Федерального закона от 19 сентября 1997 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда РФ от 10.06.1998 № 17-П // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Достаточно сложный и неудобный процесс организации и проведения референдума, установленный российским законодательным органом, привел к тому, что на протяжении тридцати лет (с 1993 по 2023 год) референдумы на федеральном уровне не проводились. При организации и проведении многодневного всенародного голосования по утверждению поправок в Конституцию РФ летом 2020 года не применялось федеральное законодательство о референдуме.

Правовой основой стал Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», Указ Президента РФ от 17 марта 2020 г. № 188 «О назначении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации», распоряжение Президента РФ от 14 февраля 2020 г. № 32-рп «Об организации подготовки проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации», постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 20 марта 2020 г. № 244/1804-7 «О Порядке общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации».

В результате инициативная группа и подгруппы не создавались и не регистрировались, не осуществлялся сбор подписей в поддержку мероприятия, не регулировался процесс агитации, деятельность наблюдателей была ограничена.

В юридической литературе всероссийское голосование рассматривается неоднозначно: единичная акция [4, с. 353], излишняя процедура [1, с. 18], государственно-правовой эксперимент [2, с. 20], конституционно-правовой феномен (народовластный феномен) [3, с. 146].

В этой связи возникает вопрос о целесообразности введения нового института в правовое поле и расширении форм прямой демократии в современной России. Может проще было упростить процесс организации национального референдума. Судя по всему, федеральный референдум, начинает заменяться гибридными формами участия граждан в государственном процессе, которые также недостаточно регулируются.

В продолжение темы исследования следует отметить, что референдум Российской Федерации – всенародное голосование граждан Российской Федерации, обладающих правом на участие в референдуме, по вопросам государственного значения.

В юридической литературе круг вопросов, выносимых на референдум, определяется как предмет референдума [5, с. 30]. В настоящее время в конституционном праве сформировались три подхода к определению предмета референдума. Согласно традиционному подходу предметом референдума может стать любой вопрос государственного и общественного значения, который считается важным, по мнению субъектов, имеющих право инициировать референдум. Второй подход предполагает установление строго определенного перечня государственных вопросов, которые в обязательном порядке должны быть решены исключительно посредством проведения референдума. В рамках третьего подхода допускается голосование на референдуме по государственным вопросам, но закрепляется круг вопросов, которые, ни при каких обстоятельствах не могут быть вынесены на рассмотрение на всенародное голосование.

В настоящее время российский законодатель в чч. 1–4 ст. 6 действующего ФКЗ № 5 устанавливает открытый перечень вопросов государственного значения, отнесенные Конституцией Российской Федерации к ведению Российской Федерации, а также к совместному ведению Российской Федерации и регионов, которые могут быть вынесены на федеральный референдум. Наряду с этим в указанном законе устанавливается закрытый перечень вопросов в ч. 5 ст. 6, которые не могут выступать в качестве предмета референдума. Помимо этого, в ст. 7 данного Закона содержится исчерпывающий перечень обстоятельств, при наличии которых исключается возможность назначения и проведения референдума на территории нашего государства.

В общемировой практике сложилось так, что референдумы в основном проводятся по различным государственным вопросам, например, по принятию, изменению конституции (Египет, Ирак, Франция, Дания), государственной независимости и самостоятельности (Эритрея), реформы системы управления страной (Иран), членства в Европейском союзе (Австрия, Эстония, Польша), об ограничении государственного финансирования политических партий и выбору избирательной системы при формировании парламента (Болгария, Италия), по форме правления (Австралия, Греция), квоте мигрантов (Венгрия), безопасности (Нидерланды), реформе судебной системы (Сербия), регионализации (Португалия), принятию денежной единицы – евро (Швеция), смещению президента от должности (Венесуэла).

Примером народной демократии является участие населения Швейцарии в общенациональном референдуме по вопросу вступления в ООН, которое проводилось 03 марта 2002 г. Поскольку также требовалось большинство в кантонах, в конечном итоге один кантон склонил голосование в пользу присоединения. Полноправное членство Швейцарии в ООН имеет особенно высокий уровень легитимности, поскольку это первая страна, в которой люди сами проголосовали за вступление. Вопрос о возможном вступлении в Европейский союз являлось гораздо более сложным вопросом для граждан Швейцарии. Они опасались жесткого ограничения своей прямой демократии, поскольку вступление означало бы, что области, в которых Европейский союз обладает компетенцией, будут автоматически удалены из-под прямого демократического контроля¹.

В тоже время есть государства, где общегосударственные референдумы вообще не проводились, например, Малайзия, Австралия, Канада, либо голосование осуществлялось единожды (Кипр). Практика проведения референдумов для принятия жестких решений появилась в период правления Шарля де Голля во Франции, чтобы победить парламент.

В тоже время неоднократно в государствах использовалось всенародное голосование для решения общественно значимых проблем, которые имели большое значение для людей.

В Португалии в 2007 г. проводился референдум о легализации прерывания беременности сроком до десяти недель, где граждане поддержали инициативу.

Интересную формулировку содержал предмет консультативного референдума в Новой Зеландии: «Должна ли затрещина как часть хорошего родительского исправления быть уголовным преступлением?» Этот сложный вопрос вызвал общественный резонанс и критику со стороны населения и органов государственной власти. Голосование проходило по почте в течение двух дней (с 31 июля по 21 августа 2009 г.), население ответило отрицательно.

На конституционном референдуме в Хорватии в 2013 г. была одобрена поправка в Конституцию, согласно которой брак признавался как союз между мужчиной и женщиной, что фактически означало запрет однополых браков в стране. По аналогичному вопросу – о запрете однополых браков 07 февраля 2015 г. проводилось голосование в Словении. Оно было инициировано религиозными и консервативными общественными объединениями, но при низкой явке электората (21,4 %) референдум не состоялся.

В 2016 г. отрицательное решение приняли исландские избиратели по вопросу: «Одобрят ли они введение обязательных общественных работ?» Результатами референдумов, прошедшими в 2019 г. в Сан-Марино стало принятие поправок в избирательную систему и запрета на дискриминацию по сексуальной ориентации.

В 2022 г. по инициативе общественности Швейцарии проводилось голосование по запрету экспериментов на животных и людях и защите детей и молодежи от рекламы табака (по результатам первый вопрос – отклонен, по второму – получил одобрение). В 2022 г. в Италии ставился вопрос о проведении голосования об эвтаназии, но Конституционный суд Италии отклонил предложение по декриминализации помощи в самоубийстве, посчитав, что слабейшие граждане защищены недостаточно.

В настоящее время государственная власть Австралии намерена инициировать референдум о правах коренных жителей, который назначен на 14 октября 2023 г.

Также наблюдается тенденция вынесения на всенародное голосование как государственных, так и общественных проблем. 18 июня 2023 г. в Швейцарии был проведен референдум по трем вопросам: о реализации проекта ОЭСР / G20 по специальному налогообложению крупных групп компаний; о внесении поправки в Закон о Covid-19 от 16.12.2022 г.; о Федеральном законе «О целях защиты климата, инновациях и укреплении энергетической безопасности». Парламентское предложение, направленное на постепенное сокращение потребления минерального масла и природного газа в Швейцарии за счет финансовой поддержки тех, кто заменяет свое нефтяное, газовое или электрическое отопление, а также компаний, которые инвестируют в экологически чистые технологии было направлено, чтобы Швейцария стала климатически нейтральной к 2050 году.

Таким образом, видится заимствование для нашей страны опыта проведения референдумов не только по государственным, но и наиболее важным и общественно значимым вопросам в области экономики, экологии, здравоохранения, пенсионного обеспечения и т.д. «Законодательное

¹ Ruppen Paul. Direct Democracy in Switzerland [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iniref.org/swiss-dd.html> (дата обращения: 05.08.2023).

закрепление формулировки предмета референдума как вопросов государственного значения пусть и потенциально, но все-таки искусственно сужает возможный объем вопросов, которые могут стать предметом референдума» [6, с. 11]. Усложненный порядок организации и проведения общенационального голосования требует внесения изменений в законодательство о референдуме в Российской Федерации.

Список использованной литературы:

1. Дзидзоев Р.М. Конституционные поправки 2020 г.: процессуальные вопросы. *Международный журнал конституционного и государственного права*. 2020;(3):17–20.
2. Курячая М.М. Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации в системе институтов непосредственной демократии. *Конституционное и муниципальное право*. 2021;(6):18–22. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-6-18-22.
3. Мархгейм М.В. Общероссийское голосование: народовластные признаки и призраки. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*. 2021;46(1):145–154.
4. Перминов Н.С. Институт референдума в политической действительности Российской Федерации. *Молодой ученый*. 2023;(18):352–354.
5. Петухова Н.В. Предмет референдума: конституционно-правовая практика России и зарубежных стран. *Сравнительное Конституционное Обозрение*. 2010;(1):30–38.
6. Толстик В.А., Трусов Н.А. Референдум в России: основы, опыт, критика. *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2013;(24):9–14.
7. Толстик В.А., Трусов Н.А. Референдум как инструмент демократизации правотворчества. *Юридическая техника*. 2014;(8):450–457.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Першина Елена Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

References:

1. Dzidzoev R.M. [Constitutional Amendments 2020: procedural issues]. *Mezhdunarodnyi zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava = International Journal of Constitutional and State Law*. 2020;(3):17–20. (In Russ.)]
2. Kuryachaya M.M. [All-Russian voting on the approval of amendments to the Constitution of the Russian Federation in the system of institutions of direct democracy]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2021;(6):18–22. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-6-18-22 (In Russ.)]
3. Markhgeim M.V. [All-Russian voting: people's power signs and ghosts]. *NOMOTNETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = NOMOTNETIKE: Filosofiya. Sociology. Right*. 2021;46(1):145–154. (In Russ.)]
4. Perminov N.S. [Institute of referendum in the political reality of the Russian Federation]. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2023;(18):352–354. (In Russ.)]
5. Petukhova N.V. [Subject of referendum: constitutional and legal practice of Russia and foreign countries]. *Sravnitel'noe Konstitutsionnoe Obozrenie = Comparative Constitutional Review*. 2010;(1):30–38. (In Russ.)]
6. Tolstik V.A., Trusov N.A. [Referendum in Russia: basics, experience, criticism]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013;(24):9–14. (In Russ.)]
7. Tolstik V.A., Trusov N.A. [Referendum as a tool for democratization of law-making]. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridicheskaya tekhnika*. 2014;(8):450–457. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Pershina

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-90-101>

ПРИНЦИПЫ ПРАВОСУДИЯ КАК ПРАВОВЫЕ БАРЬЕРЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Татьянина Л.Г.*, Решетнева Т.В., Решетникова Г.А.
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
(Университетская ул., д. 1, г. Ижевск, Удмуртия, 426034)

Ссылка для цитирования: Татьяна Л.Г., Решетнева Т.В., Решетникова Г.А. Принципы правосудия как правовые барьеры ограничения деятельности систем искусственного интеллекта. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(4):90–101. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-90-101>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Лариса Геннадьевна Татьяна*, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Адрес: Университетская ул., д. 1, г. Ижевск, Удмуртия, 426034
Тел.: +7 (341) 291-60-07
E-mail: larisa-lisa@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 11.08.2023

Статья принята к печати: 11.09.2023

Дата публикации: 23.10.2023

Аннотация: Современные общественные отношения, в которых задействованы системы искусственного интеллекта, имеют, начавшуюся формироваться правовую основу. В настоящее время документы, регулирующие отношения в сфере разработки и применения систем искусственного интеллекта устанавливают задачи по созданию условий для развития основ правового режима этих общественных отношений и определением правовых барьеров, препятствующих этому процессу.

Обеспечительные меры развития правовых отношений в сфере систем искусственного интеллекта ставят перед наукой вопросы о будущем процесса отправления правосудия в ситуации его автоматизации. В том числе и о его полной автоматизации – замены судьи системой сильного (или универсального) искусственного интеллекта, сравнимого с человеческим интеллектом. То есть способного проанализировать фактические обстоятельства дела, дать им правовую оценку и вынести соответствующее (адекватное) решение.

Авторами на основе существующих подходов отечественных и зарубежных ученых, учитывая, разработанные международными межправительственными организациями концептуальные идеи (принципы) для обеспечения безопасного развития и использования искусственного интеллекта, анализируются возможность, необходимость и пределы внедрения технологий искусственного интеллекта в систему отправления российского правосудия, устанавливаются ключевые факторы, препятствующие этому процессу, в зависимости от глубины внедрения прогнозируются его основные риски.

Цель исследования заключается в выявлении способности принципов правосудия влиять на ограничение деятельности систем искусственного интеллекта в контексте социального предназначения правосудия.

Постановка названной цели определила решение следующих задач:

- 1) установить влияние социальной среды, следовательно, и социальной обусловленности внедрения систем искусственного интеллекта в сферу правосудия;
- 2) учитывая мировой опыт провести анализ, существующих в современной науке подходов к внедрению систем искусственного интеллекта в сферу правосудия;
- 3) изучить международные документы, устанавливающие основные принципы допустимости, пределы и безопасность использования систем искусственного интеллекта;
- 4) рассмотреть деятельность систем искусственного интеллекта на предмет способности этой деятельности соответствовать содержанию принципов правосудия и возможных угроз в случае легитимации этой деятельности.

При выполнении работы были задействованы общие, общенаучные, частно-научные и специальные *методы* исследования.

Проведенное исследование позволило прийти к следующему основному *результату*: внедрение технологий искусственного интеллекта в судебную систему государств, в том числе и в судебную систему России, свидетельствует о способности уже действующих в государстве процессуальных норм осуществлять регулятивное правовое воздействие на осуществление (отправление) правосудия при помощи технологий искусственного интеллекта и выступать одновременно правовым барьером, не допускающим отправление правосудия системой искусственного интеллекта.

Сформулированные *выводы* ориентированы на дальнейшую разработку предложений теоретического характера.

Ключевые слова: искусственный интеллект, системы искусственного интеллекта, технологии искусственного интеллекта, правосудие, принципы правосудия, отправление правосудия, система электронного правосудия, принципы разработки и внедрения цифровых технологий, международные документы по использованию технологий искусственного интеллекта в судебных системах.

PRINCIPLES OF JUSTICE AS LEGAL BARRIERS TO LIMIT THE ACTIVITIES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

Larisa G. Tatyana*, Tatyana V. Reshetneva, Gulnara A. Reshetnikova

FGBOU VO "Udmurt State University"

(Universitetskaya str., 1, Izhevsk, Udmurtia, 426034)

Link for citation: Tatyana L.G., Reshetneva T.V., Reshetnikova G.A. Principles of justice as legal barriers to limit the activities of artificial intelligence systems. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(4):90–101. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-90-101>

CONTACT INFORMATION:

Larisa G. Tatyana*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Law Enforcement Activities IPSUB of the FGBOU VO "Udmurt State University"

Address: Universitetskaya str., 1, Izhevsk, Udmurtia, 426034

Tel.: +7 (341) 291-60-07

E-mail: larisa-lisa@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 11.08.2023

The article has been accepted for publication: 11.09.2023

Date of publication: 23.10.2023

Annotation: Modern social relations in which artificial intelligence systems are involved have a legal basis that has begun to form. Currently, documents regulating relations in the field of development and application of artificial intelligence systems establish tasks for creating conditions for the development of the

foundations of the legal regime of these social relations and identifying legal barriers that impede this process.

Provisional measures for the development of legal relations in the field of artificial intelligence systems raise questions for science about the future of the administration of justice in the situation of its automation. Including its full automation – replacing the judge with a system of strong (or universal) artificial intelligence, comparable to human intelligence. That is, capable of analyzing the factual circumstances of the case, giving them a legal assessment and making an appropriate (adequate) decision.

The authors, based on existing approaches of domestic and foreign scientists, taking into account the conceptual ideas (principles) developed by international intergovernmental organizations to ensure the safe development and use of artificial intelligence, analyze the possibility, necessity and limits of introducing artificial intelligence technologies into the system of administration of Russian justice, establish key factors obstacles to this process, depending on the depth of implementation, its main risks are predicted.

The purpose of the study is to identify the ability of the principles of justice to influence the restriction of the activities of artificial intelligence systems in the context of the social purpose of justice.

Setting this goal determined the solution of the following tasks:

- 1) establish the influence of the social environment, and therefore the social conditionality of the introduction of artificial intelligence systems in the field of justice;
- 2) taking into account world experience, conduct an analysis of existing approaches in modern science to the implementation of artificial intelligence systems in the field of justice;
- 3) study international documents establishing the basic principles of admissibility, limits and safety of the use of artificial intelligence systems;
- 4) consider the activities of artificial intelligence systems for the ability of this activity to comply with the content of the principles of justice and possible threats in the event of legitimation of this activity.

When performing the work, general, general scientific, special scientific and special research methods were used.

The conducted research allowed us to come to the following main result: the introduction of artificial intelligence technologies into the judicial system of states, including the judicial system of Russia, indicates the ability of the procedural norms already in force in the state to exercise regulatory legal influence on the implementation (administration) of justice with the help of artificial technologies intelligence and simultaneously act as a legal barrier that prevents the administration of justice by an artificial intelligence system.

The conclusions formulated are aimed at further development of theoretical proposals.

Keywords: artificial intelligence, artificial intelligence systems, artificial intelligence technologies, justice, principles of justice, administration of justice, e-justice system, principles of development and implementation of digital technologies, international documents on the use of artificial intelligence technologies in judicial systems.

Введение

Создание технологий искусственного интеллекта, их внедрение и использование в разнородных областях общественной жизни, всевозрастающая зависимость человека от современных технологий, порождают ряд научных дискуссий, связанных с трансформацией правовых концепций, ввиду необходимости правового регулирования и этой сферы.

Динамично укореняются названные технологии и во внутригосударственной юридической практике некоторых государств, куда также входит сфера правосудия.

Правовая основа использования технологий искусственного интеллекта в России заложена в Федеральном законе от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»¹, Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»² (далее – Стратегия), Распоряжении Правительства РФ № 2029-р

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

от 19.08.2020 «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года»¹ (далее – Концепция), Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»² (далее – Закон).

В соответствии со ст. 2 Закона искусственный интеллект определяется, как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Согласно Стратегии использование технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации обусловлено целью обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов, в том числе в области научно-технологического развития³, которое в соответствии с Концепцией должно опираться на надлежащее правовое регулирование новых общественных отношений, складывающихся в связи с разработкой и применением технологий искусственного интеллекта и робототехники и систем на их основе, а также на определение правовых барьеров, препятствующих разработке и применению указанных систем.

В современных условиях для развития и использования технологий искусственного интеллекта, с одной стороны, необходима адаптация нормативного регулирования в части, касающейся взаимодействия человека с искусственным интеллектом, а, с другой стороны, – выработка соответствующих норм. При этом необходимо соблюдение баланса, то есть недопущение избыточного регулирования, которое может существенно замедлить темп развития и внедрение технологических решений. В то же время правовое регулирование должно исключать возникновение случаев, связанных с риском причинения вреда жизни и здоровью граждан, с нарушением прав и свобод человека, создающих явную угрозу обороне страны и безопасности государства.

Методы исследования

В работе были использованы общие, общенаучные, частно-научные и специальные методы исследования. В частности, с помощью общего метода – обобщения, удалось выявить, существующие в науке подходы к внедрению систем искусственного интеллекта в сферу правосудия и его пределы.

В процессе исследования среди общенаучных методов были использованы диалектический и логический методы исследования. Применявшиеся приемы, такие как, анализ, синтез, индукция и дедукция позволили выяснить и показать, в частности, то, что, имеющиеся в научной литературе точки зрения о неспособности систем искусственного интеллекта осуществлять правосудие сами по себе, не являются прочными и неподдающимся опровержению аргументами. Непрерывное развитие систем искусственного интеллекта, масштабы его развития и глубина свидетельствует о его вероятной способности преодолеть и эти барьеры. К факторам, препятствующим отправлению правосудия системой искусственного интеллекта, следует отнести принципы правосудия как

¹ Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2029-р // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

отправные идеи, отображающие основные черты политического, экономического, культурно-нравственного и правового развития общества и государства.

Социологический метод исследования использовался для уяснения социальной обусловленности регулирования новых общественных отношений в сфере развития и использования технологий искусственного интеллекта. Формально-юридический метод исследования применялся для установления подлинного смысла норм международного права, что позволило, например, установить суть этического регулирования отношений, возникающих при использовании технологий искусственного интеллекта, основные принципы допустимости, пределы и безопасность использования систем искусственного интеллекта.

Результаты исследования

1. Внедрение технологий искусственного интеллекта в судебную систему государств, в том числе и в судебную систему России, свидетельствует о способности уже действующих в государстве процессуальных норм осуществлять регулятивное правовое воздействие на осуществление (отправление) правосудия при помощи технологий искусственного интеллекта и выступать одновременно правовым барьером, не допускающим отправление правосудия системой искусственного интеллекта.

2. В любом государстве его основной обязанностью является обеспечение им безопасности личности, общества и самого себя. Преобразование этой концептуальной основы произойдет лишь с изменением экономического и политического строя. Но этого не предвидится, по крайней мере, в ближайшие десятилетия, исходя из базовых документов, определяющих национальные интересы Российской Федерации. Следовательно, никакой трансформации не будет, а будет органичное сочетание существующей концептуальной идеи с новыми реалиями (развитие систем искусственного интеллекта), в наши дни уже ставшими неотъемлемой, социально обусловленной частью как общественных, так и правовых отношений.

3. В случаях, когда технологии искусственного интеллекта внедряются в судебную правоприменительную деятельность необходимо обеспечить, чтобы использование технологий искусственного интеллекта:

- не создавало препятствий при осуществлении права на доступ к правосудию и права на справедливое судопроизводство;
- в процессе принятия решений в полной мере осуществлялось бы в полном соответствии с принципами верховенства права, независимости судей;
- являлось лишь вспомогательным средством для достижения юридической справедливости.

Научная дискуссия

В Стратегии сфера правосудия не значится в числе приоритетных направлений развития и использования технологий искусственного интеллекта, тем не менее, начиная с 2017 года, в России заработала система внедрения технологий искусственного интеллекта, которая связана с возможностью подачи электронных документов, закрепленной в обновленных редакциях процессуальных кодексов РФ.

Несмотря на то, что использование технологий искусственного интеллекта в правосудии – это объективная реальность, тем не менее, в научном мире ведутся активные дискуссии о пределах допустимого использования данных технологий в практике судов, возможности внедрения в практику «киберсудов и «делегировании им полномочий» по принятию решений [1, с. 163, 164; 2, с. 85; 4, с. 221; 10, с. 708–710].

Многие авторы придерживаются позиции, что система электронного правосудия не должна быть направлена лишь на внешнее функционирование суда. По их мнению, в России система искусственного интеллекта при отпращивании правосудия может быть использована судами уже сегодня [7, с. 240–242], например, по делам, где деятельность человека носит контролирующий (ревизионный) характер, в частности по делам о долговых обязательствах [5, с. 56], гражданских и административных дел по бесспорным требованиям [6, с. 190], дела приказного производства, дела о расторжении брака, если отсутствует спор о детях [9, с. 232]. К.С. Новикова отмечает, что в указанных случаях, искусственный интеллект, проанализировав обстоятельства дела, предлагает на утверждение судьи «смарт-решение» или даже несколько вариантов, возможно даже с резолютивной частью [7, с. 242]. Ценность этого подхода видится К.С. Новиковой в повышении качества правосудия, поскольку с помощью искусственного интеллекта будут рассматриваться несложные, однотипные дела, что позволит высвободить время судье и создаст условия для его подготовки к рассмотрению более сложных дел [7, с. 242; 5]. О.А. Степанов и Д.А. Басангов считают, что, в

сущности, использование таких систем не подменяет судью. Их использование способствует ускорению сбора и обработки материалов по делу, большей объективности, лучшему контролю подлинности информации, полученной при рассмотрении дела [9, с. 231]. Они пишут: «Современные возможности искусственного интеллекта позволяют не только достаточно точно распознавать юридические ситуации, но, и что еще более важно, без потерь описать законы на логическом, а соответственно и программном, языках. При этом предполагается, что алгоритмы искусственного интеллекта будут всегда оставаться объективными, беспристрастными, сохранять нейтралитет и безупречную репутацию, что способно существенно облегчить работу судьи, то есть позволит снизить нагрузку на судебный аппарат, ускорить и усовершенствовать отправление правосудия, исключить судебную волокиту и коррупцию» [9, с. 231].

Отсутствие единообразного подхода в вопросах использования технологий искусственного интеллекта в правосудии отразилось и на практике их внедрения в государствах, которые, по мнению, А.В. Макутчева могут оперировать несколькими концепциями: консервативной, экстенсивной или интенсивной концепциями. Для первой концепции характерно лишь расширение внедрения цифровизации в судебную систему и распространение электронного правосудия. Во втором случае происходит ограничение в системе правосудия технологий искусственного интеллекта. При использовании экстенсивной концепции решения принимаются судьей без непосредственного участия систем искусственного интеллекта. Целью названной концепции является облегчение деятельности судьи. Наконец, использование интенсивной концепции предполагает глубокое использование технологий искусственного интеллекта в системе правосудия, то есть, когда происходит какая-либо и (или) полная замена судьи искусственным интеллектом при принятии решения [5, с. 51–53].

В настоящее время наиболее привлекательным, к которому приковано внимание большинства ученых и практиков, является опыт Китая по использованию технологий искусственного интеллекта в правосудии, позволивший к настоящему времени подготовить более 3 млн решений. Так, еще в 1999 г. в Китае был составлен поэтапный план внедрения в систему народного суда технологий искусственного интеллекта. Первые два этапа были связаны с компьютеризацией, информатизацией, цифровизацией и коснулись делопроизводства и документооборота, а также создания национальной электронной системы правосудия. На третьем этапе, начиная с 2016 г. стали применяться технологии искусственного интеллекта – судьи-робота, способного к самообучению, вынесению судебных решений и умеющего исправлять судебные ошибки. Однако, деятельность судьи-робота носит подконтрольный характер, то есть вынесенное судебное решение всегда может быть изменено судьей – человеком. Научная общественность Китая пользу, в описанном эксперименте видит, главным образом, для решения проблемы загруженности судей. Но, к вопросу о передаче искусственному интеллекту возможности вынести судебное решение, относится крайне настороженно. К 2025 году в Китае планируется создание системы искусственного интеллекта для поддержки судебной системы, но при этом не предполагается замена «живых» судей искусственным интеллектом, применение последнего направлено будет только на решение рутинных задач, а все решения будут принимать только сами судьи.

Сложно предугадать, как будут развиваться технологии искусственного интеллекта в будущем, и насколько сильна будет зависимость человека от искусственного интеллекта. Тем не менее, с учетом тех негативных последствий, которые могут наступить в случае бесконтрольного использования этих технологий, уже сейчас обнаруживают важность разработки, официального признания и внедрения в юридическую практику этических норм использования искусственного интеллекта. Об этом неоднократно говорилось отдельными государствами и озвучивалось на международных площадках.

Так, соответствующие предложения по созданию системы принципов были предложены в рамках международных межправительственных организаций. Подготовленные международными организациями документы содержат нормы международного мягкого права, по природе своей являющиеся рекомендательными. Однако государства могут их использовать через механизм имплементации (включения) разработанных принципов во внутригосударственные источники права. На универсальном уровне все 193 государств – членов ЮНЕСКО одобрили документ, определяющий общие ценности и принципы, необходимые для обеспечения безопасного развития и использования искусственного интеллекта. При этом особо подчеркивается, что разработка нормативно-правовой

базы, призванной регулировать отношения, связанные с использованием технологий искусственного интеллекта, должна быть ориентирована на человека, способствовала уважению его прав¹. За разработку соответствующей нормативной основы и минимальных нормативных стандартов по использованию технологий искусственного интеллекта выступают и зарубежные ученые² [12].

На региональном уровне в ряде международных межправительственных организаций также были приняты соответствующие документы. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств в своем Постановлении № 53-12 (от 26.11.2021) сформулировала принципы, лежащие в основе разработки и внедрении цифровых технологий:

1) универсальная значимость. Данный принцип предполагает, что используемые цифровые технологии для общественности должны быть понятны и внедряться, и распространяться таким образом, «чтобы в равной степени способствовать благополучию отдельных людей и общества в целом» [пункт 4.1];

2) устойчивость развития, как принцип, связан с безопасностью, этичностью исследовательской деятельности и преобразований в сфере цифровых технологий, с внесением вклада в развитие государства, в целях устойчивого развития общества, ненанесения вреда не только людям, но и животным, растениям и окружающей среде, исключая возникновение биологической, физической или нравственной угрозы как в настоящем, так и в будущем [пункт 4.2];

3) снижение рисков означает, что внедрение цифровых технологий осуществляется с осторожностью, исходя из возможных воздействий на окружающую среду, здоровье и безопасность людей, с принятием всех необходимых мер информационной безопасности, стремясь к прогрессу во благо общества и природной среды [пункт 4.3];

4) открытость управления при применении цифровых технологий связана «с установкой на прозрачность и законным правом личности на доступ к информации», с правом участия в принятии решений всем субъектам, которые действуют в этой сфере или соприкасаются с ней, при обязательном гарантировании при использовании, применении цифровых технологий уважения к частной жизни и конфиденциальность [пункт 4.4];

5) в основе принципа научности лежит соответствие цифрового развития «высоким стандартам», основанным на добросовестной научной деятельности при разработке цифровых технологий [пункт 4.5];

6) инновационность связана с тем, что «управление деятельностью в сфере цифрового развития должно быть направлено на всевозможное поощрение творческой активности, а также выработку способности к адаптации и планированию для поддержания инновационного характера и дальнейшего развития цифровых технологий» [пункт 4.6];

7) ответственность предполагает, что «как отдельные исследователи и технологии, так и организации должны нести ответственность за социальные и экологические последствия, равно как и воздействие на здоровье (прежде всего когнитивные нарушения), которые могут возникнуть в результате внедрения цифровых технологий, не только перед ныне живущими людьми, но и перед будущим поколениями» [пункт 4.7].

В марте 2023 года в рамках СНГ завершена работа над «проектом Рекомендаций по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта, включая этические стандарты для исследований и разработок для стран Содружества», которые должны выполнить функцию «дорожной карты для формирования системы законов в сфере искусственного интеллекта на территории СНГ»³. При этом подчеркивается, что при использовании систем искусственного интеллекта не должна быть допущена возможность «манипуляции поведением человека и дискриминации граждан».

¹ Этические аспекты искусственного интеллекта [сайт]. ЮНЕСКО; 2023 [процитировано 03 августа 2023]. Доступно: <https://www.unesco.org/ru/artificial-intelligence/recommendation-ethics>.

² Ponce del Castillo, Aida, A Law on Robotics and Artificial Intelligence in the EU? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3180004> (дата обращения: 04.08.2023).

³ Парламентарии стран СНГ приняли рекомендации по регулированию использования искусственного интеллекта [сайт]. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств; 2023 [процитировано 03 августа 2023]. Доступно: https://iacis.ru/novosti/postoyannye_komissii/parlamentarii_stran_sng_prinyali_rekomendacii_po_regulirovaniyu_ispolzovaniya_iskuss%20tvennogo_intellekta?ysclid=ln7cvudlk5844984316.

В п. 57 Пекинской декларации XIV саммита БРИКС (от 23.06.2022) государства признали «огромный потенциал технологий искусственного интеллекта», который необходимо направить на максимальное его использование на благо общества и человечества, одновременно выразив «обеспокоенность рисками и этическими дилеммами, связанными с искусственным интеллектом, такими как, в частности, неприкосновенность частной жизни, манипулирование, предвзятость, взаимодействие человека и робота, последствия и сингулярность»¹. В связи с чем, государства-члены БРИКС высказали намерение и далее осуществлять совместную работу, направленную на «устранение этих озабоченностей» и разработку «общего подхода к управлению», который будет служить руководством «в отношении этического и ответственного использования искусственного интеллекта»².

Заслуживает внимания Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях (Страсбург, 03 декабря 2018 года)³, принятая в рамках Совета Европы Европейской комиссией по эффективности правосудия, и содержащая пять принципов использования искусственного интеллекта для повышения качества правосудия. Эти принципы подробно анализировались, что освобождает нас, от того, чтобы их пересказывать⁴. За исключением пятого принципа – «принцип пользовательского контроля», как его определил В.В. Момотов. Его суть состоит в том, что судья может иметь собственное мнение по решению, вынесенному искусственным интеллектом. Кроме того, стороны спора не утрачивают права непосредственного обращения в суд и рассмотрения их дела без использования искусственного интеллекта. Также, стороны не утрачивают права обжаловать решение, вынесенное искусственным интеллектом. Принцип «пользовательского контроля» – считает В.В. Момотов, ясно показывает, что авторы документа, принятого в Совете Европы, отчетливо осознают бесперспективность альтернативы искусственного интеллекта судье⁵. Названная позиция в науке является основной.

В концентрированном виде суть этического регулирования отношений, возникающих при использовании технологий искусственного интеллекта, разработанных в рамках международных организаций, можно представить следующим образом: *использование технологий искусственного интеллекта*: 1) должно обеспечивать права человека, безопасность и благополучие человека; 2) необходимо осуществлять таким образом, чтобы не причинять вред человеку, обществу, человечеству; 3) должно быть подконтрольно человеку на всех стадиях его использования; 4) невозможно без признания юридической ответственности лиц, ответственных за действия конкретных систем искусственного интеллекта.

Возвращаясь к проблеме полной замены судьи системой искусственного интеллекта, в подавляющем большинстве случаев в научной и профессиональной среде высказываются аргументы «против». В частности, по мнению противников, технологии искусственного интеллекта не способны учесть: все детали дела, в том числе человеческий фактор [9, с. 233]; нормы морали и этики, эмоциональное состояние, детали обстановки и другие характеристики, относящиеся только к

¹ Пекинская декларация XIV саммита БРИКС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения: 04.08.2023).

² Там же.

³ Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 04.08.2023).

Несмотря на то, что с 16 марта 2022 года прекращено членство России в Совете Европы, сравнительно-правовой анализ, изучение документов Совета Европы, других международных организаций, включая акты, связанные с технологиями искусственного интеллекта, государствами, не являющимися членами организаций могут быть полезны в части использования тех положений, которые с учетом национальных интересов государств, включая и Россию, допустимы к имплементации во внутригосударственную правовую систему.

⁴ Миролюбова С.Ю. Перспективы использования искусственного интеллекта в правосудии и вопросы правового регулирования в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/publication/perspektivy_ispolzovaniya_iskusstvennogo_intellekta_v_pravosudii_perspektivy_pravovogo_regulirovani (дата обращения: 06.08.2023); Выступление председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на пленарном заседании по теме «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ssrf.ru/news/lienta-novostiei/36912> (дата обращения: 06.08.2023).

⁵ Выступление председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на пленарном заседании по теме «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации».

человеческой жизнедеятельности [9, с. 233]. Кроме того, у искусственного интеллекта отсутствует чувство ответственности, самоанализа и самоконтроля [7, с. 242], а также способность оценить абстракцию, понять смысл [5, с. 55] и фабулу дела, отсутствует умение использовать ценностные критерии оценки, а также навык восполнения пробела в законодательстве исходя из аналогии права, когда в случае отсутствия конкретной правовой нормы, возникает необходимость вынесения решения по делу, используя общий смысл законодательства. Технологии искусственного интеллекта на данном уровне своего развития не имеют внутреннего убеждения¹, позволяющего принимать решения. И, конечно, присутствуют опасения вытеснения искусственным интеллектом человека из конкретной области [3; 11], в том числе и из сферы правосудия. Кроме того, в современных цивилизационных условиях искусственный интеллект пока не получил массовой поддержки среди населения [9, с. 233], и легальное использование технологий искусственного интеллекта в той или иной сфере не делает их легитимными.

Думаем, что ни один из перечисленных факторов, сам по себе, не является прочным и неподдающимся опровержению аргументом, убеждающим в неспособности оправления правосудия системой искусственного интеллекта [8, с. 254]. Непрерывное развитие систем искусственного интеллекта, масштабы его развития и глубина свидетельствует о его вероятной способности преодолеть и эти барьеры.

Ближе к таким факторам, преодолеть которые для отправления правосудия системой искусственного интеллекта не получится, являются принципы правосудия как отправные идеи, отображающие основные черты политического, экономического, культурно-нравственного и правового развития общества и государства [8, с. 255].

В этой связи реальное внедрение технологий искусственного интеллекта в судебную систему государств, в том числе и в судебную систему России, ставит справедливый вопрос о способности уже действующих в государстве процессуальных норм осуществлять регулятивное правовое воздействие на осуществление (отправление) правосудия при помощи технологий искусственного интеллекта и выступать одновременно правовым барьером, не допускающим отправление правосудия системой искусственного интеллекта. Так, при использовании технологий искусственного интеллекта важно исходить из того, что недопустимость осуществления правосудия системой искусственного интеллекта изначально обеспечивается самим понятием правосудия как вида государственной деятельности, в процессе которой реализуется судебная власть. Законодатель четко определил принципы правосудия, которые и выступают препятствием для использования искусственного интеллекта при осуществлении правосудия. При этом следует иметь в виду, что отправление правосудия и порядок судебного разбирательства по рассмотрению и разрешению дела не являются тождественными. Правосудие осуществляется судом, который принимает решение на основе исследованных доказательств, то есть в основе принятия решения лежит мыслительная деятельность человека. Порядок судебного разбирательства связан с собиранием и проверкой доказательств. Законодатель не ограничивает форму судебного разбирательства и допускает возможность использования информационных технологий в ходе судебного заседания, в том числе при проведении судебных действий. Учитывая современные реалии, президент КСЕС указал: «...правосудие в современный период может быть осуществлено только в рамках судебной системы, которая организована как доступная для граждан и организаций цифровая платформа, функционирующая эффективно, безопасно и прозрачно. При этом суды должны иметь достаточные ресурсы, программное обеспечение и системы видеоконференции, чтобы адаптироваться к новым вызовам и угрозам, включая отсутствие возможности физического доступа в здание суда»². Однако, это не предполагает возможность замены суда искусственным интеллектом.

Одним из принципов правосудия является осуществление его только судом. Судебная власть в Российской Федерации принадлежит только судам в лице судей. Судьями являются лица, наделенные в конституционном порядке полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие

¹ Выступление председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на пленарном заседании по теме «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации».

² Консультативный Совет европейских судей (CCJE). Заявление президента КСЕС «Роль судей во время и после пандемии по COVID-19: уроки и проблемы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [file:///C:/Users/Администратор/Downloads/CCJE\(2020\)2%20-%20Statement%20of%20the%20CCJE%20President%203%20-%20Lessons%20and%20challenges%20COVID%2019%20-%202024%20June%202020.pdf](file:///C:/Users/Администратор/Downloads/CCJE(2020)2%20-%20Statement%20of%20the%20CCJE%20President%203%20-%20Lessons%20and%20challenges%20COVID%2019%20-%202024%20June%202020.pdf) (дата обращения: 02.07.2021).

свои обязанности на профессиональной основе¹. Соответственно, правосудие вершит судья, в качестве которого выступает только человек. Подменить интеллектуальную деятельность человека искусственным интеллектом недопустимо, поскольку любое решение будет основано на использовании машины определенной программы, созданной для принятия решения, при этом за ее качество создатели не смогут нести ответственности, поскольку просчитать возможности искусственного интеллекта, связанные с собственным перепрограммированием весьма проблематично.

Одним из основополагающих принципов правосудия является независимость судей, которая обеспечивается Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством, действующим процессуальным законодательством. Независимость судей предполагает исключение конфликта интересов при осуществлении судебной деятельности, наличие юридических гарантий, применение мер безопасности и т.д. Судья при осуществлении правосудия зависит только от закона и принимает решения на основе судейского усмотрения, сформированного у каждого судьи и имеющего индивидуальный характер. Искусственный же интеллект не является независимым, поскольку изначально он формируется на основе созданной и заложенной программы, его функционирование связано с развитием технологий и т.д.

Принцип законности может соблюдаться только человеком, который применяет в своей деятельности нормы права. Учитывая, что нормы закона регулируют отношения между людьми, группами людей, деятельность людей и т.д., то применительно к искусственному интеллекту регламентируется нормами закона возможность его применения человеком, но не самостоятельное функционирование машины.

Сочетание коллегиальности и единоличности предполагает возможность осуществления правосудия единолично судьей или коллегиальным составом суда. Суд может использовать при производстве по делу в качестве технической помощи искусственный интеллект, но в данном случае речь будет идти не о деятельности искусственного интеллекта, а о использовании технических возможностей различных машин.

Состязательность и равноправие сторон как принцип правосудия однозначно исключают использование искусственного интеллекта. Состязательность сторон – участников конфликта исключает возможность выступления одной из сторон искусственного интеллекта. Сторона может использовать машину, иную технику в конфликте, но стороной конфликта будет человек. Равноправие сторон исключает изначально возможность равенства между человеком и машиной, поэтому речь может идти только о человеке.

Обязательность судебных решений заключается в том, что любое судебное решение обязательно для исполнения человеком, к которому оно обращено. Машина может быть использована в качестве вспомогательного объекта при исполнении решения, но она не может быть субъектом его реализации.

Гласность судебного заседания заключается в проведении открытого судебного заседания. Искусственный интеллект не может самостоятельно вести процесс и может быть использован в качестве технического средства, обеспечивающего возможность получения информации.

Равенство перед законом и судом может рассматриваться только в отношении сторон, в качестве которых выступают люди или группы людей. Машина не может иметь изначально равных прав с человеком, не зависимо от ее качества.

Участие граждан в осуществлении правосудия связано с функционированием суда с участием коллегии присяжных заседателей. Данный состав суда рассматривается как гарантия защиты прав участников сторон конфликта, когда независимые присяжные граждане дают оценку произошедшего конфликта с учетом обыденного его восприятия. Вряд ли можно согласиться, что присяжных заседателей может заменить несколько машин, учитывая особенности их программирования, они не смогут дать различную оценку произошедшему, в противном случае необходимо будет искать ошибки в программе, но в которой, не совсем понятно.

Использование русского языка в судопроизводстве предполагает не формальный перевод слов, а знание тонкостей языка, выражений, которые позволяют определить развитие конфликта. Ни одна машина с самой продвинутой программой не сможет определить тонкости языкового общения.

¹ О статусе судей в Российской Федерации»: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В заключении отметим, что теоретическое построение чего-либо должно быть подчинено основной идее. Все другие, пусть и значительные идеи, должны лишь ее конкретизировать. В любом государстве этой идеей является обеспечение государством безопасности личности, общества и самого себя. Преобразование обозначенной концептуальной основы произойдет лишь с изменением экономического и политического строя. Но этого не предвидится, по крайней мере, в ближайшие десятилетия, исходя из базовых документов, определяющих национальные интересы Российской Федерации. Следовательно, никакой трансформации не будет, а будет органичное сочетание существующей концептуальной идеи с новыми реалиями (развитие систем искусственного интеллекта), в наши дни уже ставшими неотъемлемой, социально обусловленной частью как общественных, так и правовых отношений.

Таким образом, во всех случаях использования технологий искусственного интеллекта в судебной правоприменительной деятельности необходимо обеспечить, чтобы использование данных технологий:

- не создавало препятствий при осуществлении права на доступ к правосудию и права на справедливое судопроизводство;
- в процессе принятия решений в полной мере осуществлялось бы в полном соответствии с принципами верховенства права, независимости судей;
- являлось лишь вспомогательным средством для достижения юридической справедливости.

Список использованной литературы:

1. Анисимова А.С., Спиридонова М.П. К вопросу о возможностях использования технологий искусственного интеллекта в правосудии. *Юридический вестник ДГУ*. 2021;39(3):161–165.
2. Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт. *Lex Russica*. 2019;(11):79–87. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.156.11.079-087.
3. Закиров Р.Ф. Цит. по: Макутчев А.В. Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия. *Актуальные проблемы российского права*. 2022;17(8(141)):47–58. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.047-058.
4. Луценко Е.П. Применение искусственного интеллекта при осуществлении правосудия в России и за рубежом. *Образование и право*. 2022;(6):220–222. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-6-220-222.
5. Макутчев А.В. Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия. *Актуальные проблемы российского права*. 2022;17(8(141)):47–58. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.047-058.
6. Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования. *Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2021;(5):188–191. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.188-191.
7. Новикова К.С. Искусственный интеллект как элемент электронного правосудия: смарт-решение и электронные весы правосудия. *Образование и право*. 2020;(3):240–244. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10340.
8. Решетникова Г.А. Факторы, препятствующие оправлению правосудия системой искусственного интеллекта. *Процессуальные гарантии современного правосудия: к 100-летию Судебной системы в Удмуртской Республике: сб. ст.* Ижевск: Удмуртский

References:

1. Anisimova A.S., Spiridonova M.P. [On the issue of the possibilities of using artificial intelligence technologies in justice]. *Yuridicheskii vestnik DGU = Legal Bulletin of the DSU*. 2021;39(3):161–165. (In Russ.)]
2. Biryukov P.N. [Artificial intelligence and predicted justice: foreign experience]. *Lex Russica = Lex Russica*. 2019;(11):79–87. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.156.11.079-087 (In Russ.)]
3. Zakirov R.F. Quote by: Makutchev A.V. [Modern possibilities and limits of introducing artificial intelligence into the justice system]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2022;17(8(141)):47–58. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.047-058. (In Russ.)]
4. Lutsenko E.P. [Application of artificial intelligence in the administration of justice in Russia and abroad]. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2022;(6):220–222. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-6-220-222 (In Russ.)]
5. Makutchev A.V. [Modern possibilities and limits of introducing artificial intelligence into the justice system]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2022;17(8(141)):47–58. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.047-058 (In Russ.)]
6. Momotov V.V. [Artificial intelligence in legal proceedings: state, prospects of use]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) = Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSLA)*. 2021;(5):188–191. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.188-191 (In Russ.)]
7. Novikova K.S. [Artificial intelligence as an element of electronic justice: smart solution and electronic scales of justice]. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2020;(3):240–244. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10340 (In Russ.)]
8. Reshetnikova G.A. [Factors impeding the administration of justice by the artificial intelligence system]. *Protsessual'nye garantii sovremennogo pravosudiya: k 100-letiyu Sudebnoi sistemy v Udmurtskoi Respublike: sb. st. = Procedural guarantees of modern*

университет; 2023.

9. Степанов О.А., Басангов Д.А. О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство. *Вестник Томского государственного университета*. 2022;(475):229–237.

10. Чистилина Д.О. Использование возможностей искусственного интеллекта в уголовном процессе. *Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право*. 2021;31(4):705–710. DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-4-705-710.

11. Legg Michael and Bell Felicity. Artificial Intelligence and the Legal Profession: Becoming The AI-Enhanced Lawyer. *University of Tasmania Law Review*. 2019;(38(2)):34–59.

12. Leenes, Ronald E. and Leenes, Ronald E. and Lucivero, Federica. Laws on Robots, Laws by Robots, Laws in Robots: Regulating Robot Behaviour by Design. *Law, Innovation and Technology*. 2014;6(2):194–222.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лариса Геннадьевна Татьяна*

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
ORCID: 0000-0001-6404-6786

Татьяна Васильевна Решетнева

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права ИПСУБ ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
ORCID: 0009-0001-3081-2144

Гульнара Аликовна Решетникова

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ИПСУБ ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
ORCID: 0000-0002-0126-6981

justice: to the 100th anniversary of the Judicial system in the Udmurt Republic: sat. art. Izhevsk: Udmurt University; 2023. (In Russ.)]

9. Stepanov O.A., Basangov D.A. [On the prospects of the influence of artificial intelligence on legal proceedings]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2022;(475):229–237. (In Russ.)]

10. Chistilina D.O. [Using the capabilities of artificial intelligence in criminal proceedings]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ehkonomika i parvo = Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law*. 2021;31(4):705–710. DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-4-705-710 (In Russ.)]

11. Legg Michael and Bell Felicity. Artificial Intelligence and the Legal Profession: Becoming The AI-Enhanced Lawyer. *University of Tasmania Law Review*. 2019;(38(2)):34–59.

12. Leenes, Ronald E. and Leenes, Ronald E. and Lucivero, Federica. Laws on Robots, Laws by Robots, Laws in Robots: Regulating Robot Behaviour by Design. *Law, Innovation and Technology*. 2014;6(2):194–222.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Larisa G. Tatyana*

Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Law Enforcement Activities IPSUB of the FGBOU VO "Udmurt State University"

ORCID: 0000-0001-6404-6786

Tatyana V. Reshetneva

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law IPSUB of the FGBOU VO "Udmurt State University"

ORCID: 0009-0001-3081-2144

Gulnara A. Reshetnikova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology IPSUB of the FGBOU VO "Udmurt State University"

ORCID: 0000-0002-0126-6981

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-102-110>

АНАЛОГИЯ ЗАКОНА КАК СПОСОБ УНИФИКАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Попова Ю.А.*, Мазуренко М.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Попова Ю.А., Мазуренко М.А. Аналогия закона как способ унификации процессуального законодательства. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(4):102–110. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-102-110>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Попова Юлия Александровна*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040
Тел.: +7 (861) 253-61-04
E-mail: gpp.k@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 25.08.2023

Статья принята к печати: 25.09.2023

Дата публикации: 23.10.2023

Аннотация: Процесс реформирования современного российского процессуального законодательства связан, в том числе, с идеями унификации норм административного, арбитражного и гражданского судопроизводства. На законодательном уровне ощутимый результат этих реформ, в виде принятия единого процессуального закона, достигнут не был. Несмотря на отсутствие принципиальных различий в порядке рассмотрения арбитражными судами и судами общей юрисдикции гражданских и административных дел, многие нормы действующих процессуальных кодексов, регулирующие аналогичные институты, носят отличительный характер. Вместе с тем положения указанных нормативных актов позволяют судам при отсутствии необходимой процессуальной нормы применять норму, регулиющую сходные отношения (аналогия закона). Анализ разъяснений Верховного Суда Российской Федерации по вопросам процессуального права показал, что на возможность применения аналогии закона высшая судебная инстанция указывает достаточно часто.

Цели настоящей статьи: определить в каких случаях арбитражные суды и суды общей юрисдикции применяют нормы процессуального права по аналогии; положения каких нормативных актов являются источниками аналогии закона; выяснить, может ли аналогия закона быть использована как способ унификации процессуального законодательства при отсутствии соответствующих положений на законодательном уровне.

Результаты исследования показали, что применение судами аналогии закона осуществляется, как правило, на основании прямого указания о такой возможности в актах официального толкования. Использование аналогии процессуального закона в подавляющем большинстве случаев связано с взаимным использованием норм законодательства об административном, арбитражном и гражданском судопроизводствах. Применение закона по аналогии может быть использовано в качестве способа унификации действующего процессуального законодательства Российской Федерации в условиях отсутствия единого процессуального закона.

Ключевые слова: аналогия закона, процессуальное право, гражданский процесс, судебная власть, судебная система, арбитражное судопроизводство, гражданское судопроизводство, административное судопроизводство, унификация.

LAW ANALOGY TO UNIFY PROCEDURAL LEGISLATION

Yulia A. Popova*, Maksim A. Mazurenko
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Popova Yu.A., Mazurenko M.A. Law analogy to unify procedural legislation. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(4):102–110. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-102-110>

CONTACT INFORMATION:

Yulia A. Popova*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Procedure and International Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 253-61-04

E-mail: gpp.k@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 25.08.2023

The article has been accepted for publication: 25.09.2023

Date of publication: 23.10.2023

Annotation: The process of reforming modern Russian procedural legislation is connected, among other things, with the ideas of unification of the norms of administrative, arbitration and civil proceedings. At the legislative level, the tangible result of these reforms, in the form of the adoption of a single procedural law, has not been achieved. Despite the absence of fundamental procedural differences in the procedure for consideration of civil and administrative cases by arbitration courts and courts of general jurisdiction, many norms of the current procedural codes regulating similar institutions are distinctive. At the same time, the provisions of these normative acts allow courts, in the absence of the necessary procedural norm, to apply a norm regulating similar relations (analogy of the law). Analysis of the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation on issues of procedural law has shown that the possibility of applying the analogy of the law is indicated by the highest court quite often.

The purpose of this article is to determine in which cases arbitration courts and courts of general jurisdiction apply the rules of procedural law by analogy; the provisions of which regulations are sources of analogy of the law; to find out whether the analogy of the law can be a way to unify procedural legislation in the absence of relevant provisions at the legislative level.

The results of the study showed that the application of the analogy of the law by the courts is carried out, as a rule, based on a direct indication of such a possibility in acts of official interpretation. The use of the analogy of the procedural law in most cases is associated with the mutual use of the norms of legislation on administrative, arbitration and civil proceedings. The application of the law by analogy may be one of the tools for the unification of the current procedural legislation of the Russian Federation in the absence of a single procedural law.

Keywords: analogy of the law, procedural law, civil procedure, judicial power, judicial system, arbitration proceedings, civil proceedings, administrative proceedings, unification.

Введение

Процесс реформирования судебной системы РФ и процессуальных институтов в последнее десятилетие характеризовался направленностью воли законодателя на усиление единоначалия судебной власти и унификацию процессуальных норм. Результатами данных реформ явились упразднение в 2014 году Высшего Арбитражного Суда РФ с передачей его полномочий

Верховному Суду РФ (далее – ВС РФ) и утверждение Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ. Цель создания единого Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) была сформулирована как необходимость повышения эффективности правосудия посредством его унификации, устранения конкуренций норм, регулирующих сходные отношения¹. Вместе с тем уже на следующий год был принят и введен в действие новый Кодекс административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ), в который из ГПК РФ были перенесены нормы о производстве по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. При этом новый КАС РФ определил порядок разрешения административных споров в судах общей юрисдикции, аналогичные споры в арбитражных судах РФ по настоящее время рассматриваются по правилам, установленным Арбитражным процессуальным кодексом РФ (далее – АПК РФ). Следует отметить, что разработчиками Концепции единого ГПК РФ указывалось, что она принималась, в том числе, с целью дальнейшей унификации всех процессуальных норм, за исключением уголовного процесса, в едином кодифицированном акте [9, с. 13]. Следовательно, можно предположить, что единый ГПК РФ мог бы определить единый порядок рассмотрения гражданских и административных дел как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах.

Позиция о вхождении норм о судопроизводстве по гражданским и административным делам в гражданско-правовой процесс согласуется с мнением многих ученых, например, таких как Клейн Н.И. [8] и Боннер Т.В. [2], которые писали об общем концепте существования универсальной процессуальной формы как единой формы судебной защиты. С другой стороны, Исаенкова О.В. отмечала в качестве одной из задач развития отечественного гражданского судопроизводства – разработку действенных норм единого источника гражданского процессуального права, который регламентирует порядок судебного разбирательства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, но с изъятием из предмета регулирования отдельных правоотношений публично-правового характера [7, с. 9].

В результате процессуальной реформы 2019 года процессуальные кодексы были дополнены нормами п. 1 ч. 1 ст. 127.1 АПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ и ч. 1 п. 1 ст. 128 КАС РФ, предусматривающими отказ суда в принятии искового заявления (заявления) к производству только в том случае, если дело подлежит рассмотрению в рамках уголовного или конституционного судопроизводства². Эти процессуальные новеллы были позитивно встречены научным сообществом и практиками, подтвердив убеждение в том, что в гражданско-правовой процесс интегрированы нормы ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ [13, с. 25]. Вместе с тем новая редакция ст. 118 Конституции РФ определила, что судебная власть в РФ осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства³. Данные положения вновь сместили акцент на автономность трех видов судопроизводств, поставив под вопрос процесс унификации процессуального законодательства.

Таким образом, на протяжении ряда лет попытки законодателя объединить нормы процессуальных кодексов в единый кодифицированный акт или придать им универсальный характер, создав единую форму судебной защиты, не привели к достижению конечного результата. Напротив, процесс унификации сталкивался с обратным действием – дифференциацией положений гражданско-правового процесса. О том, насколько необходимо отдельное регулирование трех видов судопроизводств наиболее ярко свидетельствует судебная практика и разъяснения актов официального толкования. Анализ последних разъяснений Пленума ВС РФ, которые приводятся в настоящей статье, показывает, что позиция высшей судебной инстанции по проблемным вопросам применения процессуальных норм, все чаще дается применительно ко всем трем видам

¹ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124 (1) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

судопроизводств. При этом в случае отсутствия в одном из кодексов нормы, имеющейся в других кодексах, ВС РФ указывает на необходимость применения аналогии закона¹.

В условиях, когда цель унификации различных видов судопроизводств на законодательном уровне не достигнута, но при этом споры, разрешаемые арбитражными судами и судами общей юрисдикции, в том числе в порядке административного судопроизводства, обладают значительным сходством, применение межотраслевой аналогии закона, возможно, является одним из ключевых способов достижения единой процессуальной формы. Вопрос о том, правомерно ли данное утверждение или нет является предметом исследования настоящей статьи. Для достижения поставленной цели авторы анализируют доктринальные понятия к подходу аналогии закона, ее отличие от аналогии права, исследуют правовые позиции ВС РФ относительно применения аналогии закона в процессуальном праве и формулируют выводы об эффективности применения данного института для целей унификации судопроизводственного процесса в РФ.

Методы исследования

Для целей настоящего исследования применялся комплекс общенаучных методов познания: системный анализ, диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой и др.

Авторами изучены труды и приведены мнения классиков процессуальной доктрины и современных ученых, таких как Васьковский Е.В., Клейн Н.И., Боннер А.Т., Исаенкова О.В., Крашенинников П.В., Войтович Л.В. и др.

С целью достижения целей настоящего исследования проведен анализ более 30 постановлений Пленумов ВС РФ, содержащих разъяснения по вопросам процессуального права и опубликованных в СПС «КонсультантПлюс» за период с 2016 по 2023 год.

Результаты исследования

Возможность применения по аналогии норм процессуального права, закрепленная в действующих АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ достаточно часто упоминается в разъяснениях ВС РФ, при этом использование аналогии закона носит взаимный характер по отношению к трем процессуальным кодексам. Данные выводы свидетельствуют о направленности воли высшей судебной инстанции на придание положениям арбитражного, гражданского и административного судопроизводства универсального характера.

Результаты проведенного исследования показали, что применение закона по аналогии в процессуальном праве является эффективным инструментом, который может быть использован как способ унификации действующего процессуального законодательства РФ в условиях отсутствия единого процессуального закона.

Научная дискуссия

В п. 5 ст. 3 АПК РФ, п. 4 ст. 1 ГПК РФ и п. 4 ст. 2 КАС РФ указано, что в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе арбитражного, гражданского или административного судопроизводства суды применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в РФ (аналогия права).

Законодательная конструкция трех указанных норм позволяет как арбитражным судам, так и судам общей юрисдикции при рассмотрении гражданских и административных дел применять аналогию закона и аналогию права. Классик отечественной юриспруденции Васьковский Е.В. писал, что заключением по аналогии называется разрешение непредусмотренного действующим правом случая на основании нормы, определяющей сходный случай. Допустимость такого распространения действия нормы основывается, во-первых, на том общем положении, что в действующем праве не должно существовать пробелов, ибо явление жизни не может исчезнуть, не может не существовать только потому, что законодатель его не предусмотрел, а, во-вторых, на предположении, что законодатель справедлив и что, следовательно, если бы он предусмотрел данный случай, то нормировал бы его точно так же, как счел нужным сформулировать сходные случаи [3].

По мнению Наумовой Е.А. возможность применения закона по аналогии установлена законодателем именно в целях формирования единой судебной практики применения правил судопроизводства судами общей юрисдикции и арбитражными судами [10, с. 10].

¹ См., например: О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Сохраняя направленность приведенных суждений следует согласиться с мнением Газаровой С.А. о том, что возможность применения межотраслевой аналогии процессуального закона в целом соответствует процессу унификации отечественного процессуального законодательства [5, с. 75].

В продолжении обсуждения выбранной проблематики отдельно следует отметить пределы применения процессуального закона по аналогии. Законодатель не определил является ли аналогия закона источником или принципом процессуального права [14, с. 90]. Конструкция существующих норм раскрывает некий алгоритм применения аналогии закона, который сводится к тому, что на первом этапе использования происходит обнаружение пробела в действующем праве, затем – отыскание нормы в другом, регламентирующем сходные отношения нормативном акте [1]. Вместе с тем остаются вопросы о том, во всех ли случаях отсутствия необходимой для применения нормы следует прибегать к аналогии закона и достаточно ли для этого судебного усмотрения?

В первом случае, во избежание судебной ошибки, следует учитывать, что отсутствие определенной нормы в процессуальном законе может быть вызвано именно волей законодателя. Например, недопустимо применение закона по аналогии в сфере применения юридической ответственности [6, с. 73].

Во втором случае нельзя не согласиться с мнением Цихоцкого А.В. о том, что субъектом применения аналогии выступает только суд, осуществляющий правоприменение в ходе рассмотрения и разрешения конкретного дела, т.е. казуальное восполнение нормативного материала определяется социальной ролью суда [15, с. 72]. Вместе с тем в рамках заявленной проблематики следует отметить, что в основном использование аналогии в цивилистических процессуальных и административных процессуальных правоотношениях осуществляется именно на основании прямого указания о такой возможности в актах официального толкования [4, с. 368]. Действительно, анализ современной судебной практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции свидетельствует о том, что применение аналогии закона только в результате судебного усмотрения по конкретным делам встречается крайне редко. Использование исследуемого института, как правило, обусловлено соответствующими указаниями в разъяснениях, изложенных в постановлениях Пленума ВС РФ. При этом следует согласиться с мнением Свирина Ю.А. о том, что правовая позиция ВС РФ является общей судебной нормой, сформулированной в результате изучения судебной практики и закреплённой в постановлениях Пленума ВС РФ [12, с. 109].

Применение процессуальных норм по аналогии связано с вопросом о том, в каких нормативных актах, кроме трех действующих процессуальных кодексов, могут быть еще закреплёны нормы процессуального права, которые могут применяться судами по аналогии. С одной стороны, такими источниками могут быть, например, Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»¹ или Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях², однако, данные акты имеют достаточно узкую область применения, а общие положения о порядке рассмотрения дел в суде характерны именно для АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ. В этой связи, можно предположить, что применение процессуальных норм по аналогии связано именно с взаимным использованием положений трех процессуальных кодексов, т. е. носит межотраслевой характер. На вопрос о правомерности данного предположения может ответить анализ разъяснений ВС РФ, приведенных далее.

Дальнейшее описание исследования будет разделено на три блока, описывающих применение закона по аналогии для АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ.

Арбитражное судопроизводство

В 2023 г. Пленум ВС РФ принял постановление, разъясняющее порядок применения арбитражными судами и судами общей юрисдикции обеспечительных мер. Данный документ признал не подлежащим применению действовавшее длительное время постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер». В п. 10 нового постановления впервые отмечено, что арбитражный суд может вынести определение об отказе в принятии обеспечительных мер, в частности, если имеется вступившее в законную силу определение суда об отказе в принятии обеспечительных мер, вынесенное по заявлению того же

¹ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

лица, содержащему те же основания для принятия тех же мер¹. Соответствующей нормы глава 8 АПК РФ не содержит, поэтому ВС РФ указывает, что данные положения должны применяться по аналогии с п. 2 ч. 1 ст. 127.1 АПК РФ, предусматривающей отказ в принятии к производству ранее рассмотренного тождественного иска.

В п. 33 того же постановления впервые установлено право арбитражного суда отменить обеспечительные меры по собственной инициативе. Положения АПК РФ позволяют суду отменить обеспечительные меры только по заявлению лица, участвующего в деле (либо в порядке ст. 42 АПК РФ) или по результатам рассмотрения дела по существу. Новые правила должны применяться арбитражными судами по аналогии с ч. 1 ст. 144 ГПК РФ и ч. 1 ст. 89 КАС РФ, позволяющими суду общей юрисдикции отменить обеспечительные меры по своей инициативе².

Касаемо вопросов территориальной подсудности ВС РФ указал на возможность применения арбитражными судами по аналогии ч. 2 ст. 22 КАС РФ в случае предъявления заявления об оспаривании решения, действий (бездействия) органа, полномочия которого распространяются на несколько субъектов РФ или всю территорию РФ. Такое заявление может быть предъявлено по выбору заявителя также в арбитражный суд того субъекта РФ, на территории которого исполняется оспариваемое решение либо возникли или могут возникнуть правовые последствия оспариваемых решения, действий (бездействия)³.

Другие разъяснения ВС РФ касаются обжалования в апелляционном порядке решения арбитражного суда, принятого по результатам рассмотрения дела в порядке упрощенного производства. Так, в случае подачи апелляционной жалобы на судебный акт, состоящий только из резолютивной части и при отсутствии возможности у суда первой инстанции изготовить мотивированное решение, апелляционный суд отменяет такое решение и направляет дело в суд первой инстанции для рассмотрения по общим правилам искового производства. Указанные положения применяются арбитражными судами по аналогии с ч. 3 ст. 335.1 ГПК РФ⁴.

Арбитражные суды, как и суды общей юрисдикции рассматривают дела в порядке приказного производства, при этом АПК РФ устанавливает, что определение о возвращении заявления о выдаче судебного приказа, определение об отказе в принятии заявления о выдаче судебного приказа могут быть обжалованы, однако срок, в течение которого может быть подано апелляционная жалоба, не установлен. В этой связи ВС РФ отмечает, что данный срок следует исчислять по аналогии со ст. 332 ГПК РФ⁵.

Следующие разъяснения ВС РФ касаются случаев неисполнения лицами, участвующими в деле определения суда об истребовании доказательств, по причинам, признанным арбитражным судом неуважительными. В такой ситуации арбитражный суд в праве, в частности, обосновать свои выводы по делу объяснениями другой стороны, по аналогии с ч. 1 ст. 68 ГПК РФ⁶.

¹ О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 (п. 11) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 (п. 33) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 (п. 14) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 (ред. от 05.04.2022) (п. 42) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 (ред. от 05.04.2022) (п. 22) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 (п. 38) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В части вопроса о предъявлении иска в виде электронных образов документов ВС РФ наделил арбитражные суды правом требовать представления подлинников данных документов либо их надлежащим образом заверенных копий, после принятия искового заявления к производству. При этом неисполнение соответствующей обязанности может повлечь оставление иска без рассмотрения по аналогии с п. 5 ч. 1 ст. 196 КАС РФ¹.

Гражданское судопроизводство

Все процессуальные кодексы предусматривают возможность принятия обеспечительных мер при рассмотрении дел в порядке упрощенного производства, однако АПК РФ и КАС РФ содержат запрет на аналогичные процессуальные действия в приказном производстве. Вместе с тем ГПК РФ такие ограничения не предусматривает. Учитывая отсутствие каких-либо специфических особенностей гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции по делам приказного производства, очевидно, что отсутствие указанной нормы является пробелом в процессуальном праве. В этой связи ВС РФ разъяснил, что запрет на применение обеспечительных мер в приказном производстве справедлив и для гражданского судопроизводства по аналогии с ч. 7 ст. 229.5 АПК РФ и главой 11.1 КАС РФ².

При обращении в суд в порядке гражданского судопроизводства прокурора, государственных органов, органов местного самоуправления и иных органов в защиту публичных интересов, прав и законных интересов организаций и граждан соблюдение данными лицами досудебного порядка урегулирования спора не требуется. Соответствующая норма в ГПК РФ отсутствует, однако суды общей юрисдикции должны применять данные правила по аналогии с ч. 5 ст. 4 АПК РФ³.

В другом акте официального толкования ВС РФ отметил, что суд общей юрисдикции вправе отнести судебные расходы по делу на участника процесса, злоупотребившего процессуальными правами, независимо от результатов рассмотрения дела. Данные положения применяются по аналогии со ст. 111 АПК РФ⁴.

При рассмотрении судом общей юрисдикции дела в порядке упрощенного производства, доказательства и документы, поступившие в суд по истечении установленного срока, должны быть возвращены лицам, которыми они были поданы. О возвращении таких документов суд общей юрисдикции выносит определение по аналогии с ч. 4 ст. 228 АПК РФ⁵.

Административное судопроизводство

В постановлении Пленума, принятого практически сразу после введения в действие КАС РФ, приведены разъяснения ВС РФ о том, что в период объявления перерыва в судебном заседании по административному делу не исключается возможность рассмотрения тем же составом суда иных дел. Указанные положения применяются по аналогии со ст. 163 АПК РФ⁶.

В случае применения к лицу, которому поручено ведение административного дела в интересах группы лиц, меры процессуального принуждения в виде удаления из зала судебного заседания, привода, судебного штрафа суд откладывает судебное разбирательство по

¹ О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 (п. 9) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 (п. 7) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 (п. 5) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 45 (п. 52) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 (ред. от 05.04.2022) (п. 27) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2020) (п. 7) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

административному делу, уведомляя членов группы о том, что они вправе осуществить замену такого лица, по аналогии с п. 2 ч. 4 ст. 225.12 АПК РФ¹.

При разрешении вопроса о возмещении судебных издержек судом общей юрисдикции по итогам рассмотрения административного дела, суд не вправе уменьшать размер суммы издержек произвольно, если другая сторона не заявляет возражения и не представляет доказательства чрезмерности взыскиваемых с нее расходов. Данные положения применяются в административном производстве по аналогии с ч. 3 ст. 111 АПК РФ².

Приведенные примеры актов официального толкования на уровне высшей судебной инстанции свидетельствуют о том, что применение аналогии закона, предусмотренное п. 5 ст. 3 АПК РФ, п. 4 ст. 1 ГПК РФ и п. 4 ст. 2 КАС РФ, действительно связано с взаимным использованием норм процессуального права и носит межотраслевой характер. Только в одном из постановлений арбитражным судам указано на возможность применение по аналогии норм АПК РФ. Справедливости ради следует отметить, что разъяснений, касающихся применения аналогии закона в отношении одного и того же кодекса, гораздо больше, однако они не упоминаются в настоящем исследовании как не влияющие на его итоги. Несмотря на то, что суд, рассматривающий дело по правилам своего основного процессуального закона, может использовать его же нормы по аналогии, отсылки к нормам других процессуальных кодексов встречаются достаточно часто. Данные обстоятельства безусловно свидетельствуют о стремлении ВС РФ к унификации норм трех процессуальных кодексов и приданию им универсального характера, что соответствует концепции существования общей процессуальной формы как единой формы судебной защиты. В этой связи следует согласиться с мнением Романова А.А. о том, что такой подход ВС РФ свидетельствует о дальнейшем процессе сближения отраслей цивилистического процесса, ввиду чего нельзя исключать и возвращения к реализации концепции единого ГПК РФ [11, с. 6].

Список использованной литературы:

1. Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе: монография. Москва: Изд-во Норма; 2002.
2. Боннер А.Т. Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность, или Спор процессуалиста с административистом. *Закон*. 2016;(7):24–51.
3. Васильковский Е.В. Учение о толковании и применении гражданских законов: монография. Одесса, 1901.
4. Войтович Л.В. Некоторые особенности применения аналогии права и аналогии закона в цивилистическом и административном судопроизводстве. В: Судебная правовая политика в России и зарубежных странах: Коллективная монография. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион»; 2019.
5. Газарова С.А. Участие органа власти в арбитражном процессе для дачи заключения по делу в порядке межотраслевой аналогии процессуального закона. *Современное право*. 2023;(5):73–77. DOI: 10.25799/NI.2023.95.20.014.
6. Жуйков В.М. Проблемы гражданского процессуального права: монография. Москва: Изд-во Городец; 2001.
7. Исаенкова О.В. Цивилистический процесс в России – основные тенденции. *Вестник Тамбовского*

References:

1. Abushenko D.B. [*Judicial discretion in civil and arbitration proceedings*]. Moscow: Publishing House Norma; 2002. (In Russ.)]
2. Bonner A.T. [Administrative proceedings in the Russian Federation: myth or reality, or a dispute between a processalist and an administrativist]. *Zakon = Law*. 2016;(7):24–51. (In Russ.)]
3. Vas'kovskii E.V. [*The doctrine of the interpretation and application of civil laws*]. Odessa, 1901. (In Russ.)]
4. Voitovich L.V. [Some features of the application of the analogy of law and analogy of law in civil and administrative proceedings]. In: [*Judicial legal policy in Russia and foreign countries*]. St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies "Asterion"; 2019. (In Russ.)]
5. Gazarova S.A. [Participation of the authority in the arbitration process to give an opinion on the case in accordance with the intersectoral analogy of the procedural law]. *Sovremennoe parvo = Modern law*. 2023;(5):73–77. DOI: 10.25799/NI.2023.95.20.014 (In Russ.)]
6. Zhuikov V.M. [*Problems of civil procedural law*]. Moscow: Gorodets Publishing House; 2001. (In Russ.)]
7. Isaenkova O.V. [The civil process in Russia – the main trends]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seria:*

¹ О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 № 21 (п. 4) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 (п. 11) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

университета. Серия: Политические науки и право. 2016;(1(5)):5–11.

8. Клейн Н.И. О развитии арбитражного процессуального законодательства. *Журнал российского права*. 2010;(4):5–20.

9. Крашенинников П.В. Вступительное слово к Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: монография. Москва: Изд-во Статут; 2015.

10. Наумова Е.А. Обновленное арбитражное судопроизводство как результат реализации Концепции развития судебной системы России в 2013–2020 годах: монография. Москва: Изд-во Юстицинформ; 2021.

11. Романов А.А. Профессиональное судебное представительство в гражданском и арбитражном процессах России: этапы пути. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2023;(3):3–6. DOI: 10.18572/1812-383X-2023-3-3-6.

12. Свирин Ю.А. Размышления о гражданском процессе: монография. Москва: Изд-во Прометей; 2022.

13. Соколова О.В. Современное состояние цивилистического процесса. *Центральный научный вестник*. 2019;4(4S(69)):24–26.

14. Соловьёва Т.В. Аналогия закона и аналогия права в гражданском судопроизводстве. *Гражданское право и гражданское судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции*. Хабаровск, 2022.

15. Цихоцкий А.В. Институт аналогии в механизме преодоления пробелов в праве. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право*. 2011;7(2):67–75.

Politicheskie nauki i pravo = Bulletin of the Tambov University. Series: Political Sciences and Law. 2016;(1(5)):5–11. (In Russ.)]

8. Kleĭn N.I. [On the development of arbitration procedural legislation]. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2010;(4):5–20. (In Russ.)]

9. Krashennnikov P.V. [Introduction to the Concept of the Unified Code of Civil Procedure of the Russian Federation]. Moscow: Statute Publishing House; 2015. (In Russ.)]

10. Naumova E.A. [Updated arbitration proceedings as a result of the implementation of the Concept of Development of the Judicial System of Russia in 2013–2020]. Moscow: Justicinform Publishing House; 2021. (In Russ.)]

11. Романов А.А. [Professional judicial representation in civil and arbitration proceedings in Russia: stages of the path]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskiy process = Arbitration and Civil Procedure*. 2023;(3):3–6. DOI: 10.18572/1812-383X-2023-3-3-6 (In Russ.)]

12. Svirin Yu.A. [Reflections on the civil process]. Moscow: Prometheus Publishing House; 2022. (In Russ.)]

13. Sokolova O.V. [The current state of the civil process]. *Centralniy nauchniy vestnik = Central Scientific Bulletin*. 2019;4(4S(69)):24–26. (In Russ.)]

14. Solov'eva T.V. [Analogy of law and analogy of law in civil proceedings]. *Grazhdanskoe pravo i grazhdanskoe sudoproizvodstvo: aktual'nye voprosy teorii i praktiki: Materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Civil law and civil proceedings: Topical issues of theory and practice: Materials of the VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Khabarovsk, 2022. (In Russ.)]

15. Tsikhotskii A.V. [Institute of Analogy in the mechanism of overcoming gaps in law]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Pravo = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Law*. 2011;7(2):67–75. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Попова Юлия Александровна*

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-9756-3189

Author ID: 671457

Мазуренко Максим Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-8913-6208

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia A. Popova*

Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Procedure and International Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-9756-3189

Author ID: 671457

Maksim A. Mazurenko

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Procedure and International Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-8913-6208

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-111-119>

ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ КРАЖИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БАНКОВСКОГО СЧЕТА И ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ОТ МОШЕННИЧЕСТВА С АНАЛОГИЧНЫМ ПРЕДМЕТОМ

Князькина А.К.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Князькина А.К. Проблемы отграничения кражи денежных средств с банковского счета и электронных денежных средств от мошенничества с аналогичным предметом. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(4):111–119. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-111-119>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Князькина Анастасия Константиновна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (900) 246-85-39

E-mail: knyazkina_a@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 01.09.2023

Статья принята к печати: 02.10.2023

Дата публикации: 23.10.2023

Аннотация: Целью работы выступает анализ теоретических и практических вопросов, связанных с разграничением различных форм хищения, а именно кражи и мошенничества, когда они были совершены в отношении такого специфического предмета, как денежные средства с банковского счета и электронные денежные средства.

Задача работы состоит в исследовании теоретических и практических аспектов квалификации хищений денежных средств, находящихся на банковском счете, и электронных денежных средств, включая анализ новейших рекомендаций Верховного Суда РФ, изложенных в обновленных редакциях постановлений Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» и «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

Методология исследования характеризуется использованием диалектического метода, а также современных общенаучных, частнонаучных и специальных методов: системно-структурного, нормативно-логического, сравнительного и др.

В **результате** проведенного исследования автор приходит к выводу о необходимости корректировки уголовного закона в целях более четкого разграничения кражи и мошенничества, когда они были совершены в отношении денежных средств с банковского счета и электронных денежных средств, и как следствие – правильной квалификации содеянного.

Ключевые слова: кража, мошенничество, электронные денежные средства, банковский счет, безналичные деньги, Уголовный кодекс, постановление Пленума Верховного Суда.

THE PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF THE THEFT OF FUNDS FROM A BANK ACCOUNT AND ELECTRONIC MONEY FROM THE FRAUD WITH A SIMILAR SUBJECT

Anastasiya K. Knyazkina
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Knyazkina A.K. The problems of differentiation of the theft of funds from a bank account and electronic money from the fraud with a similar subject. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(4):111–119. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-111-119>

CONTACT INFORMATION:

Anastasiya K. Knyazkina, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (900) 246-85-39

E-mail: knyazkina_a@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 01.09.2023

The article has been accepted for publication: 02.10.2023

Date of publication: 23.10.2023

Annotation: The purpose of the work is to analyze theoretical and practical issues related to the differentiation of various forms of theft, namely theft and fraud, when they were committed in relation to such a specific subject as money from a bank account and electronic money.

The task of the work is to study the theoretical and practical aspects of the qualification of theft of funds held in a bank account and electronic money, including the analysis of the latest recommendations of the Supreme Court of the Russian Federation, set out in the updated versions of the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery" and "On judicial practice in cases of about fraud, embezzlement and embezzlement."

The research methodology is characterized by the use of the dialectical method, as well as modern general scientific, private scientific and special methods: system-structural, normative-logical, comparative, etc.

As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that it is necessary to adjust the criminal law in order to more clearly distinguish theft and fraud when they were committed in relation to funds from a bank account and electronic money, and as a consequence – the correct qualification of the deed.

Keywords: theft, fraud, electronic money, bank account, non-cash money, Criminal Code, resolution of the Plenum of the Supreme Court.

Введение

15 декабря 2022 г. были внесены изменения¹ в постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. № 29² (далее – ППВС № 29) и «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»

¹ О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 38 // Российская газета. 2022. 28 дек.

² О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

от 30 ноября 2017 г. № 48¹ (далее – ППВС № 48), направленные на разъяснение ряда вопросов, связанных с правильной квалификацией указанных форм хищений, и требующие определенного научного комментария.

Так, положения п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ предусматривают ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (далее – ЭДС) (при отсутствии признаков мошенничества с использованием электронных средств платежа), в связи с чем в практике возникает проблема правильной квалификации кражи с учетом указанного квалифицирующего признака, а также отграничения кражи от мошенничества, совершенного при аналогичных обстоятельствах. Очевидно, что формы хищений различаются между собой по неправомерному способу завладения имуществом [3, с. 108], однако фактическое отграничение одной формы от другой зачастую вызывает у правоприменителей определенные сложности.

Методы исследования

При проведении исследования автором использован диалектический метод, а также современные общенаучные, частнонаучные и специальные методы: системно-структурный, нормативно-логический, сравнительный и др.

В совокупности указанные методы позволили комплексно рассмотреть исследуемый вопрос и предложить собственные пути решения существующих проблем.

Результаты исследования

Несмотря на существующие разъяснения Верховного Суда РФ, вопросы отграничения кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении ЭДС, от мошенничества в сфере компьютерной информации, совершенное в отношении аналогичного предмета, и от мошенничества с использованием электронных средств платежа, остаются. В этой связи видится необходимым скорректировать уголовный закон в целях более четкого разграничения кражи и мошенничества, когда они были совершены в отношении денежных средств с банковского счета и электронных денежных средств. В литературе как один из вариантов, в целях исключения путаницы между формами хищения предлагается сформулировать отдельную норму «Хищение с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» (по аналогии с мелким хищением), устанавливающую ответственность за совершение хищения указанного «предмета» независимо от его формы [12, с. 119–120]. Однако представляется неверным дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от наличия/отсутствия физической формы существования предмета преступления. Потому необходимо исключить п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, а примечание к ст. 158 УК РФ дополнить соответствующим пунктом, определяющим понятие «чужое имущество», в котором следует специально указать, что к таковому относятся в том числе денежные средства, находящиеся на банковском счете, а равно электронные денежные средства. Аналогичным образом следует изменить и норму о мошенничестве.

Научная дискуссия

В первую очередь, необходимо отметить, что кража представляет собой *тайное хищение чужого имущества*. При этом, согласно п. 2 ППВС № 29, как таковое надлежит оценивать действия лица, осуществившего противоправное изъятие соответствующего предмета в отсутствие законного владельца этого имущества, либо третьих лиц, или хотя и в их присутствии, но незаметно для них. Если указанные лица заметили, что происходит хищение, но лицо, его совершающее, исходя из сложившейся ситуации, считало, что действует тайно, деяние надлежит рассматривать как тайное хищение.

При этом следует квалифицировать как кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении ЭДС, тайное изъятие таковых, например, когда соответствующие безналичные расчеты или снятие через банкомат наличных денежных средств произведены с применением поддельной или действительной, но чужой, т.е. не принадлежащей виновному платежной карты. Таким же образом оцениваются действия лица и в том случае, когда оно тайно завладело электронными денежными средствами либо средствами с банковского счета, применив требуемые для приобретения доступа к ним конфиденциальные сведения обладателя денежных средств (в том числе, информацию о платежной карте, пароли, контрольную информацию, личные данные собственника и т.д.) (п. 25¹ ППВС № 29).

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Аналогичное положение содержится в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30 ноября 2017 г. № 48: действия лица квалифицируются как кража в случаях, когда безналичные денежные средства были похищены с применением необходимых для получения доступа к ним конфиденциальных сведений обладателя платежной карты (в том числе, информацию о платежной карте, пароли, контрольную информацию, личные данные собственника и т.д.), которые были предоставлены виновному непосредственно самим владельцем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием.

Так, как кража были квалифицированы действия подсудимой при следующих обстоятельствах. Потерпевшей был открыт расчетный счет в ПАО «Сбербанк», получена банковская карта, к которой подключена функция (услуга) «мобильный банк» к абонентскому номеру оператора ПАО «Вымпелком». Впоследствии потерпевшей был утерян мобильный телефон с сим-картой с указанным абонентским номером, однако ею не были предприняты меры для отключения от абонентского номера функции (услуги) «мобильный банк» своей банковской карты. В связи с длительным периодом неиспользования и отсутствия в сети оператора данный абонентский номер был вновь выпущен оператором ПАО «Вымпелком» в обращение и приобретен подсудимой в личное пользование. На указанный абонентский номер поступило смс-сообщение с номера «900», содержащее информацию о зачислении на банковскую карту, не принадлежащую подсудимой, денежных средств, фактически принадлежащих незнакомой ей потерпевшей, в связи с чем у подсудимой возник преступный умысел завладеть указанными денежными средствами путем их перевода с помощью функции (услуги) «мобильный банк», который и был ею реализован¹.

В обновленной редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ особо оговариваются момент окончания рассматриваемого вида квалифицированной кражи и вопросы территориальной подсудности. Согласно п. 25² ППВС № 29, такую кражу следует считать *оконченной* с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или ЭДС, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб. Поэтому, как справедливо отмечается в литературе, вопрос о стадии реализации преступного намерения виновного решается в том числе с учетом того, была ли заблокирована банковская карта ее владельцем и являлось ли наличие денежных средств достаточным для выполнения операций по покупке товаров или при оказании услуг [6, с. 45].

Исходя из особенностей предмета и способа данного преступления *местом его совершения* является, как правило, место совершения лицом действий, направленных на незаконное изъятие денежных средств (например, место, в котором лицо с использованием чужой или поддельной платежной карты снимает наличные денежные средства через банкомат либо осуществляет путем безналичных расчетов оплату товаров или перевод денежных средств на другой счет).

В соответствии с п. 25³ ППВС № 29, *территориальную подсудность* уголовного дела о краже денежных средств с банковского счета или ЭДС следует определять по месту совершения лицом действий, направленных на незаконное изъятие денежных средств, а при наличии других указанных в законе обстоятельств – в соответствии с ч. 2–4 и 5¹ ст. 32 УПК РФ (например, при совершении нескольких преступлений в разных местах уголовное дело рассматривается судом, юрисдикция которого распространяется на то место, где совершено большинство расследованных по данному уголовному делу преступлений или совершено наиболее тяжкое из них).

Таким образом и была определена подсудность нескольких похожих краж (6 эпизодов), совершенных в разных районах г. Краснодара (хотя еще до принятия соответствующего пункта ППВС № 29) группой лиц по предварительному сговору при аналогичных обстоятельствах. Так, один из подсудимых, приискав потерпевшего, заводил с ним разговор, после чего попросил осуществить с помощью телефона перевод денежных средств в размере незначительной суммы на его расчетный счет, взамен передав потерпевшему указанную сумму наличными денежными средствами. Потерпевший соглашался, открывал в своем телефоне мобильное приложение «Сбербанк Онлайн», в этот момент подсудимый выхватывал из рук потерпевшего его мобильный телефон под предлогом

¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Краснодара от 12 марта 2021 г. по делу № 1-110/2021 [сайт]. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»; 2023 [процитировано 25 июня 2023]. Доступно: https://krasnodar-oktybrsky--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=13907429&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

осуществления срочного звонка, после чего отходил в сторону. В этот момент второй подсудимый продолжал разговор с потерпевшим с целью отвлечения его внимания от первого подсудимого и его действий с мобильным телефоном. В свою очередь первый подсудимый, воспользовавшись тем, что его преступные действия незаметны для окружающих и потерпевшего, используя мобильный телефон потерпевшего, через мобильное приложение «Сбербанк Онлайн» осуществлял операции онлайн перевода денежных средств в значительном размере, тем самым похитив имущество потерпевшего¹.

В то же время в литературе справедливо критикуется помещение законодателем п. «г» именно в ч. 3 ст. 158 УК РФ и придание краже, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, статуса тяжкого преступления независимо от суммы похищенного [1, с. 22–23; 10, с. 83]. Следует согласиться с авторами, указывающими на недопустимость дифференциации уголовной ответственности в зависимости от наличия / отсутствия физической формы существования предмета преступления, ключевую роль здесь должен играть именно способ неправомерного завладения². При этом нельзя не отметить, что неквалифицированное мошенничество с использованием электронных средств платежа оценивается законодателем как преступление небольшой тяжести [4, с. 21], а мошенничества в сфере компьютерной информации, совершенное с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, – также как тяжкое преступление, что не соответствует общественной опасности содеянного [9, с. 108–109], а следовательно – принципу справедливости [7, с. 51–52], изложенному в ст. 6 УК РФ.

Также в литературе обоснованно поднимается вопрос, как квалифицировать насильственное завладение банковской картой либо иным предметом, в том числе информационным носителем, с помощью которого осуществляется доступ к банковскому счету или электронному кошельку, с целью дальнейшего снятия с нее денежных средств. В частности, предлагается рассматривать это деяние как разбой, когда совершается нападение в целях завладения имуществом, однако возможность квалификации содеянного как грабеж автором исключается, поскольку последний сконструирован как материальный состав, но сами по себе указанные предметы материальной ценности не представляют, а лишь являются приготовлением к дальнейшему хищению в форме кражи. Факт же применения насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевшего, следует оценивать в соответствии с общими нормами о преступлениях против личности [8, с. 142–143]. Однако, как представляется, такой подход не учитывает степень общественной опасности содеянного, а потому в полном объеме согласиться с изложенной точкой зрения не представляется возможным. В целом, данный вопрос также требует самостоятельного разъяснения в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Мошенничество определяется законодателем как хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием. При этом *обман* может заключаться как в намеренном сообщении (представлении) не соответствующих действительности (заведомо ложных) сведений, так и в сокрытии (умолчании) истинных фактов, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение. Высказываемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям.

Если обман не был непосредственно нацелен на завладение чужим имуществом, а применялся только для облегчения доступа к нему, действия виновного в зависимости от тайного либо открытого способа хищения образуют соответственно состав кражи или грабежа.

Злоупотребление доверием при мошенничестве состоит в использовании с корыстной целью доверительных отношений, сложившихся с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Такое доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например служебным положением лица

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Краснодара от 06 июня 2022 г. по делу № 1-149/2022 [сайт]. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»; 2023 [цитировано 25 июня 2023]. Доступно: https://krasnodar-leninsky--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=221390244&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

² Немова М.А. Альтернативные средства расчета как предмет и средство совершения преступлений в сфере экономики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 82–86.

либо его личными отношениями с потерпевшим. Злоупотребление доверием имеет место также в случаях принятия лицом на себя обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить с целью завладения чужим имуществом или правом на него (например, получение физическим лицом кредита, аванса за выполнение работ, услуг, предоплаты за поставку товара, если оно заведомо не намеревалось возвращать долг или иным образом исполнять свои обязательства).

При этом, помимо общей нормы о мошенничестве (ст. 159 УК РФ), в УК РФ предусмотрено несколько его специальных видов, в частности, в качестве самостоятельных разновидностей выделяются мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159³ УК РФ) и мошенничество в сфере компьютерной информации [11, с. 237], совершенное с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «в» ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ).

В литературе справедливо отмечается, что в настоящее время разграничение кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, и мошенничества с использованием электронных средств платежа представляется затруднительным, поскольку остается неясным, в чем может быть выражен и на кого направлен обман при совершении такого мошенничества [14, с. 45].

Как представляется, исходя из действующей редакции ст. 159³ УК РФ, как мошенничество с использованием электронных средств платежа должно квалифицироваться деяние, когда под влиянием обмана потерпевший добровольно сам переводит безналичные денежные средства или ЭДС со своего счета на счет виновного [5, с. 139].

При этом в настоящее время ст. 159³ УК РФ используется крайне редко¹, однако примерно до середины 2021 г. практика применения данной нормы складывалась иным образом, и как такое мошенничество квалифицировались случаи оплаты лицом товаров, используя чужую банковскую карту [15, с. 28–29], «при введении продавцов в заблуждение путем умолчания о незаконном владении банковской картой». Однако некоторые авторы до сих пор придерживаются противоположной позиции [2, с. 3–8].

На это обратил внимание Верховный Суд РФ, который указал на ошибку нижестоящему суду в Кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 01 июня 2021 г. № 5-УДП21-44-К2, неверно квалифицировавшему как мошенничество хищение денежных средств путем оплаты товаров с использованием чужой банковской карты: «Как следует из материалов уголовного дела, осужденный, завладев банковской картой ранее неизвестного ему потерпевшего К., которую тот после совершения операций забыл в банкомате, оплачивал ею товары в магазинах бесконтактным способом. Работники торговых организаций не принимали участия в осуществлении операций по списанию денежных средств с банковского счета при оплате товаров осужденным. Соответственно, осужденный ложные сведения о принадлежности карты сотрудникам торговых организаций не сообщал и в заблуждение их не вводил»².

Мошенничество *в сфере компьютерной информации* представляет собой хищение чужого имущества или завладение правом на него посредством введения, исключения, блокирования, изменения компьютерной информации либо иного воздействия на нормальную работу средств накопления, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 159⁶ УК РФ). Согласно п. 20 ППВС № 48, воздействием на нормальную работу средств накопления, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей является намеренное влияние с использованием программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, компьютеры (средства вычислительной техники), в том числе портативные (переносные) – смартфоны, планшетные компьютеры, ноутбуки, оснащенные специальным программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое воздействуют на стандартный процесс обработки, накопления, транслирования компьютерной информации, что дает возможность лицу преступно получить доступ к чужому имуществу или право на него.

¹ Что позволило А.П. Перетолчину предложить вообще отказаться от данной нормы, дополнив ст. 159 УК РФ квалифицированным составом мошенничества с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, цифровых валют, цифровых финансовых активов. См.: Перетолчин А.П. Уголовная ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2022. С. 19.

² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 за 2021 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 ноября 2021 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное с использованием незаконного доступа к компьютерной информации или с помощью изготовления, применения и распространения компьютерных вредоносных программ, должно быть квалифицировано по совокупности соответственно со ст. 272, 273 или 274¹ УК РФ.

В случаях, когда хищение происходит с применением учетных данных законного владельца имущества вне зависимости от того, каким образом был получен доступ к соответствующей информации (тайно либо путем обмана виновный использовал телефон потерпевшего, который пользуется услугой «мобильный банк», прошёл идентификацию в системе интернет-платежей под данными другого лица, которые стали ему известны, и т.п.), такие действия должны рассматриваться как кража, если субъект не оказывал непосредственного противоправного влияния на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети. Однако следует иметь в виду, что модификация сведений о состоянии банковского счета и (или) о перемещении денежных средств, осуществленные в процессе применения лицом идентификационных сведений потерпевшего, не могут рассматриваться как такое воздействие.

Если хищение чужого имущества или приобретение права на него производились посредством распространения заведомо не соответствующих действительности данных в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет» (например, создание фальшивых сайтов благотворительных организаций, интернет-магазинов, использование электронной почты), то такое мошенничество образует преступление, предусмотренное ст. 159, а не 159^б УК РФ (п. 21 ППВС № 48).

Так, как мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное с банковского счета, а равно в отношении ЭДС, были квалифицированы действия подсудимой, которая, будучи специалистом офиса обслуживания и продаж ПАО «Вымпелком», обладая навыками работы в компьютерной программе «1С», имея присвоенный индивидуальный и конфиденциальный логин и пароль, требуемый для работы в указанной компьютерной программе, содержащей персональные данные клиентов ПАО «Вымпелком» и персональные данные их лицевых счетов, под своими индивидуальными и учетными данными осуществила доступ в компьютерную программу «1С», не имея соответствующего заявления клиента, выбрала абонентский номер с привязанным к нему лицевым счетом, подделав заявление клиента на замену СИМ-карты, осуществила перевыпуск СИМ-карты и произвела модификацию компьютерной информации, получив возможность пользоваться лицевым счетом с находящимися на нем деньгами, принадлежащими ПАО «Вымпелком». Впоследствии подсудимая, модифицировав компьютерную информацию, используя выпущенную СИМ-карту и свой сотовый телефон, с лицевого счета абонента в сети «Интернет» оплатила покупку товара, затем перевела деньги на счет своей банковской карты и на счет своего «Qiwi-кошелька»¹.

По общему правилу, мошенничество признается *оконченным* с момента, когда имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению. Однако Пленум Верховного Суда РФ в п. 5 ППВС № 48 специально отмечает, что если предметом мошенничества выступают безналичные денежные средства, в том числе ЭДС, то его считать *оконченным* с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб.

Местом совершения такого мошенничества, исходя из особенностей его предмета и способа, является, как правило, место совершения лицом действий, связанных с обманом или злоупотреблением доверием и направленных на незаконное изъятие денежных средств.

Особо в п. 5¹ ППВС № 48 оговариваются вопросы *территориальной подсудности* уголовного дела о мошенничестве, предметом которого являются безналичные денежные средства. Как и в случае с кражей Верховный Суд РФ рекомендует судам определять ее по месту совершения лицом действий, направленных на незаконное изъятие денежных средств, а при наличии других указанных в законе обстоятельств – в соответствии с ч. 2–4 и 5¹ ст. 32 УПК РФ (например, при совершении нескольких

¹ Приговор Октябрьского городского суда Республики Башкортостан от 29 июля 2020 г. по делу № 1-243/2020 [сайт]. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»; 2023 [процитировано 26 июня 2023]. Доступно: https://oktabrsky--bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6717366&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

преступлений в разных местах уголовное дело рассматривается судом, юрисдикция которого распространяется на то место, где совершено большинство расследованных по данному уголовному делу преступлений или совершено наиболее тяжкое из них).

Таким образом, Верховный Суд РФ поставил точку в длительной научной дискуссии [13, с. 123; 16] относительно места совершения данного преступления с учетом специфики предмета.

Тем не менее, в приведенных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ не были разрешены все вопросы, касающиеся разграничения различных форм хищений, когда они совершаются с банковского счета либо в отношении ЭДС. Для правильной квалификации содеянного требуется внесение изменений непосредственно в текст УК РФ.

Список использованной литературы:

1. Алехин В.П., Булавка Д.М. Проблемы квалификации хищения электронных денежных средств. *Эпомен*. 2019;(34):20–25.
2. Архипов А.В. Разграничение кражи с банковского счета и мошенничества с использованием электронных средств платежа. *Уголовное право*. 2021;(7(131)):3–8.
3. Вавина А.Д. Проблемы квалификации кражи, совершенной с банковского счета либо в отношении электронных денежных средств. *Молодой ученый*. 2020;(39(329)):106–108.
4. Евстратенко Е.В. Хищение с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Право*. 2020;20(2):19–23. DOI: 10.14529/law200203.
5. Евтущенко И.И. Практическое применение новелл уголовного закона о хищении электронных денежных средств и с использованием электронных средств платежа. *Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения). Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции*. Под общ. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2019.
6. Егошина Г.А., Файзрахманов Н.Ф. О некоторых вопросах уголовной ответственности за хищения денежных средств с банковского счета. *Марицкий юридический вестник*. 2021;(4(36)):42–46.
7. Иванчин А.В., Смоляков А.Н. Кража и компьютерное мошенничество, совершенные с банковского счета или в отношении электронных денежных средств: проблемы дифференциации ответственности. *Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки*. 2020;(3):50–55.
8. Карпов К.Н. Особенности квалификации хищений с банковского счета либо электронных денежных средств. *Вестник Омского университета. Серия: Право*. 2019;(16(3)):138–145. DOI: 10.25513/1990-5173.2019.16(3).138-145.
9. Петров С.А. Проблемные аспекты краж с банковских счетов и электронных денежных средств. *Право и практика*. 2020;(3):107–111.
10. Романова Д.С. Особенности расследования хищений электронных денежных средств. *Научные горизонты*. 2020;(1(29)):81–86.

References:

1. Alekhin V.P., Bulavka D.M. [Problems of qualification of theft of electronic money]. *Epomen = Epomen*. 2019;(34):20–25. (In Russ.)]
2. Arkhipov A.V. [Differentiation of theft from a bank account and fraud using electronic means of payment]. *Ugolovnoye pravo = Criminal law*. 2021;(7(131)):3–8. (In Russ.)]
3. Vavina A.D. [Problems of qualification of theft committed from a bank account or in relation to electronic funds]. *Molodoj uchenyj = Young scientist*. 2020;(39(329)):106–108. (In Russ.)]
4. Evstratenko E.V. [Embezzlement from a bank account, as well as in relation to electronic funds]. *Vestnik YUUrGU. Seriya: Pravo = Bulletin of SUSU. The series: Law*. 2020;(20(2)):19–23. DOI: 10.14529/law200203. (In Russ.)]
5. Evtushenko I.I. [Practical application of the novelties of the criminal law on the theft of electronic money and using electronic means of payment]. *Ugolovno-pravovoe vozdejstvie i ego rol' v preduprezhdenii prestupnosti (IV Saratovskie ugolovno-pravovye chteniya). Sbornik statej po materialam IV Vserossijskoj nauch-no-prakticheskoj konferencii = Criminal law impact and its role in crime prevention (IV Saratov Criminal Law Readings). Collection of articles based on the materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference*. Ed. by N.A. Lopashenko. Saratov, 2019. (In Russ.)]
6. Egoshina G.A., Faizrahmanov N.F. [On some issues of criminal liability for embezzlement of funds from a bank account]. *Marijskij juridicheskij vestnik = Mari Legal Bulletin*. 2021;(4(36)):42–46. (In Russ.)]
7. Ivanchin A.V., Smolyakov A.N. [Theft and computer fraud committed from a bank account or in relation to electronic money: problems of differentiation of responsibility]. *Vestnik YArGU. Seriya: Gumanitarnye nauki = Herald of YarGU. Series: Humanities*. 2020;(3):50–55. (In Russ.)]
8. Karpov K.N. [Features of the qualification of embezzlement from a bank account or electronic money]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Omsk University. The series: Law*. 2019;(16(3)):138–145. DOI: 10.25513/1990-5173.2019.16(3).138-145. (In Russ.)]
9. Petrov S.A. [Problematic aspects of thefts from bank accounts and electronic funds]. *Pravo i praktika = Law and practice*. 2020;(3):107–111. (In Russ.)]
10. Romanova D.S. [Features of investigation of theft of electronic funds]. *Nauchnye gorizonty = Scientific horizons*. 2020;(1(29)):81–86. (In Russ.)]

11. Смоляков А.Н. Техника квалификации имущественных преступлений, совершаемых в отношении электронных денежных средств и денежных средств на банковском счете. *Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе*. 2021;(10):227–238.

12. Чернякова А.В. Вопросы криминализации хищений с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2020;(2(39)):115–120. DOI: 10.51980/2542-1735_2020_2_115.

13. Швейгер А.О. Место совершения мошенничества в отношении безналичных денежных средств, совершаемого при помощи средств компьютерной техники и мобильной связи. *Уголовное право*. 2019;(3):121–127.

14. Шугалей П.Б. Соотношение составов мошенничества, предусмотренного статьей 159³ Уголовного кодекса Российской Федерации, и кражи с банковского счета. *Научный компонент*. 2021;(2(10)):41–45. DOI: 10.51980/2686-939X_2021_2_41.

15. Юрова О.В. Проблемы квалификации преступлений, связанных с хищением электронных денежных средств. *Право и общество*. 2022;(1(6)):27–30.

16. Яни П.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа. *Законность*. 2019;(7):39–43.

11. Smolyakov A.N. [Technique of qualification of property crimes committed in relation to electronic money and cash in a bank account]. *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava na sovremennom etape = Actual problems of criminal law and at the present stage*. 2021;(10):227–238. (In Russ.)]

12. Chernyakova A.V. [Issues of criminalization of embezzlement from a bank account, as well as in relation to electronic money]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(2(39)):115–120. DOI: 10.51980/2542-1735_2020_2_115. (In Russ.)]

13. Shveiger A.O. [The place of fraud in respect of non-cash funds committed with the help of computer equipment and mobile communications]. *Ugolovnoye pravo = Criminal law*. 2019;(3):121–127. (In Russ.)]

14. Shugaley P.B. [The ratio of the components of fraud provided for by Article 159³ of the Criminal Code of the Russian Federation and theft from a bank account]. *Nauchnyj component = Scientific component*. 2021;(2(10)):41–45. DOI: 10.51980/2686-939X_2021_2_41. (In Russ.)]

15. Yurova O.V. [Problems of qualification of crimes related to the theft of electronic money]. *Pravo i obshchestvo = Law and Society*. 2022;(1(6)):27–30. (In Russ.)]

16. Yani P.S. [Fraud using electronic means of payment]. *Zakonnost' = Legality*. 2019;(7):39–43. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Князькина Анастасия Константиновна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasiya K. Knyazkina

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

СОДЕРЖАНИЕ И НАЗНАЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Чирков Ф.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Чирков Ф.В. Содержание и назначение традиционных российских духовно-нравственных ценностей. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(4):120–129. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-120-129>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Чирков Филипп Викторович, кандидат юридических наук, докторант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», заслуженный юрист Кубани

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918)-025-55-55

E-mail: Fil-chirkov@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 11.09.2023

Статья принята к печати: 11.10.2023

Дата публикации: 23.10.2023

Аннотация: Целью работы является обоснование основных методологических подходов к пониманию содержания, смысла и назначения традиционных российских-духовных нравственностей, позволяющего адаптировать официально утвержденную аксиологическую систему к потребностям правового регулирования и правового анализа.

Методы исследования: аналитический и формально-логический, примененные в русле концептуальных требований конституционной аксиологии, историко-культурных и кросс-культурных исследований.

Результаты исследования: обоснована недопустимость признания нормативной фиксации традиционных ценностей проявлением утверждения официальной идеологии; доказана целесообразность правовых исследований традиционных ценностей исключительно в рамках концепта безопасности и ее обеспечения; аргументирован недопустимый характер противопоставления российских ценностей ценностям западной цивилизации, а традиционных ценностей – ценностям либерализма; установлен консервативный характер содержания традиционных российских ценностей; подтверждена возможность расширения номенклатуры традиционных ценностей с ограничениями, заданными их функциональным назначением.

Выводы: только верное определение методологических основ понимания и исследования традиционных ценностей позволит конвертировать их в ресурс развития и безопасности, избегая при этом недопустимого нарушения конституционных запретов на установление официальной идеологии и поддержку экстремизма.

Ключевые слова: стратегия безопасности, официальная идеология, традиционные ценности, ценности постмодерна, нравственная политика.

CONTENT AND PURPOSE OF TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Philip V. Chirkov

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Chirkov F.V. Content and purpose of traditional Russian spiritual and moral values. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(4):120–129. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-120-129>

CONTACT INFORMATION:

Philip V. Chirkov, Cand. of Sci. (Law), Doctoral student of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University", Honored Lawyer of Kuban

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918)-025-55-55

E-mail: Fil-chirkov@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 11.09.2023

The article has been accepted for publication: 11.10.2023

Date of publication: 23.10.2023

Annotation: The aim of the work is to substantiate the main methodological approaches to understanding the content, meaning and purpose of traditional Russian-spiritual morals, which allows adapting the officially approved axiological system to the needs of legal regulation and legal analysis.

Research methods: analytical and formal-logical, applied in line with the conceptual requirements of constitutional axiology, historical-cultural and cross-cultural studies.

The results of the study: the inadmissibility of recognizing the normative fixation of traditional values as a manifestation of the approval of official ideology is substantiated; the expediency of legal studies of traditional values exclusively within the framework of the concept of security and its provision is proved; the unacceptable nature of the opposition of Russian values to the values of Western civilization, and traditional values to the values of liberalism is argued; the conservative nature of the content of traditional Russian values is established; the possibility of expanding the nomenclature of traditional values with restrictions set by their functional purpose is confirmed.

Conclusions: only the correct definition of the methodological foundations for understanding and researching traditional values will allow them to be converted into a resource for development and security, while avoiding unacceptable violations of constitutional prohibitions on establishing an official ideology and supporting extremism.

Keywords: security strategy, official ideology, traditional values, postmodern values, moral policy.

Введение

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей дают определение ценностей в качестве нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России и укрепляющих гражданское единство¹. Такое нормативное оформление системы общественных ценностей требует тщательного анализа данной конструкции, прежде всего ее идеологической составляющей, с тем чтобы обеспечить адекватную имплементацию ценностей в правовое поле страны при строгом соблюдении конституционных положений об идеологическом многообразии, запрете экстремизма и обеспечении светского характера российского государства. Решение этой задачи предполагает анализ не только содержания

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

самих ценностей, но и их места в системе нормативных регуляторов, и функционального предназначения.

Методы исследования

Предлагаемое исследование базируется на основных достижениях аксиологии как философской науки о ценностях, а также на принципах конституционной аксиологии. Теоретической основой выступают результаты историко-культурных и кросс-культурных исследований ценностей, выявляющие общее и особенное в аксиологической системе российского и западного общества. В качестве ведущих методов использованы, прежде всего, аналитический (для выявления смысла и назначения конструкции традиционных ценностей, их понимания в современной науке) и формально-логический (для обеспечения правовой транслитерации и интерпретации философских и культурологических понятий).

Результаты исследования

Подводя итоги исследования, представляется возможным сформулировать несколько кратких тезисов, значимых для продолжения научной дискуссии относительно правового содержания и значения традиционных духовно-нравственных ценностей:

– во-первых, официальная легитимация системы традиционных ценностей не должна восприниматься как попытка обойти конституционные предписания относительно запрета установления государственной идеологии; идея нормативного оформления традиционных ценностей возникла и реализована в отечественном политико-правовом пространстве не в связи с формированием каких-либо официальных рамок, ограничивающих идеологическое многообразие, а в связи с темой безопасности;

– во-вторых, ценностями следует считать значимые для личности, общества и государства в целом ориентиры или идеалы, которые исторически выработаны общественным сознанием и отражают обобщенные представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни; в таком качестве традиционные ценности задают ориентиры в определении объектов безопасности и средств ее обеспечения;

– в-третьих, нормативная презентация ценностей как российских не предполагает конфронтационную логику их анализа и оценок в сравнении с ценностями иных цивилизаций, культур и государств, равно как их презентация в качестве традиционных не связана с возрождением патриархальной идеологии;

– в-четвертых, политико-правовое решение о защите традиционных ценностей означает защиту личности, общества и государства от непредсказуемых социальных трансформаций, которые потенциально возможны и реально наблюдаются не только в России, но и в любой точке мира в условиях распространения десоциализирующих и дегуманизирующих идей постмодерна;

– в-пятых, номенклатура традиционных российских духовно-нравственных ценностей отражает общественные идеалы модерна, причем не соотносимые жестко с правым или левым флангом идеологического спектра; в то же время идейной платформой, обеспечивающей интерпретацию содержания и системное прочтение ценностей, выступает консерватизм;

– в-шестых, содержание системы традиционных российских духовно-нравственных ценностей определено их двудейным назначением: служить в качестве основания, целевых ориентиров и критериев оценки государственной политики, с одной стороны, и обеспечивать поддержку, одобрение этой политики гражданами, – с другой; тем самым ценности наполняют государственную, в том числе правоохранительную и правозащитную, деятельность идейным смыслом и дополнительно легитимируют в общественном сознании саму государственную деятельность, позволяя соотнести ее с моральными нормами и дать моральную оценку.

Научная дискуссия

А). Ценности – не идеология, а основа безопасности.

Факт официального властного подтверждения некоторой системы ценностей и идеалов с необходимостью поставил вопрос о том, не является ли такое решение нарушением установленного ст. 13 Конституции РФ конституционного запрета государственной или обязательной идеологии.

В научной литературе А.Л. Бредихиным была высказана мысль о том, что нормативное утверждение системы ценностей стало «легализацией общественного мировоззрения», которое завершило «формирование целостной государственной идеологической системы» [6, с. 50 51; 7, с. 189]. Сознательно избегая понятия «государственная идеология» и используя менее жесткий оборот «идеологическая доминанта», он по факту именно идеологией признает традиционные российские духовно-нравственные ценности, как закрепленную в нормативных актах

основополагающую идеологическую установку, определяющую направление идеологической деятельности государства [8, с. 12].

Между тем, какие бы термины не использовать, они не могут преодолеть конституционного запрета на официальную идеологию. В нашем представлении официальная легитимация системы традиционных ценностей не должна восприниматься как попытка обойти конституционные предписания. Это утверждение основывается, прежде всего, на анализе генезиса нормативных предписаний, закрепляющих ценностные ориентиры российского общества, а также места этих предписаний в общей нормативной системе.

Сама идея традиционных ценностей возникла в отечественном политико-правовом пространстве не в связи с формированием каких-либо официальных рамок, ограничивающих идеологическое многообразие, а в связи с темой безопасности. Первые нормативные упоминания о них мы встречаем в Стратегии национальной безопасности 2015 года¹, а затем и Стратегии 2021 года².

Иными словами, традиционные ценности, согласно позиции государства, были призваны не вытеснить из идейного поля россиян иные мировоззренческие установки, но выступить в качестве своеобразного идеологического рубежа безопасности. Ценности – идейная основа построения системы государственной, общественной и личной безопасности. И именно в этом качестве их следует воспринимать. Традиционные ценности задают ориентиры в определении объектов безопасности и средств ее обеспечения; наполняют правоохранительную и правозащитную деятельность идейным смыслом, тем самым дополнительно легитимируют в общественном сознании саму государственную деятельность, позволяя соотнести ее с моральными нормами и дать моральную оценку. При этом, вводя моральное измерение государственной политики, ценности одновременно создают определенные ограничения для самой политики, очерчивая ее моральные, нравственные границы.

Б). Традиционные российские ценности – не антипод «западных» ценностей.

В общественно-политической литературе российские весьма часто воспринимаются, прежде всего, в качестве «иммунного щита» от идейного и иного влияния так называемого «Запада». Типичны в этом отношении следующие высказывания: «Российская цивилизация осуществляет противодействие западной духовной экспансии на основе философии смысла жизни человечества» [5, с. 34, 35]; целью «внедрения» западных ценностей в российское общество является «не продвижение прав и свобод наших граждан, а духовная колонизация нашей страны с последующей интеграцией в новый мировой порядок, выстроенный англосаксонскими государствами» [3, с. 86]; «ценности, которые сегодня навязываются миру со стороны стран Запада, в корне противоречат традиционным ценностям нашей страны, многих других стран» [9, с. 64].

Такой подход, как представляется, не имеет ничего общего с научным осмыслением аксиологических систем и служит лишь средством выражения личных, эмоциональных, политических пристрастий, на что уже обращал внимание С.А. Мальченков [13, с. 109]. Изначальное противопоставление задает конфронтационную логику анализа и оценок («их» ценности – искусственные, «наши» – естественные, «их» – навязанные, «наши» – прирожденные, «их» – фальшивые, «наши» – подлинные и пр.); создает реальные предпосылки для недопустимых ни в науке, ни в общественной практике экстремистских суждений, оправдывающих разделение общества на группы, стигматизацию одних и восхваление других.

Однако глубокие и очищенные от политических манипуляций рассуждения с необходимостью приводят к мысли о том, что российские ценности не есть ценности антизападные, что многое из того, что объявлено ценностями российского общества, с полным основанием входит в систему ценностных ориентиров самых разных обществ, как западного, так и восточного типа.

Об этом прямо и публично высказывался Президент РФ³. Это обстоятельство подчеркивается и в официальных документах⁴. Специальные исследования ценностных ориентиров Европы также

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 83 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). – Ст. 5351.

³ Прямая линия с Владимиром Путиным [сайт]. Администрация Президента России; 2023 [процитировано 24 августа 2023]. Доступно: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20796>.

⁴ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ

свидетельствуют, что при всех существующих различиях, в фундаментальных своих основаниях они мало отличаются от российского ценностного набора [15]. «Преобладающая часть европейских ценностей основывается на традиционной христианской морали, воплощаемой в идеалах и принципах протестантской этики (уважения к труду, любви и сострадания к ближнему и пр.)»; универсальные ценности, разделяемые Европой – уважение человеческого достоинства, неприкосновенные и неотчуждаемые права человеческой личности, свобода, демократия, равенство и правовое государство [2; 11].

С учетом этих обстоятельств притязательное определение «российские» в лексической единице «российские традиционные ценности» не должно восприниматься в качестве эксклюзивной и тем более этнической характеристики соответствующих ценностных ориентиров. Оно не свидетельствует о генезисе ценностей и ни в коей мере не должно служить основанием для противопоставления или отторжения их от системы ценностей Европы или любой иной части света. «Российский» в данном контексте – это лишь признание факта того, что ценности разделяются российским обществом, но в этом своем статусе они не претендуют на исключительность номенклатуры самих ценностей.

Едва ли можно серьезно утверждать о том, что ценности прав человека, патриотизма, милосердия справедливости и т.д. принадлежат исключительно русской культуре, даже если понимать русскую культуру широко, в цивилизационном ключе, как культуру «Русского мира». Все это общие ценности человеческой цивилизации.

Рассуждая таким образом, мы не стремимся обосновать отсутствие различий в западном и российском подходах к трактовке содержания ценностей. Важно в данном случае проводить различия между номенклатурой ценностей и содержанием каждой из них. Как показывают специальные исследования, оценка расхождения между ними является вполне выраженной, причем в сторону все большего противопоставления России и западной цивилизации в вопросе восприятия традиционных ценностей [14]. Мы утверждаем лишь о том, что российская трактовка ценностей не должна восприниматься как повод к противопоставлению, противостоянию, разделению и изоляции, а равно о том, что консервативная трактовка ценностей не должна восприниматься как исключительно российская.

В). Традиционные ценности как антипод ценностей постмодерна.

Именно в содержательной интерпретации ценностей и следует пытаться искать отличия российских ценностей от ценностей иных культур. Ориентиром в этом случае может служить слово «традиционные». Однако и оно нуждается в особом понимании. Традиционные – это не старые, автохтонные ценности, это не патриархальные ценности эпохи Поучений и Домостроя. Равно как «российские» – не характеристика источника происхождения, так и «традиционные» – не характеристика времени существования или создания ценностей. Традиционные ценности – есть ценности современные. И не потому, что они актуализированы посредством их введения в официальный политико-правовой оборот, а потому, что они реально присутствуют в культурном пространстве страны (причем, не только России) в качестве некоего противовеса ценностям иного порядка. С точки зрения законов формальной логики, этот «иной порядок» следовало бы назвать нетрадиционными ценностями. Однако ввиду его неблагозвучности в общественно-политическом дискурсе используется иной термин, по сути, являющийся синонимичным, это – «неолиберальные ценности» или «ценности неолиберализма»¹.

В нашу задачу не может входить анализ содержания неолиберальной идеологии. Согласимся лишь с обобщенной оценкой Р.И. Капелюшникова, который пишет, что в распространенном понимании неолиберализма «он олицетворяет собой правящее современным миром абсолютное метафизическое зло», «именно на него возлагается ответственность за все нынешние беды и проблемы человечества, как реальные, так и мнимые, будь то бедность, неравенство, изменение климата, дерегулирование, системный расизм, проникновение денег в политику или «ужасы, связанные с глобализацией и повторяющимися финансовыми кризисами» [12, с. 4].

от 31.03.2023 № 229 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. Ст. 2406; Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом: Указ Президента РФ от 05.09.2022 № 611 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 37. Ст. 6315.

¹ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

Для нашего исследования не важно, действительно ли неолиберализм является «вселенским злом» и действительно ли все зло в мире проистекает от неолиберализма. Здесь важен не сам термин «неолиберализм», а тот феномен, который им пытаются обозначить. Он же существует в качестве реальности и проявляет себя в формировании, утверждении и распространении неких идеологических ориентиров и установок, которые кроме деконструкции реальности и смыслов, не приносят в общество ничего созидательного. Отсылка к «либерализму» здесь служит, пожалуй, лишь указанием на генетический источник соответствующих идей. Вполне допустимо рассматривать их как некие либеральные по своей природе идеи, доведенные до бессмысленной крайности (до края, за которым сами идеи лишаются смысла). «Новая» идеология, прямо соотносимая с идеологией постмодернистского общества, выдвигает крайние идеи, проистекающие из признания непознаваемости мира, его бесконечной неопределенности, тотальной относительности, отсутствия в мире жизненных и идейных стандартов, понимания мира не в качестве онтологической реальности, а в качестве субъективного переживания каждого отдельного человека, каждое из которых имеет право на существование и признание со стороны окружающих. Такие идеи «выбивают» цементирующий идеологический фундамент развития общества, тем самым десоциализируя общество и превращая его в набор индивидов, которые способны сетевым способом формировать любые необходимые им (как правило, разовые и неустойчивые) группы для проведения собственных целей и задач, без оглядки на общество как цельность, ибо такой цельности в их представлении не существует. Такая деконструкция социальности самым решительным образом сказывается и на восприятии человека. Если исходить из азбучной истины о том, что человек есть существо био-психо-социальное, то «вымывание» социальности по сути приводит к обезчеловечиванию человека, к искажению его природы, к дегуманизации.

Современное общество не готово и не в состоянии дать адекватный ответ на такие идейные вызовы. В силу этого эти вызовы закономерно воспринимаются в качестве источника опасности, требующего купирования, минимизации или устранения. При этом ощущение опасности нетрадиционных ценностей постмодерна не есть черта сугубо российского социума. Западноевропейские исследователи не менее озабочены тем, что «христианство, ценности гуманизма и просвещения утрачивают свою притягательность в условиях «отупляющего воздействия массовой культуры, стандартизации средств массовой информации, коммерциализации культурных продуктов», что «в современной культуре преобладают секуляризация, материализм, гедонизм, индивидуализм», что «многие люди потеряли чувство трансцендентального», а на фоне впечатляющих технологических и экономических достижений происходит истощение духовной основы общества [10].

Таким образом, ставка на защиту традиционных ценностей означает защиту от непредсказуемых социальных трансформаций, которые потенциально возможны и реально наблюдаются не только в России, но и в любой точке мира в условиях распространения десоциализирующих и дегуманизирующих идей постмодерна. Традиционные ценности, есть в итоге, ценности, которые были свойственны человеческому обществу эпохи модерна с его относительно четкими контурами, стандартами, упорядоченностью, иерархией и определенностью.

Г). Традиционные российские духовно-нравственные ценности и консерватизм.

Для подтверждения мысли о том, что сама номенклатура традиционных российских духовно-нравственных ценностей отражает идеалы модерна, причем не соотносимые жестко с правым или левым флангом идеологического спектра, достаточно еще раз перечитать сами заявленные государством ценности и соотнести их со стандартизированными, шаблонными представлениями о сущности «левых» и «правых».

Попытка такого прочтения приводит исследователей порой к своеобразным выводам. А.Л. Бредихин, например, пишет, что «в самом перечне традиционных ценностей заложено глубинное противоречие, которое ставит вопрос о приоритете или гармоничном сочетании названных ценностей». Это противоречие усматривается им в том, в частности, что «жизнь, достоинство, права и свободы человека названы в числе традиционных ценностей, хотя по сути являются базой либеральной концепции»; «свойственный концепции прав и свобод индивидуализм явно противоречит ценностям «коллективизма», «приоритета духовного над материальным»; политический плюрализм плохо сочетается с патриотизмом и служением Отечеству и т.п.» [7, с. 191].

Однако противопоставление традиционных ценностей либеральным – не вполне верный с методологической (и с логической) точек зрения прием. В сугубо теоретическом плане либеральным ценностям могут «диалектически противостоять» ценности консервативные. Но в списке

традиционных российских ценностей такого противопоставления нет. Включение в их разряд тех, что в трактовке А.Л. Бредихина соотносятся с идеалами либерализма (жизнь, права и свободы человека) не должно восприниматься как создание внутренне противоречивой аксиологической системы. Номенклатура ценностей универсальна и для либералов, и для консерваторов. Различие – в их интерпретации теми и другими. Это особенно четко проявляется в трактовке ценностей прав и свобод человека, в решении вопросов, связанных с расстановкой приоритетов между личностью и государством.

Следовательно, чтобы понять суть традиционных российских духовных ценностей важно понять в каком ключе они интерпретируются властью и обществом. Именно интерпретацией содержания, точнее основанием этой интерпретации и идейной платформой, обеспечивающей их системное прочтение, обеспечивается единство всей системы ценностей и ее внутренняя непротиворечивость.

Анализ публичных выступлений Президента России¹, комментариев общественных деятелей² и научной литературы [1] показывает, что общей точкой согласия является признание в качестве такой платформы консерватизма. В самом общем приближении можно констатировать, что традиционные российские ценности являют собой набор консервативно окрашенных ценностных идеалов, которые выступают ориентирами общественного развития страны, основой для формирования и поддержания российской идентичности.

Г). О номенклатуре ценностей.

Рассуждая о наборе и содержании традиционных ценностей, закрепленных в соответствующих политико-правовых документах, важно обратить внимание на два момента.

Первое. В Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809, в отличие от Стратегии национальной безопасности 2021 года, этот перечень описан исчерпывающим образом. Этот факт не остался незамеченным в науке. Критически оценивая его, С.Н. Бабурин пишет: «В русской цивилизационной культурной традиции открывать этот перечень следует понятием любви. ... В числе первоочередных традиционных духовно-нравственных ценностей следует указать также веру, святости, свободу, спасение души, покаяние» [4, с. 326]. Подчеркнуто религиозный характер предлагаемых С.Н. Бабуриным ценностей не требует специального обсуждения. Но спасение души и покаяние не признаются базисными ценностями российского общества даже Русской православной церковью. В специальном документе XV Всемирного русского народного собора православная церковь сформировала свою позицию в отношении традиционных ценностных основ общероссийской идентичности, признав таковыми: веру, справедливость, мир, свободу, единство, нравственность, достоинство, честность, патриотизм, солидарность, семью, культуру и национальные традиции, благо человека, трудолюбие, самоограничение и жертвенность³. Набор признанных церковью ценностей, как видим, оказался более «светским», нежели предлагает С.Н. Бабурин. Уже только по этой причине его предложение о расширении официального перечня ценностей нельзя признать приемлемыми. Они, во-первых, несут на себе четкий религиозный отпечаток, недопустимый для фиксации в правовых документах в силу конституционного требования светскости государства и во-вторых, могут потенциально разделяться лишь строго ограниченным кругом граждан, не претендуя на всеобщий, общенациональный масштаб. Но главное, эти ценности функционально не предназначены для решения государственной задачи обеспечения внутренней и внешней безопасности страны, поддержания единства и сплоченности народа.

Вообще, к вопросу о расширении номенклатуры ценностей следует подходить максимально осторожно, взвешенно, тем более принимая во внимание, что сам факт их закрепления в нормативном документе вызвал неоднозначную реакцию. Более ожидаемо, чтобы ценности и их

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию (04.12.2014) // Российская газета. 2014. 05 дек.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию (12.12.2013) // Российская газета. 2013. 13 дек.; Пресс-конференция Владимира Путина [сайт]. Администрация Президента России; 2023 [протитировано 02 сентября 2023]. Доступно: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/19859>.

² Цыбизов Е. Словарь традиционных российских духовно-нравственных ценностей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/24310> (дата обращения: 02.09.2023 г.).

³ Базисные ценности – основа общенациональной идентичности [сайт]. Официальный сайт Московского Патриархата; 2023 [протитировано 02 сентября 2023]. Доступно: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1496038.html>.

трактовка находили отражение в программных документах политических партий или иных общественных организаций и сил, претендующих на место в парламенте с тем, чтобы поддержка «ценностных карт» осуществлялась непосредственно населением и реализовывалась в законодательных и иных решениях опосредованно. Однако государство приняло иное решение, с которым необходимо не просто считаться, но и уважать.

Что же касается исчерпывающего перечня ценностей, то мы не склонны к тому, чтобы конструировать конкретные предложения о его расширении. Но и согласиться с тем, что этот перечень является «закрытым», также не можем. Представляется, что оптимальной в данном случае является позиция Стратегии 2021 года, которая, предваряя описание ценностей оговоркой «прежде всего», оставляла возможности для признания иных ориентиров и идеалов традиционными российскими ценностями.

Второй момент состоит в том, что традиционные российские ценности, поименованные в политико-правовых документах, названы и ограничены «духовно-нравственными». Это обстоятельство «отсекает» из сферы анализа ценности, которые к таковым не относятся, прежде всего, ценности материальные. Но и сфера «духовного» охватывается этим набором ценностей не полностью. Он включает в себя, хотя и не в исчерпывающем объеме, ценности витальные (жизнь), моральные (нравственные идеалы, крепкая семья, гуманизм, милосердие), политические (гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, единство народов России), правовые (права и свободы человека), но не объемлет иные духовные ценности (научные, эстетические, религиозные и др.).

Выбор ценностей, таким образом, не является случайным и определяется социальным, политическим и правовым назначением самой идеи их закрепления. Стратегия национальной безопасности 2021 года определяет, что российское государство рассматривает свои базовые, сформировавшиеся на протяжении столетий отечественной истории духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности в качестве основы российского общества, которая позволяет сохранять и укреплять суверенитет Российской Федерации, строить будущее и достигать новых высот в развитии общества и личности (п. 90), что защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей осуществляется в целях укрепления единства народов России на основе общероссийской гражданской идентичности, сохранения исконных общечеловеческих принципов и общественно значимых ориентиров социального развития (п. 92).

Духовно-нравственные ценности, таким образом, подобраны (отобраны) для нормативного закрепления с учетом своего функционального назначения: очертить круг духовных ориентиров и нравственных идеалов, которые имеют значение в общегосударственном масштабе как основа для разработки, реализации управленческих решений и их широкой общественной поддержки. Они имеют, таким образом, двуединое назначение. Во-первых, выступают в качестве основания, целевых ориентиров и критериев оценки государственной политики, обеспечивая нравственный компонент политической практики. И, во-вторых, обеспечивают поддержку, одобрение этой политики гражданами, а как следствие, – ее результативность и эффективность.

Список использованной литературы:

1. Алексеенко И.Н., Воробьев Г.А., Самыгин С.И. О некоторых тенденциях общественного развития России в связи с пандемией коронавируса. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. 2020;13(3):133–140. DOI: 10.17213/2075-2067-2020-3-133-140.
2. Антонов В.Ф. Европейские ценности в нормативно-правовых актах ЕС. *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2021;(3(62)):116–118.
3. Артемьев А.А. Роль религии в сохранении и укреплении традиционных ценностей в условиях развития информационного общества в России. *Социально-гуманитарные знания*. 2023;(5):84–87.

References:

1. Alekseenko I.N., Vorob'ev G.A., Samygin S.I. [On some trends in the social development of Russia in connection with the coronavirus pandemic]. *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ehkonomicheskie nauki = Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*. 2020;13(3):133–140. DOI: 10.17213/2075-2067-2020-3-133-140 (In Russ.)]
2. Antonov V.F. [European values in EU regulations]. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata = Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notary*. 2021;(3(62)):116–118 (In Russ.)]
3. Artem'ev A.A. [The role of religion in preserving and strengthening traditional values in the context of the development of the information society in Russia]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and*

4. Бабури́н С.Н. Роль культурно-исторических особенностей и духовно-нравственных ценностей в современном конституционализме. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023;7(3):324–331.
5. Боровков М.И. Сравнительный анализ традиционных мировоззренческих ценностей российской и англосаксонской цивилизаций. *Гуманитарная подготовка в медицинском вузе: проблемы и перспективы: Материалы межвуз. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 27 мая 2022 года.* СПб.: Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова; 2023.
6. Бредихин А.Л. Понятие и содержание идеологической функции государства. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право.* 2021;(1(44)):50–57. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3272.
7. Бредихин А.Л. Традиционные ценности в идеологической системе российского государства. 550-летие Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря «Духовная безопасность и проблемы современного образования»: Сборник материалов X Международ. науч.-практ. Свято-Тихоновской конф., Псков, 27–29 августа 2023 года. Псков: Псковский государственный университет; 2023.
8. Бредихин А.Л. Эволюция идеологических доминант современной России. *Юридический вестник Самарского университета.* 2023;9(2):11–17.
9. Гончаров И.В. Генезис традиционных ценностей в условиях неолиберальной демократии. *Вестник Московского университета МВД России.* 2023;(4):62–66. DOI: 10.24412/2073-0454-2023-4-62-66.
10. Доновна Е.В. Размышления о европейской идентичности (обзор). *Политическая наука.* 2005;(3):178–179.
11. Егорейченко А.Б. Современная европейская культура: особенности, ценности и тенденции развития. *Общество: философия, история, культура.* 2018;(9(53)):80–83.
12. Капелюшников Р.И. Приключения «неолиберализма». *ЛОГОС.* 2022;32(4(149)):1–50. DOI: 10.22394/0869-5377-2022-4-1-49.
13. Мальченков С.А. Концепции «особого цивилизационного пути» современной России. *Социально-политические науки.* 2016;(2):107–110.
14. Мальченков С.А. Цивилизационный дискурс в humanitarian knowledge. 2023;(5):84–87. (In Russ.)]
4. Baburin S.N. [The role of cultural and historical features and spiritual and moral values in modern constitutionalism]. *Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences.* 2023;7(3):324–331. (In Russ.)]
5. Borovkov M.I. [Comparative analysis of traditional ideological values of the Russian and Anglo-Saxon civilizations]. *Gumanitarnaya podgotovka v meditsinskoy vuz: problemy i perspektivy: Materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf., Sankt-Peterburg, 27 maya 2022 goda = Humanitarian training at a medical university: problems and prospects: Materials of the inter-university. Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, May 27, 2022.* St. Petersburg: Military Medical Academy named after S.M. Kirov; 2023. (In Russ.)]
6. Bredikhin A.L. [The concept and content of the ideological function of the state]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law.* 2021;(1(44)):50–57. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3272 (In Russ.)]
7. Bredikhin A.L. [Traditional values in the ideological system of the Russian state]. *550-letie Svyato-Uspenskogo Pskovo-Pecherskogo monastyrya «Dukhovnaya bezopasnost' i problemy sovremennogo obrazovaniYA»: Sbornik materialov X Mezhdunarod. nauch.-prakt. Svyato-Tikhonovskoi konf., Pskov, 27–29 avgusta 2023 goda = 550th anniversary of the Holy Dormition Pskov-Pechersk Monastery "Spiritual security and problems of modern education": Collection of materials of the X International. scientific-practical. St. Tikhon's Conf., Pskov, August 27–29, 2023.* Pskov State University; 2023. (In Russ.)]
8. Bredikhin A.L. [The evolution of the ideological dominants of modern Russia]. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Legal Bulletin of Samara University.* 2023;9(2):11–17. (In Russ.)]
9. Goncharov I.V. [The genesis of traditional values in Neoliberal democracy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2023;(4):62–66. DOI: 10.24412/2073-0454-2023-4-62-66 (In Russ.)]
10. Donova E.V. [Reflections on European Identity (review)]. *Politicheskaya nauka = Political science.* 2005;(3):178–179. (In Russ.)]
11. Egorichenko A.B. [Modern European culture: features, values and development trends]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: philosophy, history, culture.* 2018;(9(53)):80–83. (In Russ.)]
12. Kapelyushnikov R.I. [The Adventures of "Neoliberalism"]. *LOGOS = LOGO.* 2022;32(4(149)):1–50. DOI: 10.22394/0869-5377-2022-4-1-49 (In Russ.)]
13. Mal'chenkov S.A. [Concepts of the "special civilizational path" of modern Russia]. *Sotsial'no-politicheskie nauki = Socio-political sciences.* 2016;(2):107–110. (In Russ.)]
14. Mal'chenkov S.A. [Civilizational discourse

высказываниях В.В. Путина. *Дискурс-Пи*. 2022;19(2):53–71.

15. Рубинский Ю.И. Ценностные ориентиры Европы (монография). М.: Ин-т Европы РАН; 2013.

in V.V. Putin's statements]. *Diskurs-Pi = Discourse-Pi*. 2022;19(2):53–71. (In Russ.)]

15. Rubinskii Yu.I. [*Value orientations of Europe*]. Moscow: Institute of Europe RAS; 2013. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чирков Филипп Викторович

кандидат юридических наук, докторант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», заслуженный юрист Кубани

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Philip V. Chirkov

Cand. of Sci. (Law), Doctoral student of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University", Honored Lawyer of Kuban

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-130-138>

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ МЕТАНОЛА ПОД ВИДОМ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

Шевелева С.В.*, Сорокина О.С.

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

(50 лет Октября ул., д. 94, г. Курск, Россия, 305040)

Ссылка для цитирования: Шевелева С.В., Сорокина О.С. Уголовная ответственность за незаконный оборот метанола под видом алкогольной продукции. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(4):130–138. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-130-138>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Шевелева Светлана Викторовна*, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес: 50 лет Октября ул., д. 94, г. Курск, Россия, 305040

Тел.: +7 (910) 313-15-66

E-mail: decan46@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства»

Статья поступила в редакцию: 14.09.2023

Статья принята к печати: 14.10.2023

Дата публикации: 23.10.2023

Аннотация: Проблема смертности от отравления суррогатным алкоголем за последние годы приобрела огромные масштабы. Законодательная инициатива установления уголовной ответственности за незаконный оборот метилового спирта (метанола), метанолсодержащих жидкостей под видом алкогольной продукции была поддержана Верховным Судом России и в мае 2023 г. введена ст. 234² УК РФ.

Цель исследования – спрогнозировать перспективы реализации ст. 234² УК РФ на практике.

В работе использованы общенаучные и частно-научные *методы* исследования. На основе анализа реализации смежных уголовно-правовых деликтов определены правила конкуренции со ст. 234² УК РФ. Посредством метода моделирования стало возможным определить «узкие» места в установлении субъективных и объективных признаков рассматриваемого состава преступления. Метод правового прогнозирования позволил сформулировать научно обоснованные перспективы реализации новеллы.

В *результате* выявлены технико-юридические погрешности новеллы, такие как излишнее указание на «незаконность» применительно к использованию метанола в пищевой продукции; умышленной реализации метанола в качестве алкогольной продукции и причинении тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшего по неосторожности. Определены субъективные и объективные признаки данного состава преступления. Высказано предположение, что ст. 234² УК РФ будет неким «пугающим» уголовно-правовым механизмом без возможности ее реализации на практике в силу отсутствия контрольно-надзорных мероприятий при производстве метанола и особенностей конструирования субъективной стороны – умысел на сбыт алкогольной продукции, содержащей метанол.

Ключевые слова: метанол, яд, уголовная ответственность, алкогольная продукция, суррогатный алкоголь.

CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL TRAFFICKING OF METHANOL UNDER THE GUISE OF ALCOHOLIC BEVERAGES

Svetlana V. Sheveleva*, Olga S. Sorokina
FGBOU VO "Southwest State University"
(50 years of October str., 94, Kursk, Russia, 305040)

Link for citation: Sheveleva S.V., Sorokina O.S. Criminal liability for illegal trafficking of methanol under the guise of alcoholic beverages. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(4):130–138. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-130-138>

CONTACT INFORMATION:

Svetlana V. Sheveleva*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law of the FGBOU VO "Southwest State University"

Address: 50 years of October str., 94, Kursk, Russia, 305040

Tel.: +7 (910) 313-15-66

E-mail: decan46@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

Acknowledgements. The publication was prepared within the framework of the state task No. 085102020-0033 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state"

The article was submitted to the editorial office: 14.09.2023

The article has been accepted for publication: 14.10.2023

Date of publication: 23.10.2023

Annotation: The problem of mortality from poisoning by surrogate alcohol has acquired huge proportions in recent years. The legislative initiative to establish criminal liability for the illegal trafficking of methyl alcohol (methanol), methanol-containing liquids under the guise of alcoholic beverages was supported by the Supreme Court of Russia and in May 2023 introduced Article 234² of the Criminal Code of the Russian Federation.

The purpose of the study is to predict the prospects for the implementation of Article 234² of the Criminal Code of the Russian Federation in practice.

The work uses general scientific and private scientific research methods. Based on the analysis of the implementation of related criminal law torts, the rules of competition with Article 234² of the Criminal Code of the Russian Federation are determined. By means of the modeling method, it became possible to identify "bottlenecks" in the establishment of subjective and objective signs of the considered corpus delicti. The method of legal forecasting made it possible to formulate scientifically sound prospects for the implementation of the novel.

As a result, technical and legal errors of the novel were revealed, such as an excessive indication of "illegality" in relation to the use of methanol in food products; intentional sale of methanol as alcoholic beverages and causing serious harm to the health or death of the victim by negligence. The subjective and objective signs of this corpus delicti have been determined. It is suggested that art. 234² of the Criminal Code of the Russian Federation will be a kind of "frightening" criminal law mechanism without the possibility of its implementation in practice due to the lack of control and supervisory measures in the production of methanol and the design features of the subjective side – intent to sell alcoholic beverages containing methanol.

Keywords: methanol, poison, criminal liability, alcoholic beverages, surrogate alcohol.

Введение

С 09 мая 2023 г. вступила в силу ст. 234² УК РФ, устанавливающая ответственность за незаконный оборот метилового спирта (метанола), метанолсодержащих жидкостей. Идея установления уголовной ответственности за подобное деяние возникла в конце 2022 г., когда по

стране прокатилась волна отравлений метанолом со смертельным исходом. По мнению депутатов Государственной Думы России, общие нормы (ст. 238, 234 УК РФ) оказались «нерабочими». Против выступала только фракция КПРФ, указав, на излишность нормы, нагромождение уголовного закона, справедливо ставя вопрос: почему только один конкретный яд будет предметом отдельного состава преступления?¹

По мнению авторов законопроекта действующие механизмы в области предупреждения и пресечения масштабной незаконной деятельности в сфере оборота метанола недостаточно эффективны. Выделение метанола из списка ядовитых веществ, утвержденных Правительством РФ для целей ст. 234 УК РФ, инициаторы законопроекта обосновали тем, что данное вещество употребляется гражданами под видом алкогольной продукции. «Только в период с июля по октябрь 2021 г. от употребления метанолсодержащей жидкости скончались 123 человека на территории республик Карелия, Мордовия, Татарстан, Чувашская Республика, Алтайского, Краснодарского краев, Курганской, Ленинградской, Оренбургской, Пензенской, Свердловской, Тамбовской, Ярославской областей, г. Санкт-Петербурга»². В том же году Следственный комитет России возбудил 111 уголовных дел об отравлениях суррогатным алкоголем, тогда как в 2020 г. было возбуждено 29. В 2021 г. от отравления погибли 179 человек. «По данным токсикологического мониторинга, представленным Роспотребнадзором, количество зарегистрированных фактов отравления метанолом в России за последние 7 лет составляет в среднем 1000 ежегодно, из них около 800 – повлекших смерть»³ [6; 7].

Законопроект был поддержан Верховным Судом России, указавшем в своем отзыве, что проблема нелегального оборота метилового спирта и связанных с этим негативных последствий обуславливает необходимость поиска новых правовых механизмов ее разрешения⁴.

В то же время высшая судебная инстанция сделала два довольно веских замечания.

Первое: ст. 238 УК РФ определяет ответственность за оборот продукции, товаров и услуг, не отвечающим требованиям безопасности. Судебная практика показывает, что большинство уголовных дел по ст. 238 УК РФ – это дела о суррогатном алкоголе. Если такие деяния были сопряжены с оборотом ядовитых веществ, то такие действия образуют совокупность по ст. 234 и 238 УК РФ. Верховный Суд РФ указал: «... в случае выделения в специальную статью ответственности за оборот спиртосодержащей продукции, в состав которой входят ядовитые вещества, норма должна отвечать критерию согласованности в общей системе правового регулирования»⁵. В результате санкции всех частей проектной нормы были снижены: ч. 1 – с 5 лет лишения свободы до 4; ч. 2 – с 4-8 лет лишения свободы до 6 лет лишения свободы; ч. 3 – с 8-15 лет лишения свободы до 10 лет.

Второе: в диспозиции первоначальной редакции проектной нормы был указан криминообразующий признак «заведомо создавшее условие для потребления другим лицом». Верховный Суд РФ справедливо отметил, что такая формулировка не отвечает критерию определенности. Аналогичное замечание высказал Комитет ГД РФ по государственному строительству и законодательству, указав на неопределенность: 1) действий, которые могут создавать условия для потребления метилового спирта; 2) термина «потребление». Метиловый спирт может употребляться как алкогольный суррогат, но также он используется в стеклоомывающих жидкостях, мастиках и другой продукции, могущей причинить вред здоровью⁶. Последний тезис не совсем

¹ Стенограмма обсуждений. Законопроект № 154146-8 [сайт]. СОЗД ГАС «Законотворчество»; 2023 [процитировано 06 сентября]. Доступно: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/154146-8>.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Законопроект № 154146-8 [сайт]. СОЗД ГАС «Законотворчество»; 2023 [процитировано 06 сентября]. Доступно: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/154146-8>.

³ Там же.

⁴ Официальный отзыв Верховного Суда РФ на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Законопроект № 154146-8 [сайт]. СОЗД ГАС «Законотворчество»; 2023 [процитировано 06 сентября]. Доступно: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/154146-8>.

⁵ Там же.

⁶ Заключение Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Законопроект № 154146-

соответствует действительности, т.к. в России с 2007 г. использование рассматриваемого яда при производстве «бытовой» продукции запрещено¹, а за его использование в изготовлении незамерзающих стеклоомывающих жидкостей, иных средств по уходу за автотранспортом, предусмотрена уголовная ответственность ст. 234 УК РФ².

В итоге в принятой норме имеется указание, что оборот метанола и метанолсодержащих жидкостей осуществляется «под видом алкогольной продукции».

Методы исследования

В работе использованы общенаучные и частно-научные *методы* исследования.

На основе анализа реализации смежных уголовно-правовых деликтов определены правила конкуренции со ст. 234² УК РФ.

Посредством метода моделирования стало возможным определить «узкие» места в установлении субъективных и объективных признаков рассматриваемого состава преступления.

Метод правового прогнозирования позволил сформулировать научно обоснованные перспективы реализации новеллы.

Результаты исследования

Высказано предположение, что ст. 234² УК РФ будет неким «пугающим» уголовно-правовым механизмом без возможности ее реализации на практике в силу отсутствия контрольно-надзорных мероприятий при производстве метанола и особенностей конструирования субъективной стороны – умысел на сбыт алкогольной продукции, содержащей метанол. Реализация метилового спирта под видом алкогольной продукции означает, что виновный не желает, но сознательно допускает наступление тяжких последствий (тяжкого вреда здоровью или смерти), т.е. действует с косвенным умыслом. Наступление подобных последствий по неосторожности возможно при реализации метанолсодержащих жидкостей с незначительной долей концентрации метанола. Указание на незаконность оборота метанола под видом алкогольной продукции следует признать технико-юридической ошибкой, т.к. законность продажи любого яда под видом пищевой продукции не предусмотрена.

Научная дискуссия

Относиться к указанному нововведению можно по-разному: либо как к излишней детализации уголовного закона и очередной попытке отдельные социальные проблемы решать уголовно-правовыми запретами, что, к сожалению, не редкость [1; 3; 4; 5], либо как к потенциально эффективной мере, нацеленной на предупреждение опасных ситуаций массового отравления алкогольными суррогатами [2]. Попытаемся спрогнозировать перспективы реализации ст. 234² УК РФ на практике.

Как представляется, первый вопрос, требующий своего ответа: почему только метанол? Так, работа с метанолом требует использование специальной одежды и обуви³; в соответствии с действующими правилами 1956 г. лица, работающие на химическом производстве метанола, имеют

8 [сайт]. СОЗД ГАС «Законотворчество»; 2023 [процитировано 06 сентября]. Доступно: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/154146-8>.

¹ О прекращении использования метилового спирта в средствах по уходу за автотранспортом: Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 11.07.2007 № 47 // Российская газета. 2007. 04 сент.

² См., например: Приговор № 1-184/2020 от 06.07.2020 по делу № 1-184/2020 (Железнодорожный городской суд (Московская область)) [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2023 [процитировано 07 сентября 2023]. Доступно: <https://sudact.ru>; Приговор № 1-379/2020 от 09.09.2020 по делу № 1-379/2020 (Батайский городской суд (Ростовская область)) [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2023 [процитировано 07 сентября 2023]. Доступно: <https://sudact.ru>; Решение № 12-67/2020 5-11/2020 от 15.06.2020 по делу № 12-67/2020 (Саратовский областной суд (Саратовская область)) [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2023 [процитировано 07 сентября 2023]. Доступно: <https://sudact.ru>.

³ Об утверждении Типовых норм бесплатной выдачи специальной одежды, специальной обуви и других средств индивидуальной защиты работникам химических производств, занятым на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, а также на работах, выполняемых в особых температурных условиях или связанных с загрязнением: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 11.08.2011 № 906 н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 26.09.2011 № 39.

право на государственную пенсию на льготных условиях и размерах¹. Правила по охране труда жестко регламентируют условия работы с метанолом вплоть до цвета емкостей и наличия знаков безопасности². Но подобные нормативные требования по работе с метанолом характерны и для других ядов, и, следовательно, опасность метанола как яда не может быть основанием выделения его незаконного оборота в отдельный состав преступления.

В отличие от других ядов, метанол легко растворяется в спиртах, является бесцветной жидкостью со спиртовым запахом. По воздействию является нервным и сосудистым ядом с резко выраженным кумулятивным эффектом, не раздражает кожу. Указанные характеристики позволяют имитировать данный яд как этиловый пищевой спирт. «Метиловый спирт (метанол) является наиболее опасным токсическим веществом, по органолептическим свойствам практически не отличим от этилового спирта и, в случае использования его в качестве суррогатного алкоголя, приводит к летальному исходу»³. 5–10 мл выпитого метанола могут вызвать тяжелое отравление и слепоту, а 30 мл – привести к смерти [8]. При большой дозировке отравление протекает молниеносно, смерть наступает в течение 2–3 часов. Согласно инструкции по оказанию первой медицинской помощи при отравлении метанолом после промывания желудка дают выпить: «... 200 мл 30–40 % раствора этилового алкоголя в два приема. Этиловый спирт нарушает метаболизм метанола посредством связывания определенных ферментных систем организма и своим воздействием может спасти потерпевшего от смертельного исхода»⁴. Именно в характеристиках метанола кроется ответ на поставленный вопрос.

Не допускается: «изготовление политуры на основе метанола; выпуск продуктов (мастик, нитролаков, клеев и др.), выпускаемых в торговую сеть, в состав которых входит метанол; применение метанола для разжигания нагревательных приборов; применение метанола в качестве растворителя лакокрасочных материалов; применение метанола в быту; использование метанола при изготовлении стеклоомывающих жидкостей»⁵. Иными словами, возможность «свободного оборота» метанола запрещена под угрозой административной ответственности (ст. 14.2 КоАП РФ)⁶. Применение метанола допустимо только в тех производственных процессах, где он не может быть заменен другим менее токсичным веществом. Если заменить метанол невозможно, в него должны добавляться денатурирующие добавки, чтобы придать неприятный запах или окрасить, кроме случаев, где такие добавки нарушают технологический процесс. Запрещается производство (применение, хранение) в одном помещении этилового спирта и метанола. Хранение метанола на производстве допустимо только в объеме суточной нормы выработки⁷. Использование метанола в пищевых продуктах недопустимо (ст. 3 ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов»⁸).

Поэтому «Незаконное производство, приобретение, хранение, перевозка или пересылка в целях сбыта, а равно сбыт метилового спирта (метанола) либо метанолсодержащих жидкостей под видом алкогольной продукции» (диспозиция ч. 1 ст. 234² УК РФ) априори не может быть законным. Указание на незаконность в сопоставлении с целью является излишней.

Учитывая, что диспозиция ч. 1 ст. 234² УК РФ сформулирована как формальный состав, наступление каких-либо опасных последствий не требуется. Следовательно, на этапе производства,

¹ Об утверждении списков производств, цехов, профессий и должностей, работа в которых дает право на государственную пенсию на льготных условиях и в льготных размерах: Постановление Совмина СССР от 22.08.1956 № 1173 (ред. от 27.09.1990) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Правил по охране труда в целлюлозно-бумажной и лесохимической промышленности (пп. 706–715): Приказ Минтруда России от 04.12.2020 № 859 н // Доступ из СПС «Гарант».

³ О прекращении использования метилового спирта в средствах по уходу за автотранспортом: Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 11.07.2007 № 47.

⁴ Инструкция по оказанию первой помощи при несчастных случаях (подготовлено экспертами ФГБУ «ВНИИ охраны и экономики труда» Минтруда России) // Доступ из СПС «Гарант».

⁵ Об утверждении СП 2.3.3.2892-11 «Санитарно-гигиенические требования к организации и проведению работ с метанолом»: Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 12.07.2011 № 99 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 17.10.2011. № 42.

⁶ Решение № 12-67/2020 5-11/2020 от 15.06.2020 по делу № 12-67/2020 (Саратовский областной суд (Саратовская область)).

⁷ Там же.

⁸ О качестве и безопасности пищевых продуктов: Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Доступ из СПС «Гарант».

приобретения, хранения, перевозки метилового спирта правоохранительным органам следует доказать, что данные действия осуществлялись под видом производства (и других действий) алкогольной продукции.

Коротко попытаемся определить вопросы производства. Промышленное производство метанола в основном сконцентрировано на его выработке из природного газа. В России сейчас существует 8 крупных производств метанола, и экспорт метанола в 2 раза выше, чем внутренняя потребность страны в потреблении. Высокий оборот рассматриваемого яда объясняется большими запасами газового сырья¹. Однако, в настоящее время существует относительно новый способ производства метанола из «дармового сырья». Суть технологии заключается в использовании наностержней оксида меди Cu_2O , покрытых другим оксидом меди CuO . Такие стержни погружаются в воду, насыщенную углекислым газом (CO_2), потом облучаются солнечным светом, вызывая фотоэлектрохимическую реакцию, приводящую к выбросу метанола². Подобный метод дешевый и не нуждается в установке «серьезного» производства. Производство метилового спирта не требует лицензирования.

Смоделируем ситуацию: правоохранительными органами раскрыт подпольный цех по производству метанола. В помещении обнаружено соответствующее оборудование и тара с маркировкой «ЯД» или без таковой. Применение рассматриваемой нормы невозможно, т.к. невозможно доказать направленность умысла на производство метанола под видом алкогольной продукции. Сложно представить ситуацию, когда в одном помещении будет налажено производство и «оформление» продукции под алкогольную (или спиртосодержащую): наклейка этикеток или розлив в «фирменные» бутылки (например, на стекле имеется отлитая информация), разбавление с этиловым спиртом или водой, подделка сопроводительных документов и т.д. Привлечь виновных можно по ст. 234 УК РФ. В случае легального производства уголовная ответственность исключается.

Аналогично можно предположить, что и на других этапах – приобретение, хранение, перевозка некой тары, содержащей жидкость прозрачного цвета с ярко выраженным спиртовым запахом, не позволит правоохранителям применить рассматриваемую норму.

Доказать, что действия с метанолсодержащими жидкостями нацелены на сбыт «под видом алкогольной продукции» возможно либо в случаях, когда к таре будет прикреплена этикетка или жидкость налита в «фирменную» бутылку либо на этапе реализации «конечному» потребителю, введенному в заблуждение относительно свойств продукта. Последний момент имеет принципиально важное значение для установления субъективной стороны преступления.

Субъективная сторона ст. 234² УК РФ характеризуется виной в форме прямого умысла, т.е. виновное лицо должно быть осведомлено о составе «алкогольной продукции», что также будет представлять определенные трудности в доказывании, т.к. правоохранительным органам необходимо будет расследовать всю «цепочку» – от момента «производства» до реализации. На отсутствие осведомленности, что жидкость представляет собой яд, может указывать совместно распитие такого алкоголя, перепродажа в той же таре, что и при приобретении, предоставление исчерпывающей информации о месте и (или) источнике приобретения.

Интерес представляет следующий кейс, ставший предметом рассмотрения Верховного Суда РФ. П.М. обратилась к страховой компании в связи с наступлением страхового случая – смертью П.А. Страховая компания смерть П.А. страховым случаем не признала, т.к. он скончался от отравления суррогатов алкоголя, содержащего в том числе метанол. П.М. приобрел алкоголь у К., который был привлечен к уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ. Суд первой инстанции, куда впоследствии обратилась П.М. указал: «смерть застрахованного лица наступила в результате несчастного случая, на происхождение которого напрямую повлияло **добровольное** (выделено авт.) употребление застрахованным лицом спиртосодержащих, токсических веществ (суррогатов алкоголя с содержанием в них, в том числе, метанола), ... это событие не может быть признано страховым случаем, основания для страховой выплаты отсутствуют». Однако Верховный Суд РФ не согласился с позицией нижестоящих судов, определив: «Факт приобретения спиртосодержащей жидкости, разрешенной к употреблению у К., осуществлявшего предпринимательскую деятельность, связанную с продажей продуктов питания, **не свидетельствует о добровольности** приобретения для последующего употребления токсических веществ (метанола) с

¹ Кемалов Р.А. Технологии получения и применения метанола / Р.А. Кемалов, А.Ф. Кемалов. Казань: Казан. ун-т; 2016. С. 118–121.

² Там же. С. 115–116.

осознанием возможных последствий»¹. К. продавал суррогатный алкоголь под видом качественного у себя в магазине. Несмотря на то, что вряд ли он был осведомлен о содержании метанола, его виновность заключается в умышленном искажении информации о качестве алкоголя.

Отсутствие доказательств об обмане покупателя о характеристиках продаваемого алкоголя может указывать на отсутствие умысла. В этой связи заслуживает внимания уголовное дело в отношении ФИО 10, обвинявшегося по ч. 3 ст. 238 УК РФ. Судебной коллегией по уголовным делам Ярославского областного суда ФИО 10 был оправдан. Подсудимый не отрицал, что продал потерпевшим спиртосодержащую жидкость, но о том, что в состав этой жидкости входил метанол ему было не известно. По материалам дела видно, что аналогичную жидкость он приобретал у «проверенного» поставщика по несколько канистр неоднократно для себя, друзей и знакомых, потерпевшие не первый раз покупали такие канистры у ФИО 10, никаких проблем со здоровьем после употребления не было. Кроме того, как только ФИО 10 стало известно, что после употребления алкоголя «из последней партии» несколько его покупателей с отравлением попали в больницу, он сразу позвонил другим покупателям и предупредил, что пить приобретенный алкоголь нельзя, т.к. возможно он некачественный. Версия следствия основывалась на том, что на канистрах отсутствовала маркировка, акцизная марка, и давало обвиняемому основание полагать, что алкоголь некачественный. Однако виновный не переливал алкоголь в другую тару, и потерпевшие также приобретали товар без этикеток и акцизов, что свидетельствует об отсутствии умысла на реализацию заведомо опасной для жизни и здоровья спиртосодержащей жидкости. Следует отметить, что следствием установлено лицо, продавшее ФИО 10 спиртосодержащую жидкость, содержащую метанол².

Однако, приведенный пример, скорее исключение. Умысел на продажу суррогатного алкоголя чаще устанавливается на основе того, что осужденный сбывал алкогольную жидкость без маркировки и документов, «осознавая, что реализуемый им товар не отвечает требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, осознавая общественную опасность и противоправность своих действий»³ либо без необходимой сертификации «заведомо осознавая, что спиртосодержащая жидкость не отвечает требованиям безопасности для жизни или здоровья потребителей, что она непригодна для употребления в пищу, поскольку данная жидкость не прошла необходимую для подобной продукции сертификацию на предмет соответствия установленным требованиям безопасности»⁴. В проведенных примерах виновные осуждены по ч. 1 ст. 238 УК РФ. «Типичными» ситуациями для квалификации действий виновных по ст. 238 УК РФ при продаже суррогатного алкоголя являются случаи продажи в магазинах розничной торговли бутылок с поддельными этикетками⁵ либо по явно заниженным ценам⁶.

Полагаем, для целей ст. 234² УК РФ отсутствие маркировки и документов, наличие поддельных этикеток явно недостаточно. Умыслом виновного должно охватываться знание, что в состав алкоголя входит метанол. Доказать такое знание можно только когда будет установлен источник приобретения и информированность «продавца» о составе спиртосодержащей жидкости. Но коль скоро виновный будет осведомлен о содержании метанола, можно ли ставить о вопрос о причинении тяжкого вреда здоровью либо смерти человека по неосторожности (п. «а» ч. 2 ст. 234² УК РФ)? Употребление метанола в большой концентрации всегда приводит к таким

¹ Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25.07.2023 № 47-КГ23-2-К6 // Доступ из СПС «Гарант».

² Приговор № 22-568/2023 от 22.03.2023 (Ярославский областной суд (Ярославская область)) [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2023 [процитировано 09 сентября 2023]. Доступно: <https://sudact.ru>.

³ Приговор № 1-229/2020 от 18.11.2020 по делу № 1-229/2020 (Шалинский городской суд (Чеченская Республика)) [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2023 [процитировано 09 сентября 2023]. Доступно: <https://sudact.ru>.

⁴ Приговор № 1-279/2020 от 07.09.2020 по делу № 1-279/2020 (Осинниковский городской суд (Кемеровская область)) [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2023 [процитировано 09 сентября 2023]. Доступно: <https://sudact.ru>.

⁵ Приговор № 1-629/2020 от 28.07.2020 по делу № 1-629/2020 (Шахтинский городской суд (Ростовская область)) [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2023 [процитировано 09 сентября 2023]. Доступно: <https://sudact.ru>.

⁶ Приговор № 1-218/2017 от 29.09.2017 по делу № 1-218/2017 (Домодедовский городской суд (Московская область)) [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2023 [процитировано 09 сентября 2023]. Доступно: <https://sudact.ru>.

последствиям. Лишь незначительная его доля в спиртосодержащей жидкости может «спасти» потерпевшего от подобных последствий. Следовательно, лицо, осуществляющее незаконный оборот метилового спирта под видом алкогольной продукции в принципе, осознает и сознательно допускает наступление тяжкого вреда здоровью или смерть потерпевшего, т.е. имеет место умысел на наступление такого рода последствий. Теоретически только при обороте метанолсодержащих жидкостей доля метанола может быть низкой, и наступление вреда здоровью или смерть потерпевшего будет по неосторожности.

Как правило, в суррогатном алкоголе содержится не только метанол, но и ряд других опасных для жизни и здоровья химических составляющих. Несколько примеров из практики: «в жидкости, содержащейся в пластиковой бутылке емкостью 500 мл., содержатся: уксусный альдегид, ацетон, этилацетат, метанол, 2-пропанол»¹; «Сбытая гр. Т. жидкость является спиртосодержащей жидкостью с объемной долей этилового спирта 44,8 % объема, в которой в качестве токсичных компонентов присутствуют уксусный альдегид (1,5 мг/), ацетон (923,1 мг/), метанол (0,004 мг/), 2-пропанол (2,3 мг/)². Следует ли оценивать продажу такого алкоголя по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 238 и 234² УК РФ. Полагаем, ст. 234² УК РФ является специальной по отношению к ст. 238 УК РФ, поэтому дополнительная квалификация не требуется.

Подводя итог, следует отметить, что новая норма будет неким «пугающим» уголовно-правовым механизмом без возможности ее реализации на практике в силу отсутствия контрольно-надзорных мероприятий при производстве метанола и особенностей конструирования субъективной стороны – умысел на сбыт алкогольной продукции, содержащей метанол. Реализация метилового спирта под видом алкогольной продукции означает, что виновный не желает, но сознательно допускает наступление тяжких последствий (тяжкого вреда здоровью или смерти), т.е. действует с косвенным умыслом. Наступление подобных последствий по неосторожности возможно при реализации метанолсодержащих жидкостей с незначительной долей концентрации метанола. Указание на незаконность оборота метанола под видом алкогольной продукции следует признать технико-юридической ошибкой, т.к. законность продажи любого яда под видом пищевой продукции не предусмотрена.

Список использованной литературы:

1. Байбарин А.А. «Новые преступники»: о тенденции расширения круга специальных субъектов в особенной части УК РФ. *Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIX Международной научно-практической конференции, Москва, 20–21 января 2022 года*. Москва: Блок-Принт; 2022.
2. Гиль А.Ю., Никифоров С.А., Хальфин Р.А. Незарегистрированный алкоголь в России – по-прежнему серьезная проблема общественного здоровья в 2018–2020 годах. *Проблемы стандартизации в здравоохранении*. 2021;(11–12):31–37. DOI: 10.26347/1607-2502202111-12031-037.
3. Гребеньков А.А., Гребенькова Л.А. Пропаганда социально-негативного поведения среди несовершеннолетних как общественно опасное явление. *Проблемы правоохранительной деятельности*. 2019;(3):24–28.

References:

1. Baibarin A.A. ["New criminals": on the trend of expanding the circle of special subjects in the special part of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 20–21 yanvary 2022 goda = Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century: Proceedings of the XIX International Scientific and Practical Conference, Moscow, January 20–21, 2022*. Moscow: Blok-Print; 2022. (In Russ.)
2. Gil' A.Yu., Nikiforov S.A., Khal'fin R.A. [Unregistered alcohol in Russia is still a serious public health problem in 2018–2020]. *Problemy standartizatsii v zdravookhranении = Problems of standardization in healthcare*. 2021;(11–12):31–37. DOI: 10.26347/1607-2502202111-12031-037 (In Russ.)
3. Greben'kov A.A., Greben'kova L.A. [Propaganda of socially negative behavior among minors as a socially dangerous phenomenon]. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti = Problems of law enforcement*. 2019;(3):24–28. (In Russ.)

¹ Приговор № 1-46/2022 от 09.02.2022 по делу № 1-46/2022 (Шатурский городской суд (Московская область)) [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2023 [процитировано 09 сентября 2023]. Доступно: <https://sudact.ru>.

² Агешкина Н.А., Беляев М.А., Белянинова Ю.В., Бирюкова Т.А., Болдырев С.А., Буранов Г.К., Воробьев Н.И., Галкин В.А., Дудко Д.А., Егоров Ю.В., Захарова Ю.Б., Копьёв А.В. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Доступ из СПС «Гарант».

4. Коняхин В.П., Прохорова М.Л., Куфлева В.Н. Прогресс и преемственность в российском уголовном праве. *Уголовное право*. 2021;(9(133)):63–73.

5. Коняхин В.П., Прохорова М.Л., Куфлева В.Н. Уголовный закон: алгоритм и стратегия развития. *Российский следователь*. 2022;(5):4–7. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-5-4-7.

6. Лепехина О.Е., Подгорнова Н.А. Алкогольная смертность: тенденции и проблемы ее снижения в России и ряде европейских стран. *Россия и мировое сообщество: проблемы демографии, экологии и здоровья населения: Сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 11–12 июля 2022 года*. Под научной редакцией С.Д. Морозова, В.Б. Жиромской. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет; 2022.

7. Употребление суррогатного алкоголя лицами с расстройствами, связанными со злоупотреблением алкоголем (на примере субъекта Российской Федерации) / А.Ю. Гиль, Р.А. Хальфин, С.М. Криницкий [и др.]. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2021;29(3):486–491. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-3-486-491.

8. Шаброва Е.С., Петренко В.И. Негативное влияние суррогатного алкоголя на организм человека и опасность его употребления. *Охрана труда и техносферная безопасность на объектах промышленности, транспорта и социальных инфраструктур: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 16–17 февраля 2022 года*. Под редакцией А.И. Зябиров, А.В. Чупшева. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет; 2022.

4. Konyakhin V.P., Prokhorova M.L., Kufleva V.N. [Progress and continuity in Russian criminal law]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*. 2021;(9(133)):63–73. (In Russ.)]

5. Konyakhin V.P., Prokhorova M.L., Kufleva V.N. [Criminal law: algorithm and development strategy]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator'*. 2022;(5):4–7. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-5-4-7 (In Russ.)]

6. Lepekhina O.E., Podgornova N.A. [Alcohol mortality: trends and problems of its reduction in Russia and a number of European countries]. *Rossiya i mirovye soobshchestvo: problemy demografii, ehkologii i zdorov'ya naseleniya: Sbornik statei V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Penza, 11–12 iyulya 2022 goda = Russia and the world community: Problems of demography, ecology and public health: Collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference, Penza, July 11–12, 2022*. Under the scientific editorship of S.D. Morozov, V.B. Zhiromskaya. Penza: Penza State Agrarian University; 2022. (In Russ.)]

7. [The use of surrogate alcohol by persons with disorders related to alcohol abuse (on the example of a subject of the Russian Federation)] / A.Yu. Gil', R.A. Khal'fin, S.M. Krinitskii [et al.]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny = Problems of social hygiene, health care and the history of medicine*. 2021;29(3):486–491. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-3-486-491 (In Russ.)]

8. Shabrova E.S., Petrenko V.I. [The negative impact of surrogate alcohol on the human body and the danger of its use]. *Okhrana truda i tekhnosfernaya bezopasnost' na ob'ektakh promyshlennosti, transporta i sotsial'nykh infrastruktur: Sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Penza, 16–17 fevralya 2022 goda = Occupational safety and technosphere safety at industrial, transport and social infrastructure facilities: Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Penza, February 16–17, 2022*. Edited by A.I. Zyabirov, A.V. Chupshev. Penza: Penza State Agrarian University; 2022. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шевелева Светлана Викторовна*

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

ORCID: 0000-0002-8358-8924

Author ID: 56451310300

ResearcherID: AAC-6622-2019

Сорокина Ольга Сергеевна

аспирант кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana V. Sheveleva*

Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law of the FGBOU VO "Southwest State University"

ORCID: 0000-0002-8358-8924

Author ID: 56451310300

ResearcherID: AAC-6622-2019

Olga S. Sorokina

Postgraduate student of the Department of Criminal Law of the FGBOU VO "Southwest State University"